

Часть III
ОТ МАРКСИЗМА К МЕНЬШЕВИЗМУ
(1903—1918 годы)

Глава IX

ПЕРЕХОД ПЛЕХАНОВА НА ПОЗИЦИИ МЕНЬШЕВИЗМА

В экономических работах 1883—1903 гг. Плеханов выступил в основных вопросах последовательным марксистом и дал ценные исследования в борьбе с народничеством и ревизионизмом, обогатившие экономическую литературу России. Как пионер марксизма в России и принципиальный революционер, выдающийся мыслитель и блестящий полемист, он открыл новую страницу в исторической эволюции русской экономической мысли.

Однако с 1903 г. он оказался в лагере меньшевизма—русской разновидности международного оппортунизма, и его политические выступления в последующие 15 лет сопровождались все более решительным разрывом с наиболее существенными принципами марксизма.

Естественно, встает вопрос, как это стало возможно и почему столь долгая, можно сказать, блестящая борьба Плеханова за торжество марксизма в России и на международной арене закончилась его отходом от марксизма.

Понятно, что поворот столь принципиального характера не мог быть случайным и объяснялся многими причинами. Переход Плеханова на позиции меньшевизма в значительной мере был подготовлен ошибочными идейно-политическими тенденциями его предшествующих работ. Отмеченные выше «зародыши меньшевизма»

дали, наконец, ростки, которые приобрели со временем зрелые формы. Но идейную эволюцию Плеханова нельзя рассматривать как прямолинейный процесс накопления ошибок, мотивированный чисто внутренними закономерностями развития его мировоззрения, логикой последнего. На самом деле при этом произошел серьезный поворот в идейно-политическом развитии Плеханова, прямой разрыв его с марксизмом. Он встал на путь предательства интересов пролетарской революции, переметнувшись в лагерь меньшевизма.

Для столь решительного поворота и ломки мировоззрения, политической линии недостаточно было простого накопления ошибок в предшествующих работах. Определяющее значение имело развитие в рабочем движении оппортунизма, захлестнувшего партии II Интернационала, с которым Плеханов был связан самым тесным образом.

Это явление наблюдалось и в России. Развитие оппортунизма в рабочем движении России было неразрывно связано с теми изменениями, которые происходили в ее экономике, соотношении классовых сил и ходе классовой борьбы. Быстрое развитие капитализма в послереформенный период дает к концу XIX столетия определенные результаты. В 90-х годах Россия переживает настоящий промышленный подъем, который вызвал серьезные сдвиги в состоянии промышленности и структуре рабочего класса.

Русская промышленность в эти годы развивалась даже быстрее, чем промышленность других стран. За 1890—1899 гг. выплавка чугуна увеличилась в России на 190%, между тем как в Англии она выросла лишь на 18%, в Германии — на 72%, в США — на 50%. Добыча каменного угля увеличилась в России на 131%, а в Англии только на 22%, в Германии — на 52%, в США — на 61%. В хлопчатобумажной промышленности России за это десятилетие количество веретен выросло на 76%, в Англии — лишь на 3,8%, в США — на 25,6%, на континенте Западной Европы — на 33%.

Промышленный подъем выражался как в росте отдельных отраслей, так и продукции всей промышленности. За 1890—1900 гг. в фабрично-заводской промышленности России число предприятий увеличилось на 18,3%, а объем производства — на 100%. На протяже-

нии этого десятилетия было построено 21 396 верст железнодорожного полотна¹.

Бурный рост промышленности вызвал большие изменения в составе рабочего класса и его положении. Резко увеличивается численность пролетариата. За 1890—1900 гг. число рабочих в фабрично-заводской промышленности России выросло на 66,6%. Практически это означало консолидацию рабочего класса России, укрепление его социальных позиций. Промышленный подъем опирался на зверскую эксплуатацию рабочих. Он вызывал обострение классовых противоречий, активизацию рабочего движения. Ускоряется вызревание предпосылок революции 1905 г. Россия становится родиной ленинизма, означавшего новый этап в развитии творческого марксизма эпохи империализма и пролетарских революций.

Однако влияние промышленного подъема 90-х годов на политическое развитие рабочего класса России было весьма противоречивым. В процессе промышленного производства вовлекались сотни тысяч разорившихся крестьян, городских ремесленников и других категорий населения. Ряды рабочего класса засорялись всякого рода мелкобуржуазными элементами и тем самым создавалась социальная база для оппортунизма. Стал возможен так называемый «экономизм» в рабочем движении России, выражавший настроения отсталой части рабочих, мелкобуржуазных элементов в среде русского пролетариата. Преемником «экономизма» оказался с 1903 г. меньшевизм как русская разновидность международного оппортунизма. Особенность положения в России заключалась в том, что первоначально оппортунизм питался за счет преимущественно мелкобуржуазных элементов, впервые вовлекаемых в орбиту крупной промышленности. В этом своеобразии находил отражение тот широкий процесс капиталистической индустриализации, который еще только переживала Россия в конце XIX в.

Позднее оппортунизм в рабочем движении России, как и в других странах, оказывается связанным с особенностями экономического и политического развития эпо-

¹ См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., Союзгиз, 1948, стр. 214—215, 149, 158.

хи империализма. В начале XX в. Россия тоже вступает в фазу империализма, и это находит самые разнообразные проявления. В частности, процесс концентрации промышленного производства заходит очень далеко, и на предприятиях, имевших больше 500 человек, в России было занято в 1910 г. 53,4% всех рабочих, между тем в США только 33%. Уже в 1902 г. возникают монополистические объединения в черной металлургии и металлообрабатывающей промышленности. К 1907—1909 гг. синдикаты и синдикатские соглашения охватывают уже подавляющее число предприятий почти всех ведущих отраслей промышленности.

Господство монополий давало последним сверхприбыль и делало возможным присвоение максимальных прибылей. Нельзя игнорировать и то важное обстоятельство, что царская Россия владела обширными колониями, эксплуатация которых тоже была источником огромных сверхприбылей для монополий. За счет этих прибылей и в России начинался подкуп технической интеллигенции, администраторов и всякого рода мастеров, даже части квалифицированных рабочих. Выделялась прослойка «рабочей аристократии», хотя и в меньшем масштабе, чем в Англии, США, Франции или Германии. Экономическая отсталость царской России и ее значительная зависимость от более сильных империалистических держав лимитировали этот процесс, но он все-таки постепенно развивался.

Кроме того, в России даже в эпоху империализма продолжался еще процесс формирования рабочего класса, его ряды пополнялись выходцами из мелкобуржуазной среды. Необходимо учитывать и остроту классовых конфликтов в России 1903—1918 гг. В грозные дни революций 1905 и 1917 гг. необычайно многочисленны в стране мелкобуржуазные элементы, отчасти проникавшие в состав рабочего класса, неизбежно колебались при разрешении самых разнообразных вопросов.

Все это, вместе взятое, и создало социальную основу оппортунизма в рабочем движении России. Русские меньшевики по примеру бернштейнцев и других правых социалистов становятся на путь предательства коренных интересов рабочего класса. В личной биографии Плеханова важное значение имело то обстоятельство, что он долгие годы прожил в эмиграции и оторвал-

ся от рабочего движения в России. Зато, наоборот, все теснее становились связи его с лидерами II Интернационала, погрязшими в оппортунизме. В конце концов сам Плеханов оказывается в лагере того оппортунизма, с которым он раньше вел столь блестящую полемику.

В таких условиях старые ошибки меньшевистского характера приобретали новый смысл и начинали играть важную роль в идейной эволюции Плеханова, в его переходе на позиции меньшевизма.

Необходимо отметить и идейные предпосылки перехода Плеханова на позиции меньшевизма. Ведь теоретические ошибки Плеханова в предшествующее 20-летие сыграли весьма существенную роль в подготовке его капитуляции перед оппортунизмом. Анализ экономических работ Плеханова не оставляет сомнений в правильности этого вывода. Даже в его произведениях, написанных в борьбе с народничеством, встречается много ошибочных положений, которые в дальнейшем в той или иной форме становились исходной точкой для заключенный меньшевистского характера.

Еще в брошюре «Социализм и политическая борьба», которой Плеханов начал свою борьбу с народничеством, имелось довольно много ошибочных положений и формулировок, с такой акцентацией на отдельных моментах, которые в последующем допускали ошибочное, меньшевистское толкование.

Так, в этой статье Плеханов ссылается на авторитет Лассалля, от влияния которого он не освободился и позднее. Партию «Народной воли» Плеханов признает все-таки социалистической, несмотря на резкую критику народоволюционных утопий. Он не понимает революционного значения народничества как мелкобуржуазной демократии, вступившей на путь революционной борьбы с дворянскими привилегиями, деспотизмом самодержавия Романовых и другими пережитками феодального режима. Этим и подготовлялся позднейший меньшевистский вывод, согласно которому все революционные выступления мелкобуржуазных элементов, крестьянства неизбежно приобретают реакционный характер и не могут быть использованы пролетариатом для социалистического переустройства общества. С этой точки зрения весьма показательно то, что практические предложения статьи Плеханова фактически призывали к отказу от

работы в деревне. Зато Плеханов предлагал приспособлять деятельность революционеров к умеренным требованиям либералов, советуя не пугать кого бы то ни было «красным призраком». Безусловно ошибочным является мнение некоторых авторов, будто Плеханов в статье «Социализм и политическая борьба» дает правильное определение политической роли буржуазии в предстоящей революции².

Вместе с тем Плеханов проявляет в этой работе такую боязнь «авторитарного коммунизма» и столь сильное неверие в преобразующую роль декретов социалистического правительства, что впоследствии он стал отрицать, в чисто меньшевистском духе, творческую роль диктатуры пролетариата в экономической жизни и откладывать социалистическую революцию в России до полного «вызревания» экономических предпосылок социализма еще в условиях капитализма. Во всяком случае безоговорочный тезис Плеханова, что декретами социализма не создашь, высказанный в столь общей и категорической форме, допускал позднее меньшевистское толкование.

Наконец, в решающем вопросе о ближайших судьбах социализма в России Плеханов занимал явно противоречивую позицию. Он предсказывал близкое крушение русской буржуазии и пророчил скорое социальное освобождение рабочего класса. Однако одновременно, ссылаясь на невежество и политическую инертность народных масс, экономическую отсталость России, он подчеркивал в необычайно резкой форме свое неверие в близкую возможность социалистической революции в России.

Конечно, столь категорические формулировки Плеханова по вопросу о судьбах социализма в России объяснялись обстановкой 80-х годов и не были в ту пору меньшевизмом. Но, повторяя их буквально в изменившихся условиях 1905 и 1917 гг., он приходил к чисто меньшевистским выводам о незрелости России для социалистической революции, беспочвенности социализма на ее территории.

В работе «Наши разногласия» тоже имелись ошибочные формулировки.

Так, Плеханов безоговорочно утверждал в духе меновой концепции, что обмен является коренным свойством буржуазного производства. Между тем это верно только генетически, так как капиталистическое производство является прежде всего процессом эксплуатации рабочего класса, присвоения прибавочной стоимости, а товарность хозяйства должна рассматриваться лишь как его общеэкономическая предпосылка.

Формулировка Плеханова фактически дает основание для популярного впоследствии в экономической литературе меньшевизма отождествления капиталистического производства с мелкотоварным. Во всяком случае эта формулировка нуждалась в оговорках. Если к этому добавить, что, по мнению Плеханова, степень эксплуатации рабочих зависит от уровня их потребностей и развития эксплуатируемых вообще, то становится совершенно ясным, что в основном вопросе экономической теории Маркса Плеханов действительно занимал недостаточно четкую позицию, преуменьшал значение отношений капиталистической эксплуатации и степень последней. Ведь культурное преодоление капитализма путем безграничного повышения заработной платы рабочего класса с ростом его культурного уровня стало в дальнейшем лозунгом международного реформизма. Недооценка роли производственных факторов движения заработной платы характерна для Плеханова и вновь обнаруживает его склонность к разрешению экономических проблем в духе меновой концепции.

С другой стороны, и в книге «Наши разногласия» Плеханов проявляет свое старое пристрастие к «железному закону» заработной платы, на который он возлагает большие надежды, считая его «смертным приговором» современному обществу.

Такая живучесть ошибочных представлений в воззрениях Плеханова также показывает, что в ряде вопросов политической экономии его позиция была не совсем марксистской.

Далее, в характеристике самой общины точка зрения Плеханова также не была безупречной, так как он акцентировал на моментах, противоречащих один другому, и тем самым давал повод для неправильных выводов в аграрном вопросе. Так, он часто повторял свой тезис о том, что русская община XIX в. является ступенью раз-

² «Советская наука», 1939, № 8, стр. 20.

ложения «первобытного коммунизма», и тем самым игнорировал ее феодализацию в условиях крепостной России.

Мысль Плеханова правильна только генетически и отвечает лишь на вопрос о происхождении общины, но не о ее разложении. В XIX в. феодальные начала русской общины явно преобладали над первобытными и говорить о ее коммунизме было нельзя.

В этой же работе Плеханов формулирует свой излюбленный тезис о восточном варианте русского исторического развития и его принципиальной противоположности исторической эволюции Запада. Он без дальнейших пояснений и оговорок заявляет, что русская община на протяжении веков была основой деспотизма московских царей, и тем самым постулирует полную противоположность ее западноевропейской общине, которая целые столетия отстаивала свое существование в «тяжелой беспрестанной борьбе с землевладельческим дворянством»³. Плеханов ошибочно сближал русскую общину с древневосточной, хотя на территории крепостной России не было развитого ирригационного хозяйства, на базе которого так долго держалась община в странах древнего Востока.

Правда, относительная застойность экономического развития констатируется исследователями как в истории древнего Востока, так и крепостной России, но этого недостаточно для отождествления их исторической эволюции. Ведь и Западная Европа в средние века развивалась в экономическом отношении крайне медленно.

Конечно, сама община как элемент феодального режима после ее закрепощения была фактором этой относительной застойности экономического развития крепостной России и использовалась московскими царями как объективное условие их власти, доведенной до деспотизма. Указывая на изоляцию общин, Энгельс и утверждал, что «везде, где преобладала эта общественная форма, от Индии до России, она всегда создавала деспотизм, всегда находила в нем свое дополнение»⁴. Но бесспорным остается то положение, что социальной, классовой опорой московского самодержавия послужили

дворяне. Феодалы же России, как и Запада, вели долгую борьбу за подчинение общины, ее закрепощение. В результате русская община была поставлена на службу интересам крепостного режима — феодалами для организации барщин и сбора оброков, а самодержавной бюрократией для выколачивания налогов.

Фискальные цели правительства стали играть в жизни русской общины чрезвычайно большую роль. Причины этого заключались в том, что расцвет русского крепостничества в противоположность западному происходил в эпоху централизованной государственности.

Преувеличивая политический консерватизм общины в прошлом, Плеханов уже в годы борьбы с народничеством склонялся к недооценке революционных возможностей крестьянства, поскольку оно оставалось общинным. В период же революции 1905 г. эти взгляды Плеханова оказались одной из предпосылок его меньшевистских выводов, согласно которым кадет прогресснее трудовика, раз последний толкует о «божьей земле» и стоит за общину. Точно так же в борьбе против ленинского лозунга национализации земли Плеханов вновь и вновь повторял свой тезис, что общинность и государственность землевладения в истории России всегда были опорой деспотизма самодержавных монархов.

В определенной связи с этими взглядами Плеханова на общину находилась и та недооценка революционной роли крестьянства, которая составляет существенный недостаток его книги «Наши разногласия». Правда, Плеханов не мог полностью игнорировать крестьянство и даже в заключении предлагал вести пропаганду в деревне, а не только в городе. Но все эти оговорки не спасали положения, так как он одновременно подчеркивал, что крестьянин консервативен вообще и особенно в своем отношении к земле. Поэтому марксистское положение, что истинно революционным является в конце концов только движение рабочего класса, воспроизводимое Плехановым без всяких оговорок и пояснений относительно условий его практического применения в России, где еще стояли задачи буржуазно-демократической революции, звучало как отрицание революционных возможностей крестьянства. Об использовании даже буржуазно-демократической революционности крестьянства в социалистическом движении пролетариата в книге

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 638.

⁴ Там же, стр. 260.

нет речи. Когда же Плеханов говорит, что ликвидация крупного землевладения в имениях помещиков не упрочит основ крестьянского хозяйства, то он дает повод думать, что крестьяне экономически даже не заинтересованы в поддержке буржуазной революции. Он недооценивал роль крестьянства в буржуазной революции (а не только в социалистической) и еще во времена своей борьбы с народничеством игнорировал решающую роль аграрного вопроса. Тем самым готовились его будущие ошибки меньшевистского периода. Что же касается капитализма, то, во мнению Плеханова, против него в России 80-х годов могла выступить лишь очень незначительная часть крестьянства. Отсюда следовало, что социалистическая борьба пролетариата не сможет найти каких-либо точек опоры среди русского крестьянства, даже его бедноты.

Недооценивая революционные возможности крестьянства и не понимая классовой природы народничества, его крестьянских корней как мелкобуржуазной демократии, Плеханов не находил фактически союзников для пролетариата в деревенской России и потому не мог выдвинуть идею гегемонии пролетариата в предстоящей революции. Больше того, не решая проблемы союзников рабочего класса, Плеханов обесценивал и свои важные в теоретическом отношении заявления о диктатуре пролетариата. В условиях крестьянской России эти заявления теряли практическую значимость, поскольку вопрос о политических резервах пролетарской революции в деревне не получал своего разрешения.

Оказалось, что автору «Наших разногласий» сам социализм в России рисовался лишь абстрактной возможностью, так как он категорически заявлял, что злобой дня в России является развитие капиталистического производства. Ведь, учитывая этот тезис, Струве впоследствии и призывал россиян «на выучку к капитализму», а сам Плеханов даже в 1917 г. квалифицировал социалистическую революцию как незаконное дитя истории.

Следовательно, элементы будущих меньшевистских взглядов на судьбы социализма в России имелись и в книге «Наши разногласия», а не только в статье «Социализм и политическая борьба». В обоих случаях Плеханов возводил китайскую стену между буржуазно-демократической и социалистической революцией.

Плеханов ошибочно переоценивал революционные возможности русской буржуазии, когда заявлял, что трусость русской буржуазии объясняется ее политическим бессилием, а при поддержке рабочих она заговорит якобы языком, достойным гражданина. Таким образом, он рисовал перспективу весьма обычного развития революционных событий, считая, что буржуазия в России явится одним из важных факторов революции и при поддержке рабочих сможет сыграть руководящую роль. Именно эту точку зрения он развивал позднее в меньшевистский период своей эволюции, когда писал в предисловии ко второму изданию своей книги «Наши разногласия» в 1905 г., что вполне оправдались высказанные в ней прогнозы о непримиримости буржуазии с царизмом и ее исторической роли.

Если теперь обратиться к антинародническим работам Плеханова 90-х годов, то следует отметить, что в них имеются новые моменты, достойные внимания с интересующей нас точки зрения.

Так, Плеханов, признав ошибочность своих прежних взглядов о коммунизме общины, безоговорочно принимает (вслед за Чичериним) концепцию о чисто фискальном происхождении общины. Уже в статье о голоде в России он противопоставил современную общину древней и заявил, что русский абсолютизм создал совсем иную общину, сделав обязательными периодические переделы земли и установив поземельные порядки, которые оставила в прежнем виде и реформа 1861 г. В реферате об общине Плеханов категорически подчеркивает, что современная община создана государством в интересах фиска, и подробно развивает этот тезис в книге о Воронцове. Он выдвигает как нечто бесспорное тезис о государственном закреплении земли и крестьянства в Московском государстве, превращении их в собственность последнего, утверждая, что это и явилось предпосылкой насильственного введения переделов общинной земли.

Таким образом, преувеличивая в 80-х годах роль абсолютистского государства в социально-экономическом развитии крепостной России, Плеханов приходит в 90-е годы к немарксистской теории чисто фискального происхождения русской общины и аграрного строя крепостной эпохи вообще. Он развивает концепцию государ-

ственного закрепощения сословий, которая потом (в меньшевистский период) станет теоретической основой его исследований по истории русской общественной мысли.

Плеханов противопоставляет феодализованную форму общины родовой, у него исчезает промежуточное звено между ними — община территориальная, соседская. Он игнорирует прямые высказывания Энгельса о первостепенном значении для генезиса феодализма перерождения родовой общины в поземельную.

Из этих ошибочных установок Плеханов позднее делал чисто меньшевистские выводы по аграрно-крестьянскому вопросу, преувеличивая реакционность политических тенденций общинного крестьянства, опасность национализации земли. Вместе с тем он в дальнейшем настолько переоценивал значимость предстоящего падения царизма, что с его точки зрения задачи буржуазной революции фактически делали неактуальными проблемы подготовки революции социалистической. Ведь корень всех социально-экономических проблем России Плеханов усматривал в самодержавии, политическом деспотизме царизма. Значит, в 90-х годах зародыши меньшевизма в мировоззрении Плеханова становятся более зрелыми, получают более определенные контуры.

Это видно также и из того, что в работах 90-х годов Плеханов дает еще более резкую формулировку своего тезиса о восточном характере исторического развития России, которая характеризуется им как «историческая Обломовка», подобная Египту, правда разбуженная Западом раньше срока.

Никаких доказательств в пользу этих странных выводов Плеханов не приводит в своей статье о Наумове и в книге о Воронцове, а ссылок на свирепость полицейского режима русского самодержавия, конечно, недостаточно. В таком случае и в истории Западной Европы он нашел бы много вариантов восточного деспотизма. Деспотизм немецких князей, испанских и французских королей вряд ли уступал самодержавию русских царей. Плеханов произвольно отождествлял социально-экономическое развитие России с деспотиями Востока на основании лишь некоторого сходства их полицейского «правопорядка». Выходило, что нельзя ждать социалистической революции от «исторической Обломовки» и

подобия египетской деспотии, какой Россия представлялась Плехановым. И, действительно, он не допускал той мысли, что Россия сможет стать во главе прогрессивного человечества и указать Западу исторические пути будущего. «Западничество» Плеханова явно становилось неоправданным отрицанием творческих возможностей России. Тезис Плеханова, что все прогрессивное и передовое в истории России было позаимствовано с Запада, который якобы разбудил ее от векового сна и открыл для исторической жизни, ложен и порочен от начала до конца.

Только В. И. Ленин правильно определил исторические перспективы России, ее пролетариата и крестьянства.

В своей критике народнических взглядов на судьбу промышленного капитализма в России Плеханов и в 90-х годах допускал ошибки, характерные для его идейной эволюции. Он выражал согласие с идеалистическим тезисом народников, что невежество кустарей является причиной их недостаточного пристрастия к артельным началам, слишком часто и резко акцентировал на том, что Россия страдает не от развития капитализма, а от недостаточности этого развития. В итоге иногда он игнорировал социально-экономические и классовые противоречия, обусловленные развитием капитализма. Это становится особенно явным, когда Плеханов приступает к характеристике социальных последствий распространения фабричной системы и говорит об увеличении грамотности населения, уменьшении смертности, политическом пробуждении женщины и только. Что капиталистическая фабрика несёт с собой одновременно профессиональные болезни, деградацию рабочей силы, снижение заработной платы мужчин в результате эксплуатации женского труда, периодическую безработицу и крайнюю степень эксплуатации рабочих, этого Плеханов почему-то не отмечает.

Перед ним стояли полемические задачи, но их нельзя было решать в ущерб правильной, марксистской характеристике капиталистического способа производства, социальных последствий и классовых антагонизмов его развития, так блестяще показанных Марксом и Энгельсом.

Как же, однако, Плеханов в 90-х годах ставил вопрос

о судьбах русской революции и роли отдельных классов в ней? Освободился ли в этом вопросе он от ошибок 80-х годов? К сожалению, нет.

Правда, в статье «О социальной демократии в России» (1893) он говорит о необходимости использования революционной энергии русского крестьянства, но он то же самое говорил и о буржуазии, не проводя различия между этими классами, считая русскую буржуазию, видимо, таким же союзником пролетариата, как и крестьянство, и, следовательно, принижая революционную роль последнего и переоценивая революционность русской буржуазии. Больше того, Плеханов видел затруднения только в плохом политическом воспитании русской буржуазии, которая в силу этого не может понять исторической ситуации и подняться до уровня задач эпохи. Тут зародыши меньшевистских взглядов явно начинали давать ростки. В 1905 и 1917 гг. он считал возможным и необходимым поучать уму-разуму и политическому такту русскую буржуазию.

С другой стороны, в эту пору становится еще более ясным, что так как Плеханов воспринимал марксизм с известной дозой догматизма, то критика народничества и приводила его к меньшевистскому тезису относительно абсолютной безнадежности социалистической агитации среди крестьянства, сплошной реакционности последнего и к отрицанию возможностей перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Это было неизбежно, поскольку Плеханов и в начале XX в. продолжал повторять старые формулы, что крестьянство при всех условиях революционной ситуации будет враждебной социализму силой.

Показательным в этом отношении является предисловие к книге А. Туна «История революционных движений в России», относящееся к 1903 г. Плеханов пишет, что «взятое в массе крестьянство обнаруживало стремления, не имевшие ничего общего с социализмом», и потому крестьянин «оказывался глух к проповеди социализма»⁵. «Идеалом крестьянства является мелкий буржуа земледельца»⁶.

Плеханов считает ошибочными надежды партии

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 100.

⁶ Там же, стр. 102.

«Народная воля» на то, что, «когда она повалит царизм, ей удастся возбудить самостоятельность крестьянства, которое и примется тогда осуществлять свои старые общинные идеалы». Наоборот, говорит он, это «привело бы не к социализму, а лишь к ускорению темпа того экономического движения, которое уже надломило старые «устои» нашей народной жизни и вызвало очень значительное неравенство в самой крестьянской среде»⁷. В результате «само «артельное производство» было бы переходом не к социализму, а к капитализму». Плеханов при этом расценивает как «совершенно неосновательное предположение», что в истории России падение абсолютизма может дать толчок социалистической революции⁸.

Бесспорно, что формулировки такого рода в основном соответствовали задачам критики народничества, так как правильно подчеркивали утопизм народнической веры в артельные начала русского крестьянства и показывали непонимание народниками принципиального отличия социалистической революции от буржуазной.

Но ведь 70-е годы давно миновали, приближалась гроза революции 1905 г. Положение, правильное в одних условиях, оказывалось совершенно ошибочным в других. Плеханов игнорировал итоги экономического и политического развития России, промышленные успехи которой толкали буржуазию на союз с царизмом, делали ее еще больше реакционной. В то же время именно в 90-х годах рабочий класс России создал свои боевые организации и выступил на политической арене страны как самостоятельная сила и антипод буржуазии. Союзником пролетариата должно было стать революционно настроенное крестьянство, стонущее под гнетом безземелья, дворянских привилегий, бедствий «всероссийского разорения», аграрного кризиса, выкупных платежей и фискальной политики правительства.

Только В. И. Ленин уже в своих работах 90-х годов, посвященных критике народничества, дал полноценный марксистский анализ ситуации в России и смог гениально определить будущее ее революции, роль в ней отдельных классов. Ленину указал пролетариату России

⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 116.

⁸ Там же, стр. 117, 120.

конечную цель и определил его союзников (в лице крестьянства), в то время как Плеханов застрял на стадии первоначальной критики утолизма народников и даже в начале XX в. не понимал новой ситуации в России, особенности положения ее классов. Критикуя утолизм народничества, Плеханов сбрасывал со счетов русской революции крестьянство как союзника пролетариата, а демонстрируя при этом прогрессивность капитализма, он объявил реакционную русскую буржуазию союзником рабочего класса. В результате сама конечная цель пролетариата России — социалистическая революция — становилась для Плеханова проблематичной. Ошибочные положения, высказанные им при критике народничества, закрывали ему пути к учению о перерастании буржуазной революции в социалистическую и возможном использовании революционной энергии крестьянства для дела социализма.

Игнорируя роль крестьянства в русской революции, Плеханов и писал в марте 1896 г., что «рабочий класс — есть именно та сила, которая одна только и может двинуть вперед Россию», между тем как «крестьянин твердо надеется на царя»⁹.

Большое значение имели ошибки Плеханова в понимании экономической истории России, в частности в оценке послереформенного развития хозяйства России. Остатки крепостничества в послереформенный период Плеханов сводил к фискальной зависимости крестьян от государства, его полицейской администрации. Он недооценивал силу и значение этих пережитков, их социально-экономические основы, характеризуя само крестьянство не как класс, а «податное сословие»¹⁰.

Не случайно поэтому при разрешении проблем предстоящей революции в России Плеханов уже тогда, еще не став меньшевиком, недооценивал силы революционного протеста крестьянства против господства дворянского землевладения и связанных с ним пережитков крепостничества. Он сводил задачи буржуазно-демократической революции в России лишь к устранению царизма, игнорировал революционные возможности крестьян-

⁹ Архив «Дома Плеханова». «Литературное наследие», сб. VIII, ч. II, стр. 20—21.

¹⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 410.

ства, и это нашло свое отражение в его последующей идейной эволюции.

С другой стороны, во взглядах Плеханова интересующей нас поры сохранились влияния народнических представлений об экономическом развитии России после реформы 1861 г. Это видно из того, что он недооценивал степень капиталистического развития хозяйства России даже к началу XX в., хотя в борьбе с народниками написал много превосходных страниц в доказательство того, что Россия идет по пути капитализма.

Понятно, что именно недооценка зрелости русского капитализма и послужила затем исходным пунктом для меньшевистских выводов о незрелости России для социалистической революции.

Меньшевизм Плеханова 1903—1918 гг. подготовлялся крайним преувеличением общей отсталости России, которое встречается в высказываниях его об истории крепостной России уже до 1903 г. Так, в статье о Чаадаеве он прямо утверждал, вслед за последним, что московская Русь с точки зрения европейского прогресса представляла собой какой-то «пробел в порядке разума».

Такое преувеличение культурной отсталости России в прошлом и толкало Плеханова к меньшевистским прогнозам относительно ее будущего, к тезису о беспочвенности социализма в России и обреченности попыток осуществления социалистической революции.

Ленин был вполне прав, когда указывал позднее, в период споров по аграрному вопросу, что «исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь»¹¹.

Но исходные позиции для идейной эволюции Плеханова к меньшевизму давали не только его ошибки в оценке прошлого и настоящего России, ее классов и их партий, представленные в исторических экскурсах и антинароднических произведениях основателя группы «Освобождение труда». Еще более явные зародыши меньшевизма имелись и в его работах, написанных в борьбе с бернштейнством и струвизмом.

Не подлежит сомнению, что борьба Плеханова с бернштейнством была его крупной заслугой, имела

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 302.

огромное значение и сыграла, безусловно, положительную роль в разоблачении международного оппортунизма. Но в ней имелись серьезные недостатки, которые нельзя обойти молчанием. Их отмечал В. И. Ленин в своих работах. Так, в книге «Государство и революция», написанной в августе—сентябре 1917 г., В. И. Ленин называет чудовищными попытки Бернштейна «смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти — паразита» с федерализмом Прудона!». Однако хотя «Бернштейна многие опровергали — особенно Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об этом извращении Маркса Бернштейном не говорили»¹².

С другой стороны, Плеханов недооценивал значения экономических противоречий капитализма как предпосылки революционных выступлений пролетариата, когда он в борьбе с бернштейнством акцентировал на том, что Маркс и Энгельс не связывали своих надежд на осуществление социализма с прогрессом социальной нищеты. Ведь всеобщий закон капиталистического накопления Маркс формулировал достаточно резко, и Плеханов фактически делал уступку ревизионизму, тому бернштейнству, с которым он воевал. В связи с этим, вероятно, находится и то обстоятельство, что Плеханов не видел классовых корней бернштейнского оппортунизма, слишком часто объясняя выступления Бернштейна против марксизма и научного социализма простым невежеством или элементарными логическими ошибками. Он не дал анализа специфического положения рабочей аристократии, мелкобуржуазные интересы которой и питала оппортунистические иллюзии бернштейнства. Последнее представлялось ему чисто интеллигентским явлением, коренящимся в мелкобуржуазной психологии интеллигенции.

Но Плеханов допускал ошибки не только в анализе проблем научного социализма. Весьма характерным является его утверждение, что для превращения социализма в науку недостаточно теории прибавочной стоимости, для этого необходимо еще понимание исторической необходимости устранения эксплуатации. Плеханов недооценивал при этом значения экономических основ

классовых антагонизмов буржуазного общества для борьбы за социализм. Между тем как раз эти основы показывает теория прибавочной стоимости Маркса, являющаяся краеугольным камнем экономической теории марксизма вообще. Именно на ее основе становится возможным понимание исторической необходимости уничтожения эксплуатации, которому Плеханов придавал столь первостепенное значение, выясняя условия превращения социализма из утопии в науку. Он ошибочно рассматривал теорию прибавочной стоимости изолированно от остальных элементов экономического учения Маркса, а фактически делал уступку Бернштейну. Ведь последний заявлял в свое время, что теория прибавочной стоимости не дает обоснования социализму, так как эксплуатация рабочих капиталистами самоочевидна без нее, поскольку они получают меньше продуктов, чем создают, и, следовательно, социалистические выводы экономической теории марксизма покоятся лишь на моральном осуждении этой эксплуатации. Акцентируя на гносеологических основах научного социализма, Плеханов отрывал последний от той реальной почвы экономических противоречий и классовых антагонизмов, которая одна только и делает социализм исторической необходимостью, а его теорию наукой.

Плеханов слишком упрощал стоявшие перед ним задачи критики экономической концепции бернштейнства, ограничиваясь рассмотрением только некоторых выступлений Бернштейна и его сторонников. В результате очень многие инсинуации ревизионистов против экономической теории Маркса остались без ответа и надлежащей критической оценки.

Аналогичными недостатками страдает и плехановская критика струвизма, в которой эмбриональный меньшевизм Плеханова проявился еще более ярко.

Отметим наиболее важные из них.

Плеханов иногда делал уступки своим противникам. Так, он воспроизводил без возражений заявление Туган-Барановского, будто экономические кризисы в условиях современного капитализма по своей форме смягчаются, хотя такой вывод лишен всякого основания и Плеханов без особого труда мог бы показать его явную несостоятельность. Он без должной критики принимал и утверждение Гиффена о повышении заработной платы англий-

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 400.

ских рабочих в 1833—1883 гг. на 100% и более, признавая достоверность его статистических выкладок и ограничиваясь только другим объяснением их результатов. Однако критические замечания Плеханова в таком случае не достигали цели, раз он сам признавал бесспорным столь значительный рост заработной платы.

Насколько значительны были уступки Плеханова, свидетельствуют и его заметки на книгу Бернштейна «Исторический материализм». В ответ на заявление Бернштейна, что «демократия является в принципе уничтожением классового господства», Плеханов пишет: «Прибавь политического»¹³. Значит, он вслед за Бернштейном склонен был считать демократию буржуазного типа уже уничтожением классового политического господства буржуазии над пролетариатом. Недооценка социально-политических последствий обнищания рабочего класса при капитализме и даже сомнение в самом факте этого обнищания сквозят в пометках Плеханова¹⁴.

Плеханов допускал даже методологические уступки своим противникам, когда, критикуя Струве и его формулы примирения противоречий, он сам начинал изобретать «формулу противоречий», пытаясь уложить в нее все сложные явления социального развития, схематизируя историческую эволюцию, неоправданно упрощая ее основные линии. Тенденции такого рода толкали Плеханова на путь политических ошибок.

Об этом наглядно свидетельствует и цитированное выше письмо Плеханова Ленину, относящееся к 1901 г. Ведь в нем Плеханов явно недооценивал политическую опасность струвизма, когда предлагал не гладить либерала против шерсти и советовал от плохого либерала апеллировать к хорошему, так как при всех условиях либералы должны быть союзниками социал-демократии. Тем самым Плеханов примиренчески относился к тому самому струвизму, критика которого как раз и была его задачей. Одной из причин, несомненно, являлся схематизм в понимании марксизма, склонность к которому Плеханов обнаруживал также и в своей критике Струве. Из того обстоятельства, что предстоящая революция в России будет буржуазной, он делал вывод, будто ли-

¹³ Архив «Дома Плеханова». «Литературное наследие», сб. X, стр. 787.

¹⁴ Там же, стр. 790—791.

беральная буржуазия сыграет в ней большую революционную роль и социал-демократия должна заранее отказаться от критики либерализма. Характерное для меньшевизма отношение к буржуазии Плеханов проявлял уже в своей критике Струве. Примиренческое отношение к струвизму сказывалось и в том, что Плеханов в противовес Марксу считал бесспорным рост реальной заработной платы рабочих в условиях современного капитализма. Он вновь делал уступку своим противникам по одному из наиболее актуальных вопросов, от разрешения которого зависела оптика перспектив социалистической революции и классовой борьбы пролетариата вообще. Уступки реформизму теоретически подготавливали его последующий переход в лагерь меньшевизма.

В значительной мере эти уступки объяснялись тем, что Плеханов упорно не хотел выйти за рамки тематики «классического капитализма». В результате он оставил без рассмотрения тот факт, что экономическое благополучие «рабочей аристократии» в Англии конца XIX в. оплачивалось эксплуатацией народов колониальной периферии, которая в эпоху империализма получила особенно широкий размах.

Но самым показательным является то, что и в своих статьях против Струве Плеханов не смог освободиться от пристрастия к «железному закону» заработной платы, которое он обнаруживал в более ранних произведениях. Он упрекал, например, Струве в пренебрежительном отношении к этому закону и по-прежнему считал «железный закон» заработной платы наиболее революционным решением ее проблем. Больше того, он утверждал, что действительность современного капитализма превосходит мрачные прогнозы сторонников этого закона, что решительно и в самой резкой форме противоречило другим утверждениям Плеханова. Он обнаруживал такую степень теоретических колебаний в вопросах исключительной важности, которая, естественно, оказывается трудно объяснимой.

Помимо того, в вопросах заработной платы Плеханов допускал и другие ошибочные формулировки, ослаблявшие его теоретические позиции. Так, во второй из своих статей против Струве он заявлял, что повышение заработной платы возможно при понижении цены рабочей силы. Стремясь подчеркнуть, что само по себе уве-

личение заработной платы вовсе не уменьшает эксплуатации рабочих и не смягчает классовых противоречий, он допустил ошибочное разграничение между заработной платой и ценой рабочей силы, спутал цену рабочей силы с относительной «ценой труда» и перенес высказывания Маркса о соотношении заработной платы и «цены труда» на цену рабочей силы. В результате он и пришел к тому ошибочному выводу, что цена рабочей силы является только относительной величиной и в Англии цена рабочей силы ниже, чем на континенте Европы. На самом же деле, как указывал Маркс, это можно сказать лишь об относительной заработной плате, которая в Англии оказывалась более низкой, несмотря на то что английские рабочие получали повышенную заработную плату, взятую в ее абсолютных размерах.

В своем противопоставлении содержания и формы Плеханов уклонялся от классовой точки зрения на социальные явления, доказывая, что их содержанием являются общественные потребности, которые порождают социальные учреждения как форму общественных отношений. Общественные учреждения характеризуются им как продукт общенародных потребностей, свободных от классового эгоизма и особой роли в борьбе классов. Между тем в условиях классового общества всякого рода «общественные учреждения» создаются определенными классами и служат их специальным целям, являются формой классового господства в том или ином виде.

Наконец, в понимании производственных отношений Плеханов допускал характерное для социальной школы и экономической концепции меньшевизма резкое противопоставление социального и материального, правового и технического моментов. Он утверждал, например, в первой из своих статей, что организация труда внутри мастерской с наемным трудом характеризует только состояние производительных сил общества и фабрика сама по себе является лишь элементом производительных сил, не выражающим особенностей производственных отношений. Так Плеханов отрывал отношения производства от имущественных отношений. Выходило, что эти последние являются правовыми, а первые — чисто техническими. Он не находил в самом процессе производства каких-либо правовых отношений, считая отно-

шения производства независимыми от имущественных связей. В результате капиталистическая фабрика с ее деспотическим господством капитала над трудом превращалась в чисто техническое явление, свободное от всей совокупности классовых антагонизмов. Плеханов игнорировал тот очевидный факт, что такая фабрика представляла собой целый мир социально-экономических отношений и самых сложных классовых противоречий. Наконец, он явно преуменьшал значение и глубину основного противоречия капитализма, когда утверждал, что производительные силы последнего противостоят только части его производственных отношений. Так, характеризуя производственные отношения в духе меновой концепции социал-демократии, он приходил к одному из важных тезисов реформизма и оппортунизма, согласно которому социализм сам и естественно вызревает в условиях капитализма, раз известная часть производственных отношений последнего не противоречит его производительным силам.

Таким образом, в плехановской критике струвизма имеется весьма много существенных недостатков, как и в критике бернштейнства. Эти недостатки определяли, если можно так выразиться, его идейную эволюцию к меньшевизму в ближайший период. Теоретические ошибки, политические зигзаги Плеханова как меньшевика начинали вырисовываться достаточно определенно.

Анализируя проекты Программы РСДРП, составленные Плехановым при подготовке II съезда, В. И. Ленин дал систематическую критику экономических взглядов Плеханова, их методологических основ и практических выводов из плехановского понимания теории научного социализма. Ленин дал при этом развернутую марксистскую оценку экономической концепции Плеханова на основе глубокого понимания марксизма и подлинно творческого применения последнего при оценке социально-экономической ситуации в России и определении политических задач рабочего класса, в чем был так силен Ленин. Замечания Ленина на проекты Плеханова имеют чрезвычайный интерес еще и потому, что в этих проектах особенно ярко обнаружилось, как и в проектах 80-х годов, методологические и теоретические ошибки Плеханова, обычный для него схематизм и даже догматизм в понимании марксизма.

Поэтому краткая характеристика замечаний Ленина на плехановские проекты 1902 г., естественно, должна быть звеном всякого исследования, посвященного экономическим работам Плеханова 1878—1903 гг., и вместе с тем исходным пунктом для анализа экономических взглядов Плеханова в последующий период 1903—1918 гг.

В своих замечаниях на первый проект Программы РСДРП, разработанный Плехановым, Ленин указывал, что вопреки формулировкам Плеханова «капитализм не „особенность“ современного общества, а его экономический строй, уклад...», в условиях которого пролетариат вовсе «не большинство населения во многих странах» и совсем не абсолютно лишен собственности, как утверждал Плеханов, поскольку «пролетариат имеет некоторые предметы потребления (а частью и средства производства)»¹⁵.

Ленин настаивал даже на том, что в Программе должно быть отмечено неблагоприятное влияние технического прогресса в его капиталистических формах не только на рабочий класс, но и на мелких производителей, а крестьяне вообще должны быть особо упомянуты, причем в противовес Плеханову утверждал, что «не усовершенствование техники, а частная собственность экспроприрует Verelendet мелкого производителя»¹⁶.

Вместе с тем Ленин возражал против мнения Плеханова, «будто рост неравенства порождается только ростом (повышением) эксплуатации наемного рабочего, тогда как он порождается: 1) экспроприацией мелкого производителя + 2) обнищанием мелкого производителя + 3) ростом эксплуатации + 4) ростом резервной армии...»¹⁷.

Далее, в специальном отзыве о втором проекте Программы РСДРП Ленин в феврале—марте 1902 г. так определял его недостатки: «1) ...проект дает не программе пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще. 2) В особенности непригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция

русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще»¹⁸. В частности, «рост крупного производства ограничен одними „промышленными“ предприятиями». «Затем, место „диктатуры пролетариата“ заняла „революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплуатируемой массы». Однако «реакционность же мелких производителей совершенно не оттенена в проекте, так что в общем и целом отношение пролетариата к «трудящейся и эксплуатируемой массе» изображено неправильно... 4) Проект постоянно сбивается с программы в собственном смысле на комментарий».

Ленин писал по поводу второго проекта, что это не Программа, а Prinzipienerklärung, или скорее программа для учащихся, которая предпочитает говорить о капитализме вообще, а не о русском капитализме, и сбивается на комментарий. По мнению Ленина, Программа русской социал-демократической партии должна начинаться характеристикой и обвинением русского капитализма. Между тем Плеханов дает лишь дефиницию «развитого» капитализма вообще, забывая о необходимости определения конкретных условий русского революционного движения»¹⁹.

Кроме того, Плеханов говорит о господстве товарного производства на основе капиталистических производственных отношений. Однако, как указывал Ленин, товарное производство вообще есть «и логически и исторически *gründ* по отношению к капитализму»²⁰.

Ленин отмечает неточность плехановской характеристики взаимоотношений при капитализме крупного и мелкого производства. Он считал чистейшей иллюзией, будто слова «увеличение значения и сужение роли» более глубоки, содержательны, широки, чем «узкое» и «шаблонное» слово «вытеснение». На самом деле они

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 3.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ Там же, стр. 5.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 41.

¹⁹ Там же, стр. 42, 21—22.

²⁰ Там же, стр. 28.

выражают борьбу крупного производства с мелким «более туманно и более расплывчато». По мнению Ленина, «это — не термин социалистической проповеди, а термин статистического сборника», применение которого тем более неуместно, что «мы пишем не статью против критиков, а программу боевой партии, обращающейся к массе кустарей и крестьян».

Развивая свои мысли, Ленин писал «по поводу характеристики социальных последствий капитализма», что «проект тут в особенности страдает абстрактностью, ограничиваясь совершенно недостаточным положением: «умножение трудностей борьбы за существование и всех связанных с нею лишений и страданий». Ленин считал совершенно необходимым указать на бедность и нищету масс при капитализме²¹.

Как и в замечаниях на первый проект Плеханова, Ленин предлагает удалить из Программы объяснение кризисов, ограничившись констатированием неизбежности их, и предоставить объяснения комментариям. Зато он находил, что в проекте социальные последствия кризисов указаны «слишком слабо: кризисы не только делают затруднительным положение мелких производителей, не только ведут к относительному и абсолютному ухудшению их положения, а прямо разоряют их и вытесняют в ряды пролетариата».

Наконец, Ленин указывает, что параграфы проекта «в совершенно односторонней и неправильной форме изображают отношение пролетариата к мелким производителям...» и открывают «настежь двери для народнических, «критических» и всяких мелкобуржуазных недоразумений», так как недовольство пролетариата и недовольство мелкого производителя совершенно неправильно отождествлять и сливать, как это здесь сделано в проекте. Поэтому, вопреки последнему, «передовым представителем» мелкой буржуазии пролетариат *вовсе не является*, а социал-демократия «стоит во главе только рабочего класса, только рабочего движения, и если к этому классу примыкают другие элементы, то это именно элементы, а не классы». Наряду с этим, как отмечает Ленин, «проект говорит в *положительной* форме о революционности мелкой буржуазии... и ни слова не

говорит о ее консервативности (и даже реакционности)», что «совершенно односторонне и неправильно», так как «в положительной форме мы можем (и обязаны) указать на консервативность мелкой буржуазии. И лишь в *условной* форме мы должны указать на ее революционность».

К числу недостатков проекта Ленин относит и то, что в проекте опущено указание на диктатуру пролетариата, включенное первоначально, в то время как «признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением «Коммунистического Манифеста», что пролетариат *один только* есть действительно революционный класс».

Ошибочной представлялась Ленину и формулировка проекта, будто «в России капитализм все более и более становится преобладающим способом производства...». Этого безусловно мало. Он уже стал преобладающим...»²².

В связи с оценкой роли пережитков крепостничества в России, Ленин писал, что «необходимо указать и на задержку развития производительных сил страны и на другие социальные последствия крепостничества».

Конечное заключение Ленина отмечало в проекте четыре основных недостатка, делающих этот проект неприемлемым:

- 1) Крайняя абстрактность многих формулировок..;
- 2) отстранение и затемнение вопроса о специальном русском капитализме..;
- 3) совершенно одностороннее и неправильное изображение отношения пролетариата к мелким производителям..;
- 4) стремление постоянно дать в программе объяснение процесса».

Все эти недостатки «вредят программе характер чего-то книжного, абстрактного»²³.

Позднее в своей заметке «К истории партийной программы», напечатанной 23 (10) марта 1905 г., Ленин писал, характеризуя свои споры с Плехановым по вопросам Программы: «...я отстаивал и отстаивал включение в программу тезиса о вытеснении мелкого производства

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 26—27, 31.

²² В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 32, 34—35, 38.

²³ Там же, стр. 39—40.

крупным. Плеханов хотел ограничиться расплывчатым выражением в духе знаменитого «более или менее...». «...Я отстаивал и отстаю замену термина «трудящаяся и эксплуатируемая масса» термином: «пролетариат» в том месте, где речь шла о классовом характере нашей партии»²⁴.

Эти споры Ленина с Плехановым по Программе партии предвосхищали будущие разногласия между большевиками и меньшевиками, так как ошибочные установки Плеханова носили по существу меньшевистский характер.

Выявленные В. И. Лениным в период споров по программному вопросу ошибки Плеханова ярко отражали идейную эволюцию Плеханова в сторону меньшевизма. Хорошо известно, что в работах меньшевистского периода он любил оперировать фикцией «чистого капитализма» и приходил к выводу, что русский капитализм еще не созрел для социалистической революции, поскольку он и к 1917 г. не был еще «чистым». Плеханов и позднее упорно не замечал особенностей генезиса и экономики русского капитализма, сказавшихся в высокой концентрации промышленности, быстрых темпах ее развития, широкой монополизации и т. д., несмотря на сохранение пережитков крепостничества и консервацию полицейского режима царизма. Игнорируя динамические элементы экономической истории России, он не находил в ней предпосылок для торжества социализма. В ходе споров по программному вопросу Плеханов явно обнаруживал склонность смягчать противоречия капитализма, социальные последствия промышленных кризисов, разорение мелкой буржуазии и т. д. В дальнейшем это вообще стало характерным для его работ. Наконец, для проектов были характерны нечеткие формулировки об отношении рабочей партии к мелкой буржуазии. У Плеханова начали возникать мелкобуржуазные иллюзии, столь характерные для экономической концепции меньшевизма. Он приписывал рабочей партии представительство интересов мелкой буржуазии, игнорировал консерватизм последней, не различал разных категорий мелкобуржуазного населения России.

Правда, на II съезде РСДРП Плеханов шел вместе

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 217.

с Лениным, но зато «дал меньшевикам запугать себя угрозой раскола». Он решил во что бы то ни стало «помириться» с меньшевиками, к которым его тянул груз его прежних оппортунистических ошибок. Из примиренца к оппортунистам-меньшевикам Плеханов вскоре сам стал меньшевиком. Он не смог удержаться на позициях примиренчества, и это должно было случиться по логике вещей: кто настаивает на примиренчестве с оппортунистами, тот должен скатиться к оппортунизму.

Когда в декабре 1900 г. стала выходить созданная Лениным общерусская газета революционных социал-демократов, то Плеханов вошел в ее редакцию и на II съезде РСДРП в 1903 г. вместе с большевиками боролся с оппортунизмом меньшевиков. Однако уже через несколько месяцев после съезда Плеханов бесцеремонно нарушил решения последнего, кооптировав в состав редакции «Искры» меньшевиков, а в героические дни революции 1905 г. выступил с кадетским лозунгом поддержки либеральной буржуазии и недостойным призывом к московским рабочим, участникам декабрьского восстания: «Не надо было братья за оружие». В. И. Ленин квалифицировал это как педантизм и ренегатство²⁵.

Еще в специальном «Заявлении» от имени ЦК, которое Ленин написал 14 (27) ноября 1903 г. (правда, не опубликованном), говорилось, что «кооптация г. Плехановым в редакцию мартовцев представляет из себя прямой переход Плеханова на сторону меньшинства партийного съезда, меньшинства, которое сам же Плеханов неоднократно публично характеризовал как склоняющееся к оппортунизму и анархизму»²⁶. Поэтому, утверждал Ленин в конце 1904 г. в своих «Тезисах реферата о внутрипартийном положении», Плеханов во время своего поворота ясно видел, что «меньшинство составляет оппортунистическое крыло партии» и меньшевики ведут себя «как анархические индивидуалисты»²⁷.

Между тем попытки его образовать «что-либо „третье“, не большевистское и не меньшевистское, не помогут делу, а только залутают его еще больше. Пример такой

²⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 385.

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 97.

²⁷ Там же, стр. 485.

сильной личности, как Плеханов, фактически, на опыте двух лет, доказал это»²⁸.

Соответственно этому В. И. Ленин решительно протестовал против позиции Плеханова в вопросах революции 1905 г., и в феврале 1906 г. писал: «Взгляд Плеханова мы считаем ошибочным. Оценка московского восстания, сводящаяся к тому, что «не нужно было и браться за оружие», крайне односторонняя»²⁹, даже ледантская³⁰.

Вместе с тем, подчеркивал Ленин, в какое противоречие впадает Плеханов, когда горячо советует провести в жизнь резолюции об агитации в крестьянстве за отобрание земли и в то же время задается целью не отталкивать от нас оппозиционных партий бестактными выходками. Однако «можно с уверенностью сказать, что либералы-помещики простят вам миллионы «бестактностей», но не простят призывов к отобранию земли»³¹.

Критикуя тактические установки Плеханова в вопросах революции 1905 г., Ленин отмечал, что не случайно буржуазная печать рассыпается в похвалах Плеханову и противопоставляет его всей остальной социал-демократии³².

По мнению Ленина, «основная ошибка всего меньшевизма — непонимание того, какие именно элементы буржуазии могут, совместно с пролетариатом, довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России»³³. Между тем в «эпоху буржуазно-демократической революции прочным и серьезным союзником пролетариата... может быть только крестьянство», и хотя «крестьянство есть тоже „буржуазная демократия“, но совсем иного „цвета“, чем кадеты или октябристы». По мнению Ленина, «ошибка Плеханова состоит в подмене конкретного исторического вопроса абстрактным соображением... в совершенно неисторическом воззрении его на буржуазную демократию в России», поскольку «Плеханов забывает, как меняется положение различных слоев этой буржуазной демократии по мере того, как

идет вперед революция». В результате «как Бернштейн в 1899 году приносил громадный вред немецкому пролетариату, принимая мелкобуржуазных интеллигентских «соглашателей» (социал-либералов, примирявших пролетариат и буржуазию) за самое буржуазное, ...так и Плеханов в 1906 году приносит огромный вред российскому пролетариату, принимая полуреакционных буржуазных «соглашателей» (кадетов, примиряющих народную свободу со старой властью) за самостоятельную политическую силу в государстве, за власть, которую можно и стоит поддерживать»³⁴.

Когда же Плеханов указывал, что разговоры об измене буржуазии сводятся к злоупотреблению крепкими словечками, то Ленин квалифицировал это как «прекрасный образец русской бернштейниады», так как «измена» не «крепкое слово», а единственно правильное с научной и политической точки зрения выражение действительных фактов и действительных стремлений буржуазии».

Как бы то ни было, говорит Ленин, когда «революция в разгаре, выступают различные классы, берутся за историческую работу массы...», Плеханов склонен «все это свести к одному: к политическому воспитанию народа! Поистине, гениальное открытие нашей классной барышни»³⁵.

Необычайно резко отзывался В. И. Ленин о коалиционных иллюзиях Плеханова. Он указывал в 1907 г., что Плеханов «как истый человек в футляре» твердил заученные слова «о поддержке буржуазии» и фактически признавал лишь Маркса, «подделанного под Струвса».

«Нужна, — пишет В. И. Ленин, — вся близорукость коленопреклоненного перед Милюковым Плеханова, чтобы не видеть этого грубого, грязного, подкрашенного лаком культурности обмана демократии кадетами»³⁶.

Характерно, что с точки зрения самих кадетов Плеханов рекомендовал «кадетскую тактику, т. е. замену революционных методов борьбы оппозиционными», как

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 138.

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 96—97.

³⁰ Там же, стр. 120.

³¹ Там же, стр. 98.

³² Там же, стр. 425.

³³ Там же, стр. 427.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 431, 435.

³⁵ Там же, стр. 437—438, 443.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 132—133, 135.

об этом писал Изгоев в «Русской мысли» в мае 1907 г.³⁷

Начался пятнадцатилетний период политических колебаний Плеханова, меньшевизма и в конце концов ренегатства, замечательную характеристику которого дал В. И. Ленин.

Так, в декабре 1906 г. в предисловии к русскому переводу брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» В. И. Ленин писал о Плеханове, что «как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Берштейна—немецким», причем «этот тактический оппортунизм Плеханова есть сплошное отрицание основ марксистского метода...»³⁸.

Анализируя политическую биографию Плеханова в статье «Об авантюризме», опубликованной в 1914 г., В. И. Ленин заявляет, что с 1903 г. по вопросам тактики и организации Плеханов «колеблется самым смешным образом: 1) 1903, август — большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры») — за мир с «оппортунистами»-меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый; 4) 1905, весна, после победы большевиков — за «единство» «враждующих братьев»; 5) 1905 г., с конца до половины 1906 — меньшевик; 6) половина 1906 — начинает иногда отходить от меньшевиков и в Лондоне, 1907, порицает их (признание Череванина) за «организационный анархизм»; 7) 1908 — разрыв с ликвидаторами; 8) 1914 — новый поворот к ликвидаторам. Плеханов проповедует «единство» с ними...»³⁹.

Правда, В. И. Ленин горячо приветствовал всякое выступление Плеханова против ликвидаторов⁴⁰.

Однако уже в предвоенные годы Плеханов сближается с ликвидаторами, а во время империалистической войны 1914—1918 гг. становится крайним шовинистом, выступая против ленинского лозунга о превращении ее в войну гражданскую. Поэтому В. И. Ленин по-

зицию Плеханова называл «величайшим предательством социализма»⁴¹, подчеркивая, что и Плеханов и Шейдеман «оба на деле защищают каждый свое империалистическое правительство капиталистов»⁴².

Разумеется, это политическое падение Плеханова в болото меньшевизма и шовинизма не было случайностью и объяснялось не только мелкобуржуазными влияниями в рабочем движении эпохи империализма, прямым переходом правых социалистов в лагерь международной реакции. Частично объяснение этому дает сама биография Плеханова. Ведь за долгие годы эмиграции Плеханов потерял живые связи с рабочим классом России. Его жизненная стихия стала мелкобуржуазной, а политическая концепция — чисто доктринерской.

В 1917 г. он активно боролся против подготовки социалистической революции в России.

Все это показывает, насколько ошибочным является тезис некоторых авторов, утверждающий в общей форме, будто Плеханов «творчески применил марксизм к русской действительности»⁴³. Между тем это верно лишь отчасти, поскольку речь идет о Плеханове как критике народничества. В положительном разрешении проблем социализма в России Плеханов оказался настоящим догматиком и одним из «начетчиков II Интернационала», которые считали, что между буржуазно-демократической революцией и пролетарской существует пропасть, их обязательно отделяет долгий этап исторического развития.

Теоретические проблемы русской революции Плеханов решал по схемам событий XVII—XVIII вв. и потому рекомендовал рабочему классу при всех условиях быть лишь опорой либеральной буржуазии вместо того, чтобы выступить гегемоном революции, ведущим за собой многомиллионное крестьянство. Плеханов не смог творчески применить марксизм к анализу своеобразия исторических условий в России, а потому недооценил революционных возможностей как крестьянства в качестве союзника пролетариата, так и самого пролетариата,

³⁷ А. С. Изгоев. Русское общество и революция. М., 1910, стр. 248.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 375.

³⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 333.

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 39—58, 226—244.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 256.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 307—308.

⁴³ «Большевик», 1943, № 10, стр. 18.

его организующей роли в революции и революционных перспектив.

В духе более поздних воззрений меньшевистского толка он решительно подчеркивал еще в 1890 г., что «кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации»⁴⁴.

Аналогичным образом Плеханов писал в не раз уже цитированной статье 1892 г., что «пролетарий и «мужичок» — это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка». На мужичке «целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии»⁴⁵.

Ошибочный тезис о самобытном историческом развитии России приводил Плеханова к полному отрицанию революционного значения крестьянства. Повторяя много раз свою формулу 1889 г. относительно исторической роли рабочего класса России в ее революционном движении, Плеханов по-прежнему обрекал его на политическую изоляцию от своих естественных резервов огромного значения, представленных революционно настроенным крестьянством.

Практически это означало, что рассуждения Плеханова о социалистической революции, диктатуре пролетариата и его исторической роли теряли реальное значение, повисали в воздухе, превращались в схоластику.

Все это, вместе взятое, сыграло потом известную роль в том, что в незабываемые дни 1917 г., когда перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую стало фактом и надо было практически решать проблемы научного социализма в России, Плеханов оказался политическим банкротом, не понимающим новой обстановки и вовсе не обладающим тем «даром предвидения», который находили у него слишком ретивые комментаторы⁴⁶.

В годы империалистической войны 1914 г. Плеханов отдал себя на службу империализму, а в 1917 г. продолжал твердить об экономической незрелости России для социалистической революции, казуистически исполь-

⁴⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 120.

⁴⁵ Там же, стр. 386.

⁴⁶ «Спутник агитатора», 1923, № 24, стр. 179.

зую усвоенные им ранее положения относительно определяющей роли производительных сил в социальном развитии. Фактически он повторял шаблонные догмы оппортунистов II Интернационала, согласно которым пролетариат должен брать власть лишь тогда, когда он составляет большинство в стране, когда имеется достаточное количество готовых администраторов и деятелей культуры. Хотя все эти догмы оказались решительно опровергнуты событиями Великой социалистической революции в России, Плеханов упорно держался своих взглядов. Он так и не сумел в 1917 г. подняться до понимания того, что Россия сможет стать страной, пролагающей путь к социализму.

Как указывается в постановлении ЦК КПСС «О 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова», отмечавшемся в 1956 г., «ошибочные политические позиции Плеханова после II съезда РСДРП явились прежде всего результатом непонимания им характера новой эпохи как эпохи империализма и пролетарских революций, непонимания значения союза пролетариата с крестьянством и руководящей роли пролетариата как в буржуазно-демократической, так и в социалистической революции»⁴⁷.

⁴⁷ «Справочник партийного работника», 1957, стр. 365.

Глава X

МЕНШЕВИСТСКАЯ ПРОГРАММА МУНИЦИПАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ

Меньшевиетские установки Плеханова ясно сказались в период революции 1905—1907 гг. и прежде всего в аграрном вопросе. Ведь аграрный вопрос приобрел тогда в России исключительную остроту, и ответ на него надо было давать в достаточно определенной форме. В этой обстановке классовых конфликтов огромного значения Плеханов и развил меньшевистскую концепцию аграрного вопроса.

Правда, и в годы революции 1905 г. он продолжал борьбу с народническими иллюзиями эсеров, трудовиков и других мелкобуржуазных группировок, ясно показывая буржуазные тенденции в развитии крестьянского хозяйства и раскрывая буржуазно-демократическое содержание аграрного вопроса и всех проектов его разрешения на основе «социализации земли». Так, в статьях «Еще о нашем положении» (декабрь 1905 г.)¹, «Мужики бунтуют» (март 1905 г.)², «К аграрному вопросу в России» (март 1906 г.)³, в первой статье из серии «Заметки публициста» (1906)⁴ Плеханов дает много интересных замечаний по этому вопросу.

Он требовал разграничения пролетарских и специфически крестьянских требований, как об этом свиде-

¹ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 13.

² См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 243—244, 246, 249.

³ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 28, 32, 38—40.

⁴ См. там же, стр. 20.

тельствуют его пятая статья из серии «Заметки публициста» (1907), статья «Общее горе» (1906), пятое «Письмо о тактике и бестактности» (1906) и первая статья из серии «Заметки публициста»⁵.

Но все эти хорошие рассуждения и критические замечания обесценивались тем, что Плеханов давал совершенно неправильное решение коренного вопроса всех аграрных задач России 1905 г., именно вопроса о том, что же делать с землей и прежде всего помещицей. В ответе на него, в положительном разрешении одной из коренных проблем русской революции Плеханов обнаружил полное банкротство. Он выступил с поддержкой меньшевистского проекта муниципализации земли, решительно отвергая ленинский лозунг национализации. При этом в развитой им аргументации отчетливо обнаружались все пороки его меньшевистской концепции. Свойственное последней истолкование экономической истории России и перспектив ее буржуазно-демократической революции приводило Плеханова к совершенно ошибочному решению аграрного вопроса.

Так, в своей речи по аграрному вопросу на Стокгольмском объединительном съезде РСДРП (1906) Плеханов выступил сторонником муниципализации и противником ленинского лозунга национализации⁶. Аналогичную точку зрения он развивал в статье «К аграрному вопросу в России» (1906)⁷ и в «Заметках публициста» (1906)⁸.

Плеханов фактически имел только два «аргумента» против национализации земли, один из которых апеллировал к истории, а другой — к политическим прогнозам относительно исхода буржуазно-демократической революции в России. Но его исторические доводы по-прежнему оставались совершенно неубедительными, так как сводились к повторению очевидных ошибок его концепции. Плеханов кивал на «восточный вариант» русского исторического процесса, однако в пользу своего тезиса не приводил никаких доказательств. Он просто сравнивал Россию с восточными деспотиями, забывая давно

⁵ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 302, 162, 143, 204—205, 212, 209, 215.

⁶ См. там же, стр. 67—70, 72, 74, 76.

⁷ См. там же, стр. 27, 31, 35.

⁸ См. там же, стр. 212.

известную истину, что сравнение — не доказательство. Затем, если бы даже он был прав ретроспективно и в истории крепостной России действительно господствовало государственное землевладение, то отсюда вовсе не следует, будто и в XX в. положение не изменилось. Даже самое слабое знакомство со статистикой землевладения показало бы Плеханову, что Россию 1905 г. нельзя приравнять к Московскому государству времен Ивана Грозного. Говорить о господстве государственного землевладения в русской деревне начала XX столетия, а тем более объявлять крестьян представителями такого землевладения, нет абсолютно никаких оснований. Между тем Плеханов, оперируя фразеологией ставропольских трудовиков, договаривался до чудовищных выводов, будто реакционно даже требование крестьян о конфискации помещичьих земель, так как общинники имеют пристрастие к государственному землевладению и собираются укреплять его.

Трудно представить себе более ложное истолкование ситуации в России и характера ее аграрных проблем. Плеханов даже в революционных выступлениях русского крестьянства против дворянского землевладения усматривал простую борьбу верноподданных российской империи за старинные порядки крепостной деревни и возрождение экономического строя восточной деспотии.

Поэтому, естественно, Плеханову приходилось отмежевываться весьма настойчивым образом от экстравагантных заключений анархиста Реклю, который демагогически сравнивал аграрную программу социал-демократии с аграрными реформами «народолюбивых царедворцев» в истории Китая. Плеханов правильно отвергал попытки Реклю «уподобить внутреннюю историю Китая истории западноевропейских обществ XIX века»⁹, но фактически сам поступал именно таким образом.

Вторым и решающим «аргументом» Плеханова были его политические прогнозы о перспективах русской революции, которые, по его мнению, не исключают реставрации. В случае реставрации, говорит он, национализация земли даст царизму огромные экономические резервы и станет новой опорой самодержавия Романовых.

⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 32.

Таким образом, он противопоставлял национализацию и революцию, хотя именно национализация земли в условиях России 1905 г. и являлась одним из самых важных факторов углубления революции. Он оперировал абстрактной возможностью реставрации, устраняя из поля зрения один из наиболее важных факторов расширения революционных событий. На самом деле именно национализация земли сделала бы крестьян надежными приверженцами революционных преобразований в России и прочной опорой революции. Плеханов же предварительно обескровливал революцию, а потом начинал искать гарантии для нее и, естественно, приходил к парадоксальным выводам. Его политические прогнозы оказывались совершенно несостоятельными.

Вся эта «аргументация» Плеханова сдабривалась инсинуациями по адресу Ленина, которого он обвинял в утопизме, бланкизме и возрождении народничества. Фактически же сам Плеханов строил утопические планы относительно исхода буржуазно-демократической революции в России, совершенно не понимая ее экономического содержания и классовой природы. Только этим можно объяснить его заявление, что требование крестьянства относительно национализации земли является утопическим и в нем заключается «элемент китайщины». Но если уничтожение дворянского землевладения признавалось Плехановым утопией, то что же тогда оставалось от буржуазной революции в условиях России и какие же элементы ее Плеханов смог бы зачислить в категорию реальных возможностей? Ведь «захват власти революционерами» он тоже объявлял народнической идеей бланкистского толка. Следовательно, в своих прогнозах относительно перспектив революции Плеханов заранее исключал ее углубление, не допуская и мысли, что революционеры смогут оказаться у власти. Он проектировал революцию без революционеров и ликвидацию помещичьего землевладения квалифицировал как утопию, хотя национализация дворянских земель являлась бы одним из наиболее радикальных ее мероприятий. Все события грандиозной революции, развертывавшейся в России, истолковывались Плехановым самым превратным образом, в результате он приходил к совершенно ошибочным выводам. Он судил о буржуазно-демократической революции в России с позиций много

раз высмеянного им фатализма и игнорировал ее творческие возможности.

Плеханов демагогически приравнивал ленинское требование национализации земли к эсеровским проектам ее «социализации», хотя между ними имелось принципиальное различие. Ленин рассматривал национализацию земли как радикальное мероприятие буржуазно-демократической революции, существенно важное для ликвидации пережитков крепостничества, в то время как эсеры собирались водворить «социализм» в русской деревне, не изменяя ее социально-экономических основ.

Сам Плеханов ошибочно рассматривал аграрный вопрос исключительно с точки зрения перспектив буржуазного развития России, игнорируя задачи подготовки социалистической революции. Он заранее исключал использование пролетариатом аграрных противоречий для дальнейшего расширения событий и подготовки социалистического переворота. Поэтому он и заявлял, что если, согласно предположениям В. И. Ленина, буржуазно-демократическая революция будет завершена, то национализация земли окажется ненужной, перестанет быть актуальной. Между тем именно под лозунгом национализации земли пролетариат смог бы организовать крестьянство для дальнейшего продвижения вперед. Впоследствии опыт революции 1917 г. наглядно показал это. Кроме того, национализация земли в условиях диктатуры пролетариата, естественно, облегчала задачи социалистического переустройства сельского хозяйства. Однако Плеханов в духе меньшевизма считал социалистические проблемы России настолько отдаленными, что решал аграрный вопрос лишь с точки зрения ближайших перспектив капиталистического развития страны. Свойственный оппортунизму объективизм проявлялся здесь чрезвычайно ярко, и Плеханов предлагал выработать аграрную программу социал-демократии, руководствуясь лишь тем, что социализм восторжествует как «следствие развития производительных сил в капиталистическом обществе». Он ссылаясь при этом на Бебеля, который на Бреславльском партийном съезде 1895 г. рекомендовал решение вопроса о практических требованиях социал-демократии в соответствии с тем, «не помешает ли оно дальнейшему развитию капитализ-

ма». По мнению Плеханова, «это — единственно правильное отношение к вопросу»¹⁰.

Следовательно, при разрешении аграрного вопроса Плеханов принципиально предлагал игнорировать задачи социалистической революции и единственный залог ее конечного торжества усматривал в экономической зрелости России, развитии ее производительных сил на капиталистической основе. Что аграрные противоречия России могут сыграть положительную роль в углублении революции и в подготовке условий для социалистического переворота, революционизируя бедноту и среднее крестьянство, это Плеханов заранее исключал. Над ним довели меньшевистские прогнозы относительно перспектив русской революции. Ее коренные проблемы Плеханов решал с позиций настоящего экономического материализма в его наиболее вульгарных формах, с которым он раньше воевал столь долго и так блестяще, что приобрел себе заслуженную славу выдающегося материалиста-философа и тонкого знатока диалектики. Он связывал судьбы социализма в России только с торжеством капитализма. Лишь в творческой деятельности русской буржуазии он усматривал залог социалистических преобразований в отдаленном будущем. Его экономическая платформа 1917 г. уже в годы революции 1905—1907 гг. вырисовывалась достаточно определенно, и ее контуры приобретали отчетливые очертания в работах Плеханова по аграрному вопросу.

В эту пору он считал законченным «великий спор славянофильства с западничеством», поскольку, говорил Плеханов, «нынешние представители западничества стали на точку зрения рабочего класса», а «нынешние представители народничества стали на точку зрения мелкой буржуазии»¹¹. Выходило, что на протяжении десятков лет предшествующего развития народничество не имело никакого отношения к мелкобуржуазной точке зрения. Свою ошибку в оценке классовой сущности последнего Плеханов воспроизводил в утрированной форме.

Блестящую критику меньшевистской концепции аграрного вопроса в истолковании Плеханова дал В. И. Ленин. Его критические замечания представляют

¹⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 22, 24.

¹¹ Там же, стр. 216.

огромный интерес с точки зрения занимающей нас темы, и их краткая характеристика совершенно необходима. Ведь развитая Плехановым на IV съезде РСДРП меньшевистская программа муниципализации была соглашательской, вредной для революции, исключала использование революционной энергии крестьянства, ориентировалась на половинчатый исход революции. Ошибочные выступления Плеханова по аграрному вопросу в годы первой русской революции были неразрывно связаны с его общей эволюцией к меньшевистскому оппортунизму, и В. И. Ленин специально отмечал это. Следовательно, критику плехановских установок в аграрном вопросе В. И. Ленин неизменно связывал с выявлением общеполитического оппортунизма Плеханова, меньшевистских взглядов последнего в оценке движущих сил и задач предстоящей революции. Тем самым Ленин вскрывал политическую подоплеку меньшевистских заключений Плеханова по аграрному вопросу.

В своей брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», написанной в марте 1906 г., Ленин признавал, что статья Плеханова в журнале «Заря» (август 1902 г.) «проводила ту бесспорно правильную мысль, что требование национализации земли далеко не везде и вовсе не всегда революционно». Ленин одобрительно относился к замечанию Плеханова, что в революционную эпоху «экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимостью и что при известных обстоятельствах вопрос о ней необходимо будет поставить»¹². Но, писал далее В. И. Ленин, когда теперь Плеханов предостерегает Россию от повторения опытов Ван Ган-че (китайский преобразователь XI в., неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что «крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению», то «натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине qui prouve trop, ne prouve rien (кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает). Если бы Россию XX века можно было сравнить с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России. Что же касается

до реакционного происхождения (или характера) крестьянской идеи национализации земли, то ведь и в идее черного передела есть несомненные черты не только реакционного происхождения, но и реакционного характера ее в настоящее время. Реакционные элементы есть во всем крестьянском движении и во всей крестьянской идеологии, но это нисколько не опровергает общего революционно-демократического характера всего этого движения в целом»¹³.

В заключительном слове по аграрному вопросу на IV съезде РСДРП в Стокгольме (апрель 1906 г.) В. И. Ленин квалифицировал выступление Плеханова против национализации как ошибку и утверждал, что если политический переворот в России дойдет до создания действительно демократической республики, то самому Плеханову придется выступать за национализацию, причем «не только русская, но и международная, обстановка движения толкнула бы к национализации». Относительно же вопроса Плеханова, где гарантия от реставрации, Ленин говорил: «Я не думаю, чтобы постановка этого вопроса находилась в тесной и неразрывной связи с разбираемой нами программой», но мы должны прямо и определенно сказать крестьянину: «...если ты хочешь довести аграрную революцию до конца, то ты должен также довести и политическую революцию до конца...»¹⁴. Плеханов говорил, что не нужно бояться аграрной революции, но «именно эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции. Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом»¹⁵.

Несколько позднее, в докладе об Объединительном съезде РСДРП в Стокгольме (1906 г.), В. И. Ленин отмечал общий поворот меньшевиков на съезде к Плеханову, с которым «они не соглашались до съезда...»¹⁶. Очевидно, что этот поворот не был случайностью и объяснялся тем, что сам Плеханов в вопросах аграрной политики занял чисто меньшевистскую позицию.

Развернутую критику взглядов Плеханова по аграр-

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 158 (Примеч.).

¹³ Там же, стр. 253—254, 256.

¹⁴ Там же, стр. 257.

¹⁵ Там же, стр. 256.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 157.

ному вопросу В. И. Ленин дал в брошюре «Доклад об Объединительном съезде РСДРП», опубликованной в 1906 г. Там В. И. Ленин указывает, что на IV съезде в Стокгольме Плеханов как третий докладчик защищал Маслова и пытался уверить съезд, что ленинская национализация — эсеровщина и народовольчество¹⁷. Однако довод Плеханова, будто национализация земли была экономической основой московской Руси допетровской эпохи, и раз наша теперешняя революция, как и всякая революция, не содержит в себе гарантий от реставрации, то поэтому следует остерегаться именно национализации, по мнению Ленина, «сводится к чистой софистике». Как отмечал Ленин, исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не приходится. Ленин ссылался на работы Ключевского, Ефименко и др. Он полагал, что «поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был *азиатский способ производства*. Между тем, в России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке стал уже безусловно преобладающим *капиталистический способ производства*». Плеханов национализацию, основанную на азиатском способе производства, «смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. Из-за тождества слов он просмотрел коренное различие экономических, именно производственных, отношений». Вместе с тем Плеханов запутался между реставрацией московской Руси и реставрацией XIX в. во Франции, причем под видом гарантии от реставрации или от реакции «выходит из его программы *сделка с реакцией*», так как в программе аграрный переворот «ни единым словом не связывается с *полным демократизмом центрального управления и устройства государства*!». Кроме того, заявлял В. И. Ленин, сама муниципализация есть один из видов *землевладения*, а основные и существенные черты *класса* не меняются от формы *землевладения*. Он приходил к тому выводу, что в случае победы реакции мелкий буржуа «неминуемо и неизбежно является оплотом реставрации против проле-

¹⁷ См. В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 299—300.

тария и при национализации, и при муниципализации, и при разделе земли»¹⁸.

Ленин прямо заявлял, что плехановская «ссылка на отсутствие гарантий от реставрации есть идея чисто кадетская, есть *политическое оружие буржуазии против пролетариата*», так как именно с точки зрения кадетов тронуть монархию — значит вызвать оласность реставрации. Как подчеркивал Ленин, плехановская *боязнь захвата власти есть боязнь крестьянской революции*¹⁹.

Критикуя плехановскую точку зрения в аграрном вопросе, В. И. Ленин вновь и вновь возвращался к той мысли, что переоценка революционного значения русской буржуазии влекла Плеханова к самым ошибочным выводам при разрешении проблем первостепенного значения. Так, в статье «Крестьянская или „трудовая“ группа РСДРП» (май 1906 г.) В. И. Ленин писал о IV съезде, что «глубокую ошибку сделали с.д. правого крыла на съезде, восклицая (Мартынов и Плеханов): «кадеты важнее, как партия, чем эсеры»²⁰. Ленин разоблачал кадетские иллюзии меньшевиков, игнорировавших значение массовой борьбы крестьянства за землю.

Через год после этого в одном из примечаний к работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции», написанной в конце 1907 г., В. И. Ленин, характеризуя искажение марксизма в аграрном вопросе П. Масловым и его сторонниками, отмечал, что в число этих сторонников попал и Плеханов, причем по иронии истории именно «этот якобы-строгий хранитель ортодоксии *не заметил или не пожелал заметить* искажения экономической теории Маркса Масловым»²¹.

В специальном параграфе Ленин подвергал детальной критике меньшевистскую программу муниципализации земли, защищавшуюся Плехановым. Ленин указывает, что, признавая отсутствие гарантий от реставрации, меньшевики все же придумывают такую гарантию и муниципализации земли, которая исключает якобы возвращение последней дворянству даже в условиях реставрации. Однако, говорит Ленин, прочность мун-

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 303—304, 308, 306—307.

¹⁹ Там же, стр. 310, 309, 312.

²⁰ Там же, стр. 380.

²¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 285 (Примеч.).

циализации будет состоять исключительно в законе, изданном революционным парламентом, отмена которого неизбежно последует за падением последнего. Поэтому «так как в наших руках гарантий от реставрации быть не может, то поднимать этот вопрос в связи с аграрной программой значило *отводить в сторону* внимание слушателей, *засорять их мысль*, запутывать дискуссию». Относительной же и условной гарантией, по мнению Ленина, является «возможно более глубокое, последовательное, решительное проведение революционного переворота в России»²², между тем «у Плеханова все время сквозит смутная «боязнь крестьянской революции...», боязнь того, не может ли она оказаться экономически реакционной, ведущей не к американскому фермерству, а к средневековому закрепощению». Однако, как полагал В. И. Ленин, это экономически невозможно, о чем свидетельствуют уже крестьянская реформа 1861 г. и ход эволюции деревни после нее.

Причину столь ошибочных взглядов Плеханова Ленин видел в том, что Плеханов, говоря о крестьянской аграрной революции, «совершенно не выяснил себе ее своеобразия, как *капиталистической* эволюции. Он смешивает народничество, учение о возможности *некапиталистической* эволюции, с марксистским взглядом на возможность *двух* видов *капиталистической* аграрной эволюции»²³.

Вместе с тем, как утверждал Ленин, само «местное самоуправление, действительно сколько-нибудь демократическое, *невозможно* без полного свержения помещичьей власти и уничтожения помещичьего землевладения». Кроме того, победа крестьянской революции «требует гигантского размаха крестьянской инициативы... народного творчества», а «обывательские шуточки Плеханова насчет этого последнего слова — дешевенькая увертка от серьезного вопроса», так как «считать серьезно народом идею о необходимости «народного творчества», новых форм борьбы, новых форм организации крестьянства в русской революции может только тот, кому самое допущение крестьянской революции против буржуазии и помещиков кажется народом».

²² В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 299.

²³ Там же, стр. 301.

Таким образом, писал В. И. Ленин, «основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т. е. в 1905—1907 годах) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией». В результате Плеханов совершенно «спасовал по вопросу об *основах* всей вообще социал-демократической тактики в такой буржуазной революции, которая может победить лишь как крестьянская революция», и тем самым «довел до абсурда меньшевизм, отвергнув завоевание власти крестьянством в крестьянской революции»²⁴.

Характеризуя прения во II Думе об аграрном вопросе, Ленин отмечал, что первый помещик Ветчинин выступал против предложений о национализации земли как возврате к московскому периоду, когда нередко отбирались земли у частных собственников. «Вот на какую замаску пошла плехановская «реставрация московской Руси!» — иронически писал Ленин. С другой стороны, и реакционер Шульгин демагогически ссылался на Китай XII в. и печальный результат китайского «эксперимента с национализацией»²⁵.

В автореферате своей работы «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» В. И. Ленин указывал, что основной ошибкой всех прежних программ РСДРП «является недостаточно конкретное представление о том, каков может быть *тип* капиталистической аграрной эволюции в России», и поэтому Плеханов, который в Стокгольме провел проект Маслова о муниципализации, совершенно не вдумался в *экономическое содержание* крестьянской аграрной революции в капиталистической стране.

Между тем, как подчеркивал В. И. Ленин, национализация — это «*крестьянская „чистка“* земель для капитализма», этой «*экономической* сущности национализации в буржуазной революции, совершаемой рабочими и крестьянами, совершенно не поняли Маслов, Плеханов и К^о»²⁶.

Цитируя слова Плеханова, что ключ его позиции за-

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 324.

²⁵ Там же, стр. 340.

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 139, 142.

ключается в указании на возможность реставрации, Ленин проницательно замечал, что это — «совершенно заржавленный ключ, кадетский ключ сделки с реакцией под видом «гарантии от реставрации». Аргумент Плеханова — самый жалкий софизм, так как сам он утверждает, что гарантии от реставрации нет, и однако он придумывает такую гарантию», выдвигая план муниципализации земли. На самом же деле в случае реставрации «те же самые классы снова станут господствующими и их не свяжет закон о муниципализации».

По мнению В. И. Ленина, софистика Плеханова «есть принятие кадетской тактики: вести пролетариат не к полной победе, а к сделке со старой властью».

Кроме того, казачьи земли в России уже представляют из себя муниципализацию, но, как указывал Ленин, именно это раздробление государства на отдельные области было одною из причин поражения революции в первой трехлетней кампании²⁷.

Ленин неоднократно отмечал связь Плеханова с ревизионистами в вопросах аграрной политики и в заметке «От редакции» (август 1908 г.) прямо называл Плеханова ангелом-хранителем «нашего аграрного ревизиониста», т. е. П. Маслова. Ведь, указывал Ленин позднее, когда Маслов повторяет свои доводы против теории Маркса на страницах «Голоса», то «Плеханов и К^о только оговариваются!»²⁸.

Наконец, критикуя меньшевистскую программу муниципализации земли, В. И. Ленин предлагал учитывать и политические тенденции русского крестьянства, для мобилизации которого под знаменем революции и предназначалась аграрная программа социал-демократии. Между тем, говорит В. И. Ленин в статье «Аграрные прения в III Думе» (декабрь 1908 г.), хотя со времени споров в Стокгольме на IV съезде РСДРП о муниципализации по аграрному вопросу в трех Думах высказались крестьяне, но ни одной группы крестьянских депутатов не соблазнила муниципализация. Таким образом, жизнь насмеялась над «муниципализацией», над криками о «Вандее»²⁹.

Можно ли сказать, что события революции 1905 г.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 149—151.

²⁸ Там же, стр. 259.

²⁹ См. там же, стр. 288.

изменили сколько-нибудь взгляды Плеханова по аграрному вопросу? Ведь ее события потрясли основы самодержавия Романовых и выявили более отчетливо политическую роль отдельных классов. Становилась возможной критическая проверка всякого рода аграрных проектов и политических концепций, служивших для обоснования этих проектов. Настало время проводить итоги и можно было на их основе выдвигать новые точки зрения.

Поэтому характеристика высказываний Плеханова по аграрному вопросу после революции 1905 г., естественно, должна стать особым разделом при изложении занимающей нас темы.

Правда, в 1908—1916 гг. Плеханов очень редко затрагивал в своих произведениях этот вопрос и для характеристики эволюции его взглядов той поры на аграрные проблемы России имеется лишь весьма скудный материал. Но этот материал вполне достаточен для уяснения позиции Плеханова по аграрному вопросу после революции 1905 г.

Итоги революции 1905 г. ничего не изменили в меньшевистских установках Плеханова по аграрному вопросу. Он и после 1905 г. продолжал повторять старые формулировки, ошибочность которых давно стала очевидной, особенно после блестящей критики их Лениным.

Так, в статье «Заметки публициста» (1908) Плеханов указывал, что на одном из съездов «Крестьянского союза» представитель Владимирской губернии говорил: «Крестьяне на земле, дворяне при дворе», и потому за землю помещикам платить не следует. Между тем, как утверждал Плеханов, этот лозунг отражает положение скорее «в Московской Руси: в столице царь, у царя двор, при дворе дворяне, а на земле крестьяне». Вместе с тем в этом идеале владимирского оратора он находил старинный принцип распределения земли, согласно которому крестьянин получал то, «куда его соха, коса и топор ходит»³⁰.

Следовательно, в «аграрных беспорядках» и революционных выступлениях крестьян Плеханов по-прежнему находил лишь устаревшие идеалы московской Руси.

Весьма красноречиво позицию Плеханова в аграрном

³⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 421.

вопросе характеризует его интервью, данное сотруднику газеты «Юг» (в июне 1913 г.). Плеханов заявляет, что уже в 1889 г. он не считал крестьянство «революционной силой в настоящем смысле этого слова», а программа организации «Черный передел» была пережитком тех воззрений, которые сложились в Великороссии под влиянием аграрной политики Московского государства, где «земля считалась государевой, а крестьяне прикреплялись к государевой земле». Показательным Плеханов считал то, что во время революции 1905 г. одетые в солдатский мундир дети тех людей, которые в деревнях самовольно делали «земельное равнение» и выступали революционерами, расстреливали революционеров в городе и тем самым спасали старый порядок. Больше того, говорил Плеханов, «я всегда подозревал, что, например, к учредительному собранию они относились именно так, как татары к «Дому пресвятыя Богородицы».

На вопрос, «как вы относитесь к указу 9 ноября?», Плеханов отвечал, что столыпинская реформа «осуществляется при условиях, наименее выгодных для крестьян, а следовательно, и для всей России». Но «мера эта неоспоримо имеет ту выгодную сторону, что окончательно разрушает все пережитки общественной психологии, возникшей некогда благодаря аграрной политике Московского государства». Поэтому вопреки ожиданиям реакционеров «она принесет в конечном счете революционный результат»³¹.

Таким образом, Плеханов сам признавался, что уже с 1889 г. он не считал крестьянство революционной силой и даже идея учредительного собрания, не выходящая за рамки буржуазно-демократических преобразований, казалась ему совершенно дикой с точки зрения русского крестьянства. Он отрицал революционную роль последнего даже в буржуазно-демократической революции, вновь и вновь ссылаясь на живучесть среди него пресловутых идеалов московской Руси с ее допотопными институтами социальной жизни. Он аттестовал и столыпинскую реформу как прогрессивное мероприятие именно потому, что она наносила удар по архаическим идеалам все той же московской Руси. Относительно реакционного значения и использования этой реформы

царизмом Плеханов совершенно непростительным образом умалчивал.

Характерно, что само поражение революции 1905 г. Плеханов объяснял лишь политической отсталостью крестьянства. Так, в статье «Новый подъем» (февраль 1914 г.) он писал, что «вступить в решительный бой с правительством может только гудящаяся масса, руководимая сознательным пролетариатом». Однако огромную часть этой массы составляет крестьянство, которое принимало участие в общественном движении бурных 1905 и 1906 гг. Но в политическом отношении его участие было почти бессознательно, так как, за незначительными исключениями, крестьяне «сохранили те политические взгляды, которые сложились еще в течение любезного славянофилам Московского периода нашей истории. Этим объясняется то, что называют теперь неудачей нашей революции»³².

Конечно, время от времени Плеханов и в эту пору вспоминал свои антинароднические работы конца XIX в., апеллируя к их заслуженному авторитету для подкрепления шатких позиций меньшевизма в аграрном вопросе. Так, в своей статье 1908 г. об «Идеологии мещанина нашего времени» Плеханов вновь излагал свои взгляды по аграрному вопросу, которых он придерживался еще в 80-х годах XIX в. Он заявлял при этом, что в ту пору был против обезземеливания крестьян, так как это задерживало рост производительных сил и развитие капитализма в России, а потому в брошюре «О борьбе с голодом» указывал на необходимость увеличить площадь крестьянского землевладения. Однако тот способ, который рекомендовали Михайловский и Кривенко — «законодательное закрепление общины», представлялся ему нелепым вмешательством в народную жизнь, не только задерживающим развитие производительных сил, но и «ухудшающим материальное положение крестьянства и увеличивающим власть кулака в деревне»³³.

Повторение этих положений, вполне правильных и давно сформулированных, не делало меньшевистскую концепцию аграрного вопроса, развитую Плехановым, более авторитетной. Прежние заслуги Плеханова вовсе

³¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIX, стр. 552—554, 557.

³² Г. В. Плеханов. Соч., т. XIX, стр. 448.

³³ Там же, стр. 335.

не оправдывали предпринятых им попыток разрешить аграрный вопрос в духе меньшевизма. Плеханов не учел итогов революции 1905 г., и идея перерастания буржуазно-демократической революции при ее дальнейшем углублении в социалистическую с участием революционного крестьянства под руководством пролетариата оставалась ему чуждой. Уже подготавливались события 1917 г. и Россия стояла на грани новой эпохи, а Плеханов продолжал твердить старые формулы меньшевистского толка, закрывая себе пути к пониманию политической ситуации 1917 г.

Какова же была позиция Плеханова по аграрному вопросу в 1917 г. и какие мероприятия он выдвигал для разрешения аграрных проблем России? Что нового внесла обстановка этого замечательного года в плехановскую концепцию аграрного вопроса и как он реагировал на события «аграрной революции» в русской деревне?

Все эти вопросы, естественно, требуют выяснения.

Ведь ситуация 1917 г. совершенно не укладывалась в меньшевистские прогнозы Плеханова, их никчемность наглядно показывали расширявшиеся события революции. В самом деле, при обсуждении аграрного вопроса в 1905—1907 гг. Плеханов все время кивал на угрозу реставрации, которая может сделать политически опасной национализацию земли. Он настойчиво требовал гарантий от реставрации, твердя о политической косности крестьянства.

Но 1917 г. опрокинул все его расчеты, и революционные возможности крестьянства обнаружались в грандиозных масштабах. Проблема гарантий от реставрации отпала, так как буржуазно-демократическая революция прогрессивно углублялась, ее события приобретали все более радикальный характер. Наоборот, со всей остротой встала проблема ее перерастания в революцию социалистическую и задача активного использования пролетариатом благоприятной обстановки для ускорения событий. При этом со всей определенностью становилось ясным, что лишь крестьяне являются единственно верными союзниками революционного пролетариата. Для использования пролетариатом революционной энергии крестьянства возникла исключительно благоприятная обстановка.

Как же на все эти события реагировал в 1917 г. Плеханов? Совершенно чудовищным и непостижимым образом. От его марксизма не осталось и следа. Кадетские рассуждения по аграрному вопросу лидера группы «Единство» дают вполне достаточное основание для такого вывода. В этом коренном вопросе буржуазно-демократической революции в России и вместе с тем в разрешении одной из первостепенных проблем предстоящей социалистической революции Плеханов явно переходил на позицию кадетов. Он уже перестал толковать о гарантиях от реставрации и в 1917 г. больше всего писал о гарантиях от революции, опасаясь ее углубления и радикального исхода событий. Тем самым Плеханов фактически признал банкротство прежних установок по аграрному вопросу, сформулированных в период революции 1905 г. при обосновании лозунга муниципализации. Плехановская точка зрения не выдержала испытания в бурные дни 1917 г., и сам он фактически признал это. Но, поняв банкротство своей концепции с ее демагогией относительно идеалов московской Руси у сторонников национализации земли, он пошел еще дальше вправо и сделал выводы, достойные кадета, а не революционного марксиста. Идейная эволюция Плеханова в сторону кадетской партии имела свою логику, и события 1917 г. наглядно показали это.

Характерным и вместе с тем поразительным надо признать уже то, что за весь 1917 г. Плеханов не написал по аграрному вопросу ни одной статьи, посвященной революции. Он упорно игнорировал аграрные проблемы революции, обнаруживая чисто меньшевистское, явно пренебрежительное отношение к крестьянским резервам пролетарской революции. Зато он написал десятки статей, заполненных кадетскими призывами к коалиции с буржуазией для продолжения империалистической войны и, главное, приостановки дальнейшего развития событий революции.

Только под прямым давлением событий крестьянского движения Плеханов высказался по аграрному вопросу и 28 мая 1917 г. в своей газете «Единство» опубликовал «Письмо Всероссийскому крестьянскому съезду», заседавшему в ту пору. Но в этом письме он выставил по существу кадетскую программу, ориентируя крестьян на выкуп помещичьих земель.

Правда, Плеханов призывал, что в прошлом «многострадальное русское крестьянское население было поистине сословием мучеников». Поскольку дворянское землевладение было первоисточником крестьянских мук, естественно, напрашивался вывод о необходимости его конфискации без всяких условий и оговорок. Но Плеханов казулистически усложнял вопрос, подчеркивая, что «в настоящее время немалое число крестьян тоже имеет частную земельную собственность», и патетически спрашивал: «Неужели у этих частных владельцев вы отберете землю без выкупа?». По мнению Плеханова, «это и несправедливо, и не расчетливо», так как «мелкие крестьянские землевладельцы нередко платили за землю деньги, заработанные ими в поте чела своего», и, кроме того, есть риск «сделать их противниками нашего нового порядка».

Отсюда Плеханов и предлагал постановить, что «частная земельная собственность, не превышающая известного числа десятин, остается неприкосновенной», а конкретное решение вопроса относительно этой нормы проектировал передать на усмотрение Учредительного собрания, которое должно будет учесть местные условия.

Таким образом, Плеханов брал под защиту земли кулаков и доказывал, что их конфискация была бы нарушением справедливости. Однако он шел дальше и опекал самих помещиков, хотя и признавал, что крупному землевладению «наступает конец». Плеханов заявлял, что «мысль об отобрании помещичьих земель без выкупа вызывает возражения», хотя и признавал, что «когда русский крестьянин выражает то убеждение, что земли помещиков должны принадлежать государству, он показывает этим смутное, как бы инстинктивное, понимание истории поземельных отношений в собственной России». Он опять брал под сомнение дозунт национализации земли, кивая на устаревшие идеалы московской Руси.

По мнению Плеханова, «нужно дать частным землевладельцам известное вознаграждение», хотя бы скромное, так как «Россия слишком бедна». Ведь иначе помещик «сделается нищим», а между тем «в нашем ли интересе плодить нищету на Руси?».

Трудно придумать более смехотворную аргументацию. Плеханов грозил нищенством помещиков той самой

России, которая на протяжении столетий являлась свидетельницей ужасающей нищеты крестьянства. Трудно даже поверить, что автор «Наших разногласий» и «Всероссийского разорения» сможет через 30 лет рассуждать столь странным образом. Политическое падение Плеханова оказывалось беспредельным. В довершение всего он демагогически взывал к великодушию крестьянства и, обращаясь к депутатам съезда, писал: «Вы победили. А победитель, когда у него в груди бьется львиное, а не волчье сердце, ведет себя великодушно». Упрекая фактически русских мужиков в волчьих повадках, Плеханов призывал их к джентльменскому обращению с помещиками, считая, видимо, что последние заслужили этого своим издевательством над русским народом в предшествующие века.

Пускаясь в эту недостойную революционера демагогию, Плеханов сам понимал, что его слезные мольбы за помещиков не найдут сочувствия у «сословия мучеников». Он писал депутатам съезда: «Вам не нравятся эти мои слова. Но что же делать! Я не могу думать иначе!».

Таким образом, Плеханов исключал и в 1917 г. использование аграрных противоречий России для углубления революции, а тем более ее перерастания в революцию социалистическую. Он ориентировался на чисто буржуазное развитие России в ближайшем и отдаленном будущем. Больше того, даже в рамках буржуазно-демократической революции он ограничивался весьма умеренными требованиями по аграрному вопросу, давая их кадетский вариант. Его сочувствие «сословию мучеников» оставалось платонической фразой, хотя он выражал его и позднее.

При формулировании требований по аграрному вопросу Плеханов проявлял необычайную осторожность и в статье, опубликованной 27 июня, обвинял Всероссийский съезд Советов в излишней уступчивости по отношению к программе Ленина, в результате чего принятая съездом «резолюция по аграрному вопросу не отличается надлежащей определенностью». И в аграрном вопросе, а не только в оценке империалистической войны 1914—1918 гг., Плеханов стоял на более правых позициях, чем меньшевистско-эсеровские группировки.

Крестьянские массы России 1917 г. плохо воспринимали назидательные увещания Плеханова. «Аграрные

беспорядки» в деревне приобретали все больший размах. Крестьянство требовало радикального решения аграрного вопроса, и правильная оценка крестьянского движения имела огромное значение для исхода буржуазно-демократической революции, для подготовки условий ее перерастания в революцию социалистическую. Но плехановская оценка этого движения оказалась ниже всякой критики. Конечно, и в 1917 г. он не отрицал прогрессивного значения борьбы крестьянства с крепостничеством средневековья. Так, 27 августа он писал, что когда во Франции XVIII века «третье сословие, добиваясь отмены вредных для него привилегий аристократии, стремилось к низвержению названного порядка, в его политике не было ничего эгоистического». И «в России XIX века стремление помещичьих крестьян освободить свою шею от ярма крепостного права нимало не противоречило общенациональному интересу». Отсюда, казалось бы, естественно следовал вывод о необходимости поддержать крестьянское движение, поскольку крестьянство взялось за оружие, явно выражая свое желание расправиться с дворянством и прежде всего с дворянским землевладением. Но эта решительная позиция крестьянства нашла отрицательную оценку у Плеханова, и в статье, напечатанной 6 октября 1917 г., он окрестил крестьянское движение «варварской реакцией против реформы Петра Великого». Он казуистически ссылался на то, что выступления мужиков сопровождались пожарами в дворянских имениях и гибелью родовых библиотек, богатых амбаров, даже больниц и школ. Плеханов фактически обвинял русских крестьян в том, что они вершили дела аграрной революции без белых перчаток. По мнению Плеханова, эти «беспорядки», происходящие в деревнях, заставляют «вспоминать о временах Степана Разина и Емельяна Пугачева», так как представляют собою «печальное наследие печальных веков темноты и рабства». Плеханов ставил, как говорят, все точки над «и», зачеркивая многовековую историю революционной борьбы русского крестьянства против помещиков, характеризуя ее как плод темноты и рабства.

Наконец, в самый разгар событий Великой Октябрьской социалистической революции, когда революционная борьба крестьянства под руководством пролетариата

приобрела принципиально новое значение, высокую сознательность, отчетливую целеустремленность, Плеханов по-прежнему доказывал, что значение революционных выступлений крестьянства для событий социалистического переворота ничтожно. Он с необъяснимым упорством воспроизводил свои старые ошибки в оценке революционной роли русского крестьянства, даже когда движение последнего получило исключительно широкий размах. 28 октября 1917 г. Плеханов обратился с «Открытым письмом к петроградским рабочим», в котором доказывал, что «крестьяне — совсем ненадежный союзник рабочего», который может рассчитывать «только на самого себя», так как «крестьянству нужна земля», а «в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается».

Таким образом, даже пафос грандиозных событий социалистической революции не смог изменить меньшевистских установок Плеханова по крестьянскому вопросу, он стоял на своем даже тогда, когда несостоятельность меньшевистского тезиса о сплошной реакционности русского крестьянства стала совершенно очевидной. Ведь под руководством большевистской партии русский пролетариат практически смог использовать в октябре 1917 г. революционные возможности крестьянства для победы социалистической революции. Предпосылкой для этого послужили крайняя острота аграрных противоречий России и высокая степень организованности, политической сознательности русского пролетариата. Между тем Плеханов игнорировал все это, преклоняясь перед оппортунистическими догмами «европейского социализма» II Интернационала. Гениальное же решение аграрного вопроса в конкретных условиях тогдашней России, данное В. И. Лениным, не было воспринято Плехановым, который и в 1917 г. упорно держался за свои ошибки в разрешении аграрно-крестьянского вопроса. В результате этого великие события 1917 г. прошли мимо куцей программы плехановской группы «Единство», и ее банкротство в разрешении аграрно-крестьянского вопроса стало совершенно бесспорным.

Глава XI

ПЛЕХАНОВ КАК ИСТОРИК РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Работы, написанные Плехановым по истории русской экономической мысли в меньшевистский период его идейной эволюции, не получили в нашей литературе серьезной и критической оценки. Больше того, многие положения, сформулированные им, воспроизводятся и до сих пор как вполне приемлемое решение того или иного вопроса. Одной из причин этого является недостаточно критическое отношение к работам Плеханова. Между тем его взгляды по интересующему нас вопросу были частью его меньшевистской концепции истории России.

В своих произведениях меньшевистского периода Плеханов дал пространные экскурсы в историю русской экономической мысли XVI—XVIII вв., и анализ его взглядов представляет значительный интерес, давая возможность отметить некоторые новые моменты идейной эволюции Плеханова и более точно выявить ошибки, которые были допущены им в оценке русских экономистов.

Так, Плеханов посвящает целую главу (вторую) первого тома своей «Истории русской общественной мысли» характеристике социально-экономических взглядов И. С. Пересветова¹. Как известно, сочинения Пересветова (челобитные, повесть о Царьграде, сказание о

царе Константине, предсказания философов и докторов, сказание о Магомет-Салтане и др.) были написаны в середине XVI в. Их автор выступает красноречивым дворянским публицистом. Русское государство переживало тогда в своем экономическом развитии переломный момент, период острой борьбы устаревшей вотчинной системы феодального хозяйства с более прогрессивной поместной системой. Последняя допускала более интенсивное использование земельных богатств крепостников, дальнейшее расширение площади агрикультуры, связанное с ростом господской запашки, и главное — усиление эксплуатации крестьянства. Ускоряя развитие производительных сил страны и обогащая господствующий класс за счет барщинной эксплуатации крестьян, поместная система утверждала свое господство. Она решала экономические проблемы служилого дворянства, и последнее решительно отстаивало ее в борьбе с боярским землевладением.

Задача дворянства заключалась в том, чтобы полнее использовать для осуществления своих классовых интересов абсолютизм, складывавшийся в борьбе Ивана Грозного с узкогрупповыми привилегиями боярства.

Такова социально-экономическая и политическая обстановка, в которой Иван Пересветов выступил как выразитель интересов служилого дворянства. Он использовал заинтересованность Грозного в усилении армии и предлагал ему установить теснейший союз со служилым дворянством, игнорируя боярство. Пересветов рекомендовал Грозному опираться только на «воинников» или мелких дворян, щедро наделять их поместьями (сообразно военным заслугам, а не родовитости), установить для них денежное жалованье, централизовать государственные доходы, ввести государственные суды взамен судов кормленщиков, составить судебники, довести регулярную армию до 20 тыс. человек, завоевать Казанское ханство, создать военную оборонительную линию на юге. Он предлагал ликвидировать кабальное холопство, угрожавшее даже части служилого люда.

Плеханов в своей работе говорит о взглядах Пересветова и уже в этой сравнительно краткой характеристике одного из представителей русской экономической мысли XVI в. сказываются все существенные особенности Плеханова как ее историка.

¹ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 153—154, 156—158, 160—162, 168, 194.

В самом деле, Плеханов фактически осуждает централизаторскую политику Ивана Грозного и выражает симпатии консерватизму Курбского. Правда, отчасти это объяснялось критическими задачами Плеханова по отношению к самодержавию Романовых XX в., но дело не только в этом. Плеханов считал исторически неподготовленной и социально-экономически неоправданной политику Грозного, квалифицируя новаторство последнего как самодурство в его звериных формах. Абсолютизм представлялся ему прогрессивным явлением в Западной Европе, но чисто искусственным в отсталой, крепостной России XVI в., которой он отказывал в праве на централизованную государственность, хотя бы и в абсолютистских формах.

Пристрастие Пересветова к такой государственности и войскам из мелких служилых людей, награждаемых по заслугам, Плеханов толковал как признак его отсталости и склонности к восточному варианту разрешения социально-политических проблем Московского государства. Плеханов прямо заявлял, что Пересветов как идеолог мелкого служилого люда искал для московской Руси идеалы на Востоке. Между тем сам же Плеханов признавал, что господство и самоуправство бояр Пересветов считал главным злом, на устранение которого и были направлены его планы. Однако неужели всякая защита централизованной государственности в истории России обязательно означала пропаганду «восточных идеалов»? А ведь Плеханов именно это и доказывал, пытаясь подкрепить свой тезис о «восточном варианте» русского исторического развития. Ошибочное понимание особенностей последнего привело Плеханова к неправильным оценкам русской экономической мысли XVI в.

Конечно, выступление Пересветова против холопства обуславливалось борьбой разных группировок господствующего класса за преимущественные права на эксплуатацию крестьян и потому не дает оснований считать его имеющим какое-либо отношение к эмансипационным стремлениям народа. Но Плеханов ограничился лишь констатацией этого факта, совершенно уклонившись от выяснения того, какое историческое значение имела постановка русским экономистом XVI в. столь важной народнохозяйственной проблемы.

Плеханов посвятил целый раздел девятой главы в

первой книге своей «Истории русской общественной мысли» анализу экономической концепции и программы экономической политики Юрия Крижанича.

Работы Крижанича, написанные в XVII в., ярко отразили социально-экономические и политические условия тогдашней России. К этому времени русское государство достигло гигантских масштабов. Утвердилось господство абсолютизма, выдержавшего период тяжелых испытаний в годы польско-шведской интервенции и грандиозных крестьянских восстаний в начале столетия. Экспансия барщинной системы продолжалась, и в орбиту феодальной эксплуатации вовлекались все более широкие массы крестьянства, все новые и новые земельные территории. Русское дворянство укрепляло свои экономические позиции ценой жестокой эксплуатации народа.

Однако это вызвало необычайное обострение классовых антагонизмов, и городские восстания середины XVII в., а затем Крестьянская война в начале 70-х годов под руководством Разина наглядно свидетельствуют об этом. Не случайно поэтому Крижанич так опасался политических самоуправств московской бюрократии и фискальных экспериментов абсолютизма.

С другой стороны, экономические противоречия России становились все более невыносимыми и опасными. Как великая держава Европы и Азии, она не могла оставаться чисто аграрным государством с малолюдными городами и слабо развитым ремеслом. Сама барщинная эксплуатация крестьянства требовала большого количества сельскохозяйственного инвентаря, и без минимально развитой промышленности русский абсолютизм не мог освоить сибирские просторы, даже отстоять свою самостоятельность на международной арене. Всего этого не мог игнорировать такой горячий идеолог славянства, каким был Ю. Крижанич, хорват по национальности, обретший в России свою вторую родину. Он формулировал широкую программу экономических и политических преобразований.

В оценке экономических взглядов Крижанича обычным образом сказывались ошибочные установки Плеханова в вопросах истории экономической мысли XVI—XVIII вв.

Правда, Плеханов со свойственным ему остроумием

удачно и метко высмеивал наивные иллюзии Крижанича относительно всеопределяющей роли абсолютистского государства и возможности самодержавных реформ в России XVII в. Но в целом он давал экономическим исследованиям Крижанича совершенно неправильную интерпретацию, проецируя славянофильство XIX в. в далекое прошлое России и стирая беспорядочные грани между отдельными течениями в эволюции ее общественной мысли. Как только заходила речь о сколько-нибудь оригинальном представителе русской экономической мысли, Плеханов всюду находил славянофилов, совершенно не считаясь с условиями эпохи. Всю историю русской экономической мысли он сводил к антитезе славянофильства и западничества, и она модернизировалась совершенно неосновательным образом. Он не допускал и мысли, что в экономической литературе России может быть что-либо значительное, так как все оригинальное он толковал как самобытное, а это последнее отождествлял со славянофильством и квалифицировал как проявление отсталости. Призывы же Крижанича к объединению славянства под руководством России Плеханов характеризовал как панславизм, своего рода великодержавный шовинизм, предосудительный со многих точек зрения. Он игнорировал тот факт, что в XVII в. балканские славяне стонали под турецким игом, а чехи истекали кровью в борьбе с немецкими ландскнехтами. Следовательно, призывы Крижанича имели под собой историческое обоснование и были вполне прогрессивными, их осуществление ускорило бы экономическое и культурное развитие славянских народов.

Характерно, что, определяя отношение Крижанича к Московскому государству, Плеханов подчеркивал то неблагоприятное впечатление, которое произвели на Крижанича московские обыватели XVII в. Это нужно было Плеханову для того, чтобы подкрепить свои излюбленные определения московской Руси как восточной деспотии, отсталости которой являлась якобы необычной для Европы. В соответствии с этим он и объяснял особенности экономической концепции Крижанича его желанием европеизировать Московское государство, как восточную деспотию на европейской территории. Таким образом, развитую Крижаничем программу социально-экономических преобразований Плеханов толковал с

позиций своей ошибочной теории «восточного варианта» русского исторического развития. В результате сами проекты Крижанича выступали в освещении Плеханова как продукт отсталости России, восточный деспотизм которой и порождал обычное в таких случаях прожектерство.

Поставив перед собой ложную задачу «развенчать» Крижанича как экономиста и мыслителя, Плеханов неосновательно доказывал, что все экономические исследования Крижанича были простой компиляцией идей западноевропейских экономистов. Он противоречил при этом своим же собственным утверждениям, что Крижанич был славянофилом, и шел настолько далеко, что сопоставлял Крижанича с Кенэ, жившим на 100 лет позднее и развивавшим аналогичную мысль о зависимости богатства короля от экономического положения крестьянства. Но ведь беспристрастному исследователю, наоборот, следовало бы подчеркнуть, что если просвещенный Кенэ в XVIII в. пришел к тому же выводу, который определенно формулировался задолго до него Крижаничем, то, значит, исследования последнего стояли в свое время на высоком теоретическом уровне.

Плеханов приходил к своим ошибочным заключениям лишь потому, что обеднял тему и не показывал богатого содержания экономических исследований Крижанича. Так, излагая разработанную Крижаничем программу, Плеханов указывал лишь на то, что он проектировал перенесение в Россию с Запада цеховой организации ремесла, частичного самоуправления городов, законодательства о неделимости поместий, изъятия духовенства из-под власти светских судов, юридического разграничения отдельных категорий служилых людей, подданного от холопа и т. д. Следовательно, Плеханов отмечал лишь те элементы в содержании работ Крижанича, в которых шла речь об упорядочении феодального режима Московского государства в соответствии с западноевропейскими образцами. Но ведь Крижанич вовсе не ограничивался этим. Даже Плеханов отмечал, что Крижанич ставил перед собой задачу ускорить развитие производительных сил России, однако отмечал это слишком глухо, без развернутого комментария. Между тем историческое значение экономических работ Крижанича заключалось именно в этом. Осуществление его проек-

тов встречало непреодолимые препятствия в политическом самоуправстве царской бюрократии и господстве крепостничества. Пытаясь их преодолеть, Крижанич, естественно, становился критиком крепостного режима тогдашней России и, например, его протесты против «крутого владения» носили оппозиционный характер, имели прогрессивное значение. Они были самостоятельным и смелым выступлением благородного мыслителя в жестокой обстановке политического бесправия. Чтобы обеспечить промышленное развитие России рабочей силой, Крижанич предлагал использовать наемных рабочих, гарантируя им достаточную плату, освободить холопов, знающих какое-либо ремесло. Вместе с тем для ускорения роста населения он советовал уменьшить чрезмерные налоги и смягчить законы. Крижанич прямо утверждал, что невежество унижает русских людей перед иностранцами, и рекомендовал усвоение западноевропейской технической культуры, обучение молодежи ремеслу, выпуску книг определенных авторов, создание школ, обучение женщин прядильному искусству, ткачеству, шитью и т. д.

Конечно, Крижанич стоял на почве существующего строя и считал бесспорным господство крепостничества и царской власти в России. Однако он возлагал на последнюю огромные экономические задачи (вплоть до организации крупного промышленного производства), требовал смягчения законодательства, ограничения произвола бюрократии, уменьшения налогового гнета, развития производительных сил страны, борьбы за ее экономическую независимость, организации народного образования и общего улучшения материальных условий народной жизни. Таким образом, экономическая программа Крижанича фактически осуждала многие традиционные и жестокие порядки крепостничества, представляла собой дальновидную критику их наиболее одиозных элементов. Перед Россией, как своим вторым отечеством, он открывал новые горизонты и новые пути экономического развития.

Крижанич выставлял программу прогрессивного развития экономики и культуры России, во многом предвосхищавшую мероприятия петровской эпохи. Поэтому безусловно ошибочно плехановское противопоставление Крижанича Петру I, так как их расхожде-

ния не затрагивали основных положений той программы экономической политики, которая развивалась обоими.

Выступления Крижанича в пользу «гостогонства» и «запертия рубежей» были попыткой отстаивать экономическую независимость страны. Борьбу за эту независимость вел и Петр I. Конечно, в новых экономических условиях Петр мог санкционировать более широкое проникновение иностранцев на экономическую периферию России, не опасаясь ущерба для ее хозяйственной самостоятельности. Но ведь и Крижанич предлагал приглашать иноземных мастеров, переносить в Россию западноевропейскую технику, выписывать иностранные книги и т. д. Необходимо учитывать и то, что его враждебное отношение к иноземцам в значительной мере объяснялось политическими соображениями Крижанича как идеолога славянства. Точно так же и выступления Крижанича против тирании свидетельствовали лишь о своеобразии его политической ориентации, масштабы которого не следует преувеличивать. Даже в вопросах политики он (как позднее и Петр) стоял на позициях абсолютизма, отвергая лишь крайности последнего. Плеханов сам признавал, что Крижанич идеализировал французский абсолютизм и верил в чудодейственную силу самодержавных правителей.

Столь резкое и ошибочное противопоставление Крижанича Петру I понадобилось Плеханову для того, чтобы еще более подчеркнуть примитивность и отсталость экономической концепции Крижанича, как того требовали общие установки Плеханова при оценке русской экономической мысли XVI—XVIII вв.

Конечно, Крижанич развивал идеи меркантилизма, хорошо известные в Западной Европе. Но это не умаляет его заслуг перед русской экономической мыслью, так как в условиях отсталой, крепостной России он разрабатывал передовые идеи своего времени и стоял на уровне современной ему науки. Ведь экономическая политика меркантилизма в ту пору вовсе не везде получила признание и при своем практическом осуществлении встречала сопротивление с разных сторон. В отличие от западноевропейских меркантилистов, Крижанич не игнорировал задач развития сельского хозяйства и предлагал для их разрешения изучать климат и почвенные условия разных областей, периодически проверять

сельскохозяйственный инвентарь по деревням, организовывать его продажи по доступным ценам, строить благоустроенные дома, развивать виноградарство, табководство, пчеловодство, шелководство.

Таким образом, вопреки мнению Плеханова Крижанич был крупным представителем славянской и в том числе русской экономической мысли XVII в., он принимал близко к сердцу социально-экономические проблемы России и их разрешению отдавал свои силы.

В работах Плеханова, посвященных истории русской экономической мысли XVI—XVIII вв., особенно большое место занимает И. Т. Посошков. К нему он возвращается много раз, а во второй книге «Истории русской общественной мысли» посвящает этой теме целую главу.

Замечательная работа И. Т. Посошкова «О скудости и богатстве» была написана на грани 20-х годов XVIII в., в конце царствования Петра I, и прекрасно отразила все социально-экономические противоречия петровской эпохи. За истекшие со времени трактатов Ю. Крижанича 50 лет Россия далеко продвинулась вперед и при Петре I превратилась в мощную державу с сильной армией и растущим флотом. Во многих местах были созданы крупные мануфактуры, далеко превосходившие достижения XVII в., началось освоение Урала, задыхались его дома. Подавив народные восстания, крепостники ценко держали крестьянство в своих руках, еще больше расширяя господскую запашку и усиливая крепостной гнет. Экономические резервы крепостничества оставались столь значительными, что делались попытки использовать их даже для развития промышленности. Россия переживала строительную горячку и приступила к экспорту промышленных изделий в широком масштабе. Грандиозный размах петербургских сооружений свидетельствовал об ее огромных экономических возможностях. Петр завершил дело Ивана Грозного и довел свой абсолютизм до крайности.

Однако и при Петре I не были сняты экономические проблемы, ставшие актуальными для России еще во времена Крижанича и даже раньше. Крупная промышленность мануфактурного типа еще только пускала корни и страдала от узости внутреннего рынка, иностранной конкуренции, недостатка капиталов, квалифицированных рабочих и рабочей силы вообще. Народ стонал

под гнетом крепостничества и фискальных экспериментов петровского абсолютизма. Само купечество оставалось пришибленным, и его интересы, экономическая активность ущемлялись дворянскими привилегиями и самоуправством всевластной бюрократии.

В таких условиях стране требовались серьезные экономические реформы, и смелым советником Петра I попытался выступить предприимчивый «купецкий человек», выходец из подмосковных мастеров-серебряников И. Т. Посошков. Он написал яркий и интереснейший трактат об основных проблемах экономики тогдашней России.

Однако содержание плехановской характеристики экономических взглядов Посошкова показывает, что она ошибочна от начала до конца и совсем не содержит в себе правильных положений. Задача «развенчать» авторитеты русской экономической мысли XVI—XVIII вв. и обосновать меньшевистский тезис об исключительной отсталости крепостной России привела Плеханова к совершенно ложным заключениям. В угоду своим меньшевистским установкам в оценке прошлого России Плеханов незаслуженно принимал научное и историческое значение экономических исследований Посошкова.

Так, особенно наивным, по мнению Плеханова, является представление Посошкова о деньгах, поскольку автор «Книги о скудости и богатстве» считал русских царей всевластными в делах денежного обращения. Но совершенно ясно, что Посошков просто доводил до крайности характерное для меркантилистов (в том числе и западноевропейских) преувеличение экономической власти абсолютистского государства, приписывая русскому царю возможность авторитарно определять курс денег.

Меркантилисты всегда и везде выступали за самое активное вмешательство абсолютизма в экономическую жизнь. В России XVIII в. это было тем более естественно, так как сохранилось крепостничество и реформа экономической жизни, осуществленная правительством, оказывалась единственной надеждой передовых людей. Ведь еще не созрели условия для народной революции. Посошков тоже возлагал все свои упования на Петра I, преклоняясь перед ним. Кроме того, преувеличивая роль русских монархов в сфере денежного обращения, он

высказал идеи, которые на Западе развивались сторонниками номинализма и много позднее — государственной теории денег. Следовательно, высказывания Посошкова о деньгах нельзя квалифицировать просто как наивные, тем более что, по его мнению, авторитарные начала денежного обращения в России ограничивались ее территорией и, согласно выработанному им плану, на международном рынке должны были функционировать червонцы, т. е. полноценная золотая монета. Наконец, он предлагал вполне основательные мероприятия по искоренению порчи русских монет и в своих практических планах советовал улучшить денежное обращение путем очищения монет от примесей.

Нет основания утверждать, будто «концепция денег Посошкова не вяжется с его меркантилистической позицией в вопросе о развитии торговли и промышленности», как это делает новейший исследователь вопроса А. И. Пашков, ссылаясь на то, что «меркантилисты Запада разделяли, как правило, именно то понимание ценности денег, которое критиковал Посошков»².

Расхождение с западноевропейскими меркантилистами в этом вопросе свидетельствует лишь об оригинальности экономических взглядов Посошкова. Но характерная для меркантилизма мысль о чисто авторитарном разрешении самых разнообразных экономических задач нашла свое крайнее выражение в той интерпретации денег, которую дал Посошков. Концепция денег, развитая Посошковым, не курьез, а органическая часть его меркантилистических воззрений.

Плеханов слишком односторонне использовал литературу Запада для критики Посошкова, демонстрируя примеры более ранних и более правильных высказываний о деньгах французских и итальянских экономистов, отрицавших задолго до Посошкова определяющую роль государственной власти для денежного обращения. На самом деле номиналистические концепции денег разрабатывались в Западной Европе много после Посошкова, а в новом варианте государственной теории они и в XX в. считаются многими буржуазными экономистами открытием.

² А. И. Пашков. Экономические взгляды И. Т. Посошкова. «Известия АН СССР. Отделение экономики и права», 1945, № 4, стр. 41.

Вместе с тем плехановская оценка экономических взглядов Посошкова страдает крайним антиисторизмом. Он противопоставлял Посошкову экономические исследования западноевропейских экономистов, хотя сам же признавал, что Посошков был самоучкой и иностранная литература оставалась ему неизвестной. Эта литература выросла на иной социально-экономической основе и вовсе не является единственным масштабом для оценки экономических исследований русского меркантилиста начала XVIII в.

Посошкова нельзя рассматривать изолированно от социально-экономических условий тогдашней России и безотносительно к ним сопоставлять с Вильямом Петти. Конечно, последний занимался в XVII в. такими проблемами стоимости, которых Посошков не замечал и в XVIII столетии. Но почему тематика их работ должна была совпадать? И разве Посошков не имел права заниматься выяснением проблем, более актуальных для его отечества? Перед Россией на грани XVII—XVIII вв. стояли специфические задачи в области экономики, и их довольно смело и оригинально разрешал автор «Книги о скудости и богатстве». Но Плеханов искал в нем теоретика стоимости, хотя и в сочинениях В. Петти о стоимости имеются лишь отдельные замечания. На первом плане для Петти стояли проблемы экономической политики, а в этой области с ним вполне может поспорить Посошков. В своей «Книге о скудости и богатстве» последний выступает как самобытный и оригинальный мыслитель, как выдающийся теоретик русского меркантилизма, стоявший на уровне передовых идей своего времени. Посошков выставил прогрессивную и вполне мотивированную программу экономического возрождения России путем ускоренного развития торговли и промышленности, предложив для этого целую серию весьма полезных мероприятий. Он рекомендовал улучшение судопроизводства, наведение полицейского правопорядка в стране, повышение технической культуры мастеров, государственное строительство промышленных мануфактур, финансирование мануфактуристов, снабжение их рабочей силой, контроль над ученичеством и техникой производства, штемпелевание готовых изделий, переработку отечественного сырья, поиски новых видов последнего, более широкое использование природных богатств

России, возвышение купечества, улучшение организации налогового дела и т. д. Все эти мероприятия осуществлялись Петром I и прославили его на века.

Поэтому нет оснований иронизировать над проектами Посошкова, как это делает Плеханов, и изображать его доморощенным «московским прогрессистом», убогим в своих планах и замыслах. Меркантилистские предложения Посошкова об ограничении роскоши, ввоза иностранных товаров, деятельности заграничных купцов, затем призывы к усилению солидарности среди русского купечества и т. п. не были проявлением отсталости его экономических идей, так как подобные предложения отчетливо формулировали прогрессивные задачи России того времени. Он звал русский народ к борьбе за экономическую независимость страны, ее политическое развитие на новых основаниях.

Бесспорно, что Посошков не был революционером, но, защищая экономические домогательства нетитулованного купечества, он проявляет значительный радикализм, затрагивая самые острые вопросы того времени. Он атакует беззакония и вымогательства петровской бюрократии, предлагая сословный пересмотр законодательства с участием даже представителей крестьянства. Он нападает, и довольно смело, на самоуправство дворян, требуя их подчинения единому законодательству государства.

Больше того, его купеческая программа экономической политики была в известной мере созвучна чаяниям крестьянства. Правда, как и Петр I, Посошков допускал использование крепостничества для развития промышленности, советуя отправлять бездельников и нищих на заводы принудительным порядком, юридически оформляя их крепостничество. Но вместе с тем он выступал с планом законодательного ограничения эксплуатации крепостных помещиками, путем запрета барщин и оброков сверх установленной нормы.

Помимо этого, он добивался увеличения крестьянского землепользования, обуславливая взимание оброка с крестьян и отработку барщин последними предоставлением им полных земельных наделов. Наконец, что особенно важно, Посошков ставил под сомнение сами права помещиков на крестьян, считая эти права временными, полученными от государя и зависящими от его

усмотрения. Он смело оспаривал юридические основы наиболее важных дворянских привилегий, отваживаясь высказывать весьма радикальные суждения по столь щекотливому вопросу. Он спорит с дворянством именем царя, однако это не меняет дела.

Плеханов игнорировал то важное обстоятельство, что русский меркантилизм не был импортным продуктом западного происхождения, он вырос на русской почве, развивался на базе экономических противоречий тогдашней России. Универсальное господство крепостничества на ее территории ставило перед русскими экономистами XVII—XVIII вв. целый ряд теоретических и практических проблем, обусловленных противоречиями крепостного режима. Экономические условия Западной Европы делали очевидными неурядицы крепостного хозяйства России. В результате исследования русских меркантилистов, естественно, превращались в критику системы крепостного хозяйства, если даже они и не отвергали официально-юридическую правомочность крепостничества. Выступая с проектами экономических преобразований, призывая к развитию торговли и промышленности, добиваясь экономической независимости страны, они боролись за прогрессивные идеи своего времени, подготавливая экономическое банкротство крепостного режима.

Поэтому русский меркантилизм богаче западноевропейского в теоретическом отношении, по тематике своих исследований и разностороннее по своим планам социально-экономических преобразований. Его проекты экономической политики более разнообразны и общественно значимы, так как в них речь идет о сравнительных преимуществах целых экономических систем, способов общественного производства, в то время как западноевропейский меркантилизм ограничивался главным образом выяснением преимуществ отдельных отраслей производства, их сравнительной доходности (выгодности внешней торговли сравнительно с внутренней, промышленности и торговли по сравнению с сельским хозяйством). С развернутой критикой крепостничества в западноевропейской литературе выступал лишь Адам Смит, представитель уже классической школы. Понятно, что при этом русские меркантилисты оказывались совершенно независимыми от западноевропейской литературы

в тематике своих работ, в постановке их проблем. Даже планы упорядочения крепостного хозяйства, развивавшиеся ими, фактически превращались в критику крепостной системы, так как неизбежно предполагали демонстрацию ее недостатков.

Как бы то ни было, но русский меркантилизм вырос на русской почве, а между тем Плеханов считал возможным давать оценку экономическим взглядам Посошкова с точки зрения западноевропейских условий и теоретических достижений экономистов Западной Европы. Он искусственно отрывал Посошкова от русской почвы и затем выставлял его в самом неприглядном виде, оперируя западноевропейскими стандартами. Плеханов не учитывал того обстоятельства, что Посошков вообще не занимался экономическими проблемами Западной Европы и литература последней оставалась ему неизвестной.

Утверждение же Плеханова, что в качестве «московского прогрессиста» Посошков смотрел в прошлое, а не в будущее, лишено всякого основания. Оно стоит в резком противоречии с программой Посошкова, рассчитанной на экономический подъем России, ускорение ее развития.

Плеханов фактически умалчивал об этой программе и судил об экономических взглядах Посошкова на основании его политических воззрений, отличавшихся консерватизмом. Он ссылался на то, что Посошков был монархистом, склонным к обожествлению царя, представителем староцерковного мировоззрения, отличавшегося фанатизмом и религиозной нетерпимостью. Плеханов утверждал при этом, что только в полицейской империи Николая I Посошков мог сойти за радикала в актуальных вопросах политической жизни. Наконец, в числе аргументов Плеханова фигурирует и «старомосковский дух» педагогических высказываний Посошкова, ориентирующихся на домостроевские порядки. Но, рассуждая таким образом, Плеханов ради справедливости должен был бы произвести переоценку и многих прославленных экономистов Западной Европы. Общеизвестно, что западноевропейские меркантилисты были решительными сторонниками абсолютизма и безоговорочно оправдывали его экономическую политику. Точно так же и физиократы, в лице самого Кенэ, были монархистами, возлагали свои надежды на просвещенный деспотизм и от-

крыто заявляли об этом. Тем не менее никто не будет на этом основании отрицать крупных достижений Кенэ в разработке вопросов экономической теории. Экономические исследования Кенэ, несмотря на архаизм его политических взглядов, безусловно, следует признать ценным приобретением науки XVIII в. Во всяком случае их нельзя оценивать исходя из того, что автор «Экономической таблицы» был правоверным католиком.

Слабым местом экономических воззрений Посошкова Плеханов считал и то, что непрошенный советчик Петра I слишком близко к сердцу брал купеческие интересы, рекомендуя Петру свою программу экономической политики. Плеханов решительно подчеркивал, что Посошков был идеологом не крестьянства, а торгово-промышленной буржуазии, и поэтому больше всего интересовался вопросом об отношении русских купцов к иностранцам, а экономические бедствия крестьян объяснял их ленью. Однако в условиях петровской России даже идеолог купечества мог высказать весьма прогрессивные идеи, так как в ту пору купеческие интересы вовсе не противоречили ближайшим задачам экономического развития России. Купеческая точка зрения отнюдь не обесценивает экономические идеи Посошкова, пытавшегося оригинально разрешить проблемы меркантилизма в условиях крепостной России. Кроме того, выводы Плеханова явно несправедливы, грешат против исторической истины, так как в экономической концепции Посошкова, несомненно, отразились интересы крестьянства. Как это отмечалось выше, Посошков осмеливался спорить с дворянством, защищая крестьянские интересы.

Тезис Плеханова, что в области экономической теории Посошков не сделал ровно никаких открытий, а в вопросах экономической политики его требования были значительно раньше сформулированы западноевропейскими экономистами, является тенденциозным и совершенно несостоятельным. Ведь автор «Книги о скудости и богатстве» самостоятельно решал актуальные проблемы экономической жизни России, и значение его исследований совсем не умалялось тем обстоятельством, что предлагавшееся им использование принудительного труда бродяг и нищих уже давно практиковалось в Англии (с XVI в.).

Когда же Посошков утверждал, что богатство крестьян есть богатство царя и поэтому российский император должен обратить внимание на положение крестьянства, то, очевидно, решал чисто русскую проблему того времени и судил о перспективах экономического развития России с весьма своеобразной точки зрения. Как талантливый самоучка, Посошков опирался на свой жизненный опыт. Поэтому совершенно неуместными нужно признать те розыски первоисточников идей Посошкова, которыми занимался Плеханов. Его ссылки на Караффу, Фортескью, Монкретьена, Буагильбера и Вобана ничего не доказывают, так как о заимствованных их идей Посошковым не может быть и речи. Сам же Плеханов отмечал при этом, что Посошков давал своеобразную (в отличие, например, от Вобана и Кенэ) формулировку той идеи, что финансовое благополучие государства определяется положением крестьянства. Ошибочно отрицая всякие теоретические заслуги Посошкова, Плеханов шел настолько далеко, что называл Крижанича одним из предшественников его идей о государственном значении крестьянского богатства. Плеханов не хотел считаться даже с тем фактом, что рукопись Крижанича оставалась неопубликованной и, следовательно, недоступной для Посошкова. Но, ссылаясь на Крижанича, Плеханов фактически признавал, что и в России была возможна самостоятельная формулировка таких идей, которыми гордились экономисты Запада.

Ошибки Плеханова в значительной мере проистекали из того, что в экономических изысканиях Посошкова он искал следы русской азиатчины, доказательство того, что московская Русь была вариантом восточной деспотии, а ее развитие шло путями, неизвестными европейскому Западу.

Поэтому, например, важное предложение Посошкова о законодательном ограничении барщинной и оброчной эксплуатации крестьянства Плеханов тенденциозно толковал как проявление старомосковских традиций, допуская властное вмешательство самодержавной бюрократии в экономическую жизнь. Для освещения этой практики, утверждает Плеханов, не требовалось особой теории; об интересах крестьян Посошков не беспокоился и смелости в своих требованиях не обнаружил.

Аналогичным образом Плеханов толковал и требо-

вания Посошкова о наделении крестьян полными земельными наделами, дабы налоги взимались сообразно земельной обеспеченности деревни. По мнению Плеханова, речь шла просто о той практике уравнительного землепользования, которую в своих фискальных интересах издавна поощрял царизм, деспотически отрицая права подданных на землю. В рассуждениях Посошкова Плеханов усматривал лишь попытку обосновать фискальную политику русского абсолютизма, который методами восточной деспотии насаждал общину с ее уравнительным землепользованием.

Плеханов ссылаясь даже на то, что Посошков в своих наставлениях смыну и царство небесное рисовал в образе восточной деспотии.

Наконец, и сам меркантилизм Посошкова Плеханов ошибочно считал все тем же проявлением старомосковского духа, поскольку автор «Книги о скудости и богатстве» возлагал слишком большие надежды на кнут и батоги, считая их гарантией практического осуществления предложенных им проектов экономических преобразований. Соответственно этому Плеханов находил чисто внешним сходство экономической программы Посошкова с западноевропейским меркантилизмом, раз Посошков предлагал наказывать купцов батогами за продажу иноземцам товаров с нарушением установленных начальством цен.

Однако Плеханов в данном случае лишь воспроизводил свое ошибочное понимание природы русского крепостничества как института государственного происхождения и русской общины как результата фискальной политики правительства.

Поэтому даже предложение Посошкова о законодательном ограничении крепостной эксплуатации крестьянства Плеханову казалось проявлением все того же восточного деспотизма, который он находил всюду в истории московской Руси. Вместе с тем предложение Посошкова об увеличении крестьянских наделов и взимании налогов соответственно земельной обеспеченности крестьян Плеханов квалифицировал как отражение фискальной политики царизма с ее использованием системы уравнительного землепользования. Понятно, что представления Посошкова о структуре царства небесного не имели отношения к теме и вовсе не могут считаться

доказательством того, что он был идеологом «восточного варианта» исторического развития России.

Наконец, примитивность рекомендовавшихся Посошковым репрессий не кассировала важности экономических мероприятий, которые он предлагал, и напрасно Плеханов высмеивал «московский меркантилизм» Посошкова, противопоставляя его западноевропейским образцам. На самом деле в понимании коренных вопросов Посошков не уступал меркантилистам Западной Европы. Признает же сам Плеханов, что Посошков превосходил экономическую литературу некоторых стран Западной Европы (например, Германии).

Общая оценка экономических работ Посошкова, данная Плехановым, противоречит его отдельным заявлениям, что Посошков был очень умен и хорошо знал русскую жизнь, обладал чувством национального достоинства, обнаруживал осмысленную заботу о развитии производительных сил и некоторые из предложенных им мероприятий заслуживают большого внимания. Помимо того, Плеханов сам отмечал, что Посошков не был безусловным панегиристом петровской политики и не смотрел сквозь пальцы на положение работающей и торгующей России. Как говорит Плеханов, преимущество Посошкова заключалось в том, что он не все считал благополучным в «обновленной» Петром России.

Но обо всем этом Плеханов забывал в своих окончательных выводах и заключениях, повторяя десятки раз, что теоретическая ценность изысканий Посошкова невелика и т. д.

Вопрос об экономических взглядах М. В. Ломоносова также интересовал Плеханова, и во второй книге «Истории русской общественной мысли» он дает им весьма детальную характеристику³.

Ломоносов писал значительно позже Посошкова, и за истекшие годы (более чем четверть века) в России многое изменилось. Петровские мануфактуры, прочно укоренившись в России, послужили исходным пунктом для серьезного развития крупной промышленности. К середине XVIII в. Россия уже располагала большим количеством промышленных мануфактур, особенно на

Урале, и успешно конкурировала со Швецией на европейских рынках железа. Были созданы значительные резервы квалифицированных рабочих, техника промышленного производства прогрессировала, все больше появлялось новаторов-изобретателей, вроде замечательного изобретателя первой в мире паровой машины Ивана Ползунова. Петербург отстранялся во все более широких масштабах, и современникам Елизаветы представлялось беспорядком, что «дело Петра» восторжествовало, а его результаты благотворны для России.

Однако страна по-прежнему была придавлена гнетом крепостничества и абсолютизма; экономические бедствия крестьянства и посадского населения были неопределимы. Это вызывало массовое бегство крепостных и невиданное обострение классовых антагонизмов, проявившихся в грандиозных событиях пугачевского восстания, наиболее крупной из всех крестьянских войн в истории Европы.

Такова была обстановка в России середины XVIII в., определившая направление и характер работ М. В. Ломоносова.

Плеханов дал развернутую характеристику его мировоззрения. Ее сильной стороной, безусловно, нужно признать выяснение социальных условий идейного развития Ломоносова, успехи которого Плеханов правильно объяснял не только его личными талантами, но и обстановкой, в которой он вырос, поскольку северное Поморье не знало всеобъемлющего господства крепостничества, обрекавшего крестьянских сыновей на холопское существование. Само участие в рыболовных экспедициях, как говорит Плеханов, расширяло кругозор Ломоносова.

Плеханов показывал реакционный характер крепостничества, мешавшего прогрессивному развитию русского народа в XVIII в. Он справедливо указывал на то, что крепостной центральных губерний не мог бы пробиться к вершинам науки, которых достиг поморец Ломоносов, хотя ему также пришлось перенести тяжелые испытания. Плеханов подчеркивал огромное значение достижений Ломоносова в изучении и разработке естественных наук и повторял слова Пушкина о Ломоносове, как нашем первом университете.

Но ошибка Плеханова состояла в том, что он огра-

³ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XXI, стр. 141—144, 146—147, 151—153.

ничился оценкой мировоззрения Ломоносова с чисто политической точки зрения. Он оставил совершенно без выяснения историческую ценность чрезвычайно важных проектов развития производительных сил России, которые предложил Ломоносов. Экономические идеи последнего и их историческое значение не привлекли внимания Плеханова.

Между тем, будучи гениальным ученым, Ломоносов не оставался кабинетным мыслителем, но как горячий патриот и представитель передовой науки своего времени глубоко интересовался (вопреки ошибочному мнению Плеханова) экономическим положением страны, будущим ее народа. Он понимал недостаточность земледельческой ориентации хозяйства для современных народов и в своей работе «Первые основания металлургии или рудных дел» указал на это, считая поиски металлов главной задачей геологии с целью дальнейшего развития металлургии. Он проектировал составление «общей системы минералогии российской» для облегчения разведок. Ломоносов был энтузиастом промышленного развития России и сам обогатил технику производства красок, стекла, пороха, фарфора, усовершенствовал технику мореходства, астрономии, гидравлики, устройства мельниц и т. д., отвергая монополию на свои технические изобретения. Выдвигая технические проекты, он давал им экономическое обоснование.

В соответствии с меркантилистическими идеями эпохи Ломоносов выступил в 1755 г. за исследование морского пути в Индию из Архангельска через Ледовитый и Тихий океаны, развивая экономическое обоснование своих предложений. Он добился снаряжения экспедиции Чичагова и составил для нее «Примерную инструкцию». Ломоносов руководил составлением «Атласа» России и проектировал еще в 1739 г. статистическую анкету для сбора сведений о торговле, ремесле и «фабриках». Выставленный им проект создания «Экономического лексикона» с обозначением товаров и их происхождения начал осуществляться в 1763 г., и сам Ломоносов составил «Реестр Российским продуктам». В 1755 г. он предложил издание экономической газеты «Внутренние Российские ведомости» для осведомления купцов о местах избытка и недостатка товаров. Ломоносов явился основоположником экономической географии в России.

Отстаивая прогрессивное развитие производительных сил страны и ее экономическую независимость, Ломоносов одобрял активное вмешательство государства в экономическую жизнь, протекционизм и даже запрет ввоза некоторых товаров. Соединяя меркантилизм с идеями просвещенного абсолютизма, он восхищался деятельностью Петра I и в 1755 г. написал «Слово похвальное Петру Великому». Как и Посошков, он был убежден в неограниченности экономической власти русских императоров.

Вместе с тем в своем письме к Шувалову он выдвинул проект ускорения роста населения России, причем среди предложенных им мероприятий имелись и такие, как расширение иммиграции иностранцев, облегчение податей, уменьшение рекрутских наборов и т. д.

Правда, взгляды Ломоносова были довольно противоречивы, поскольку он, выступая за развитие торговли, промышленности, просвещения и т. д., одновременно не отвергал крепостничество и все надежды возлагал на представителей просвещенного абсолютизма, вроде Петра I. Однако ценным является то, что он звал Россию вперед, верил в ее народ и отмечал язвы крепостничества. Он, например, выступал против вождя реакционного дворянства А. П. Сумарокова, который защищал крепостничество и чисто аграрное развитие хозяйства России. Поэтому объективно Ломоносов играл положительную роль в долгой подготовке крушения крепостничества. Он, несомненно, являлся крупным и передовым представителем русской экономической мысли XVIII в.

Но Плеханов делал обобщающие выводы, не выяснив сколько-нибудь полно содержание социально-экономических идей Ломоносова, игнорируя его планы экономического возрождения России. Ссылаясь лишь на то, что радикальные политические стремления оставались чуждыми Ломоносову, Плеханов выставил общее утверждение о наивности его политических воззрений и их чисто консервативном характере. В результате Плеханов ошибочно утверждал в общей форме, что Ломоносов совсем не видел темных сторон общественного строя тогдашней России, хотя его проекты, предназначенные, например, для ускорения роста населения России, содержали много критических замечаний относи-

тельно ее крепостных порядков и разных неурядиц. Плеханов и сам отмечал, что Ломоносов предлагал облегчение налогового гнета и рекрутских наборов, а это в условиях того времени могло иметь серьезное значение.

Плеханов ставил в упрек Ломоносову то, что последний идеализировал деятельность Петра I и его полицейское государство, уповая на просвещенный абсолютизм. Однако выводы Плеханова страдали недостатком историзма, и он фактически исходил из той ошибочной предпосылки, что абсолютизм всегда был реакционным явлением.

На самом деле экономическая политика Петра I ускорила хозяйственное развитие России, и Ломоносов мог восторженно отзываться об его деятельности, не становясь политически наивным, а тем более реакционным в своих взглядах. Вера во всемогущество авторитарного вмешательства в экономическую жизнь была обычной для меркантилистов всех стран. Ломоносов также не избежал этого.

Плеханов судил о меркантилизме с позиций ортодоксального фритредерства, между тем как в свое время политика активного насаждения мануфактур и расширения торговли, проводившаяся абсолютизмом в Западной Европе и в России, сыграла положительную роль.

Характерно, что, по мнению Плеханова, Ломоносов в понимании социально-экономических проблем России отстал даже от Посошкова, которого он, в свою очередь, квалифицировал как «московского прогрессиста», т. е. как убогий вариант прогрессиста. В своих попытках доказать, что даже передовые русские ученые XVIII в. обнаруживали крайнюю отсталость при разрешении социально-экономических проблем эпохи, Плеханов заходил необычайно далеко. Над его построениями тяготела меньшевистская концепция с ее тезисом исключительной отсталости России в прошлом и недостаточной социально-экономической зрелости в настоящем для того, чтобы буржуазно-демократическая революция могла перерасти в социалистическую.

Весьма важным является вопрос о том, как Плеханов оценивал экономические взгляды Чернышевского в меньшевистский период своей идейной эволюции, т. е. после 1903 г. Значительный интерес представляет вы-

яснение того, насколько изменились взгляды Плеханова по этому вопросу с переходом его на позиции меньшевизма. Ведь уже в предшествующий период, когда Плеханов создал капитальное исследование о Чернышевском, написанное с точки зрения революционного марксизма, он допустил целый ряд серьезных ошибок в оценке экономических исследований Чернышевского и его программы. Понятно, что эволюция Плеханова к меньшевистскому ревизионизму отнюдь не благоприятствовала исправлению этих ошибок и повлекла за собой их углубление.

Так как и после 1903 г. Плеханов неоднократно возвращался в своих работах к проблеме Чернышевского как экономиста (он делал это даже в работах литературоведческого характера), то материалы для выяснения интересующего нас вопроса имеются в достаточном количестве. Они содержатся в его пространной статье «Идеология мещанина нашего времени» (1908), затем в третьем письме Плеханова из серии «*Materia-lismus militans*» (1910), далее в статье «Комедия ошибок» (1910)⁴.

Больше того, в издательстве «Шиповник» вышла большая работа Плеханова о Чернышевском. Показательно, что она представляла собой в основном перепечатку статей из «Социал-демократа», и это означало, что Плеханов в существенных элементах повторял свою прежнюю оценку. Однако он дополнительно написал новые главы и опубликовал одновременно статьи, резюмирующие его работу. Многие формулировки были изменены и целые разделы прежних статей выброшены из большого издания. Все это показывает, насколько неосновательным было мнение редактора первого издания плехановских сочинений и повторяющих его диссертантов (Бровера, например), что вообще работы Плеханова, написанные в меньшевистский период, внесли только стилистические исправления в его прежние формулировки. На самом деле Плеханов выставил новые точки зрения. Они представлены в предисловии к новому изданию его работы о Чернышевском⁵, в специаль-

⁴ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XIV, стр. 309—310, 314—315, 319; т. XVII, стр. 60; т. XIX, стр. 45.

⁵ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 126—128, 130.

ном «Введении» к ней⁶, в новых главах⁷. Резюме своей большой работы о Чернышевском Плеханов дал в статье «Н. Г. Чернышевский», опубликованной в III томе «Истории русской литературы» в 1909 г., в которой также имеются его оценки экономических взглядов Чернышевского⁸. Наконец, Плеханов в 1910 г. изменил или устранил некоторые формулировки статей «Социал-демократа», и это тоже дает материал для характеристики его отношения к экономическим взглядам Чернышевского после 1903 г.⁹

Как отметил в свое время В. И. Ленин, в издании 1910 г. Плеханов выбросил из фразы, в которой говорилось, что Чернышевский присутствовал при зарождении у нас нового типа людей — революционера, как раз последнее слово, представляющее наибольший интерес в данном случае. Помимо того, В. И. Ленин специально отметил и устранение в новом издании того места первой статьи Плеханова о Чернышевском, где указывалось, что последний дал наиболее злую и меткую характеристику российского либерализма¹⁰.

Нужно отметить, что и в меньшевистский период своей идейной эволюции Плеханов в основном разделял ту оценку экономических взглядов Чернышевского, которую он давал раньше, в статьях 80—90-х годов. Он по-прежнему квалифицировал эти взгляды как утопические и первоисточник их искал в литературе западноевропейского утопического социализма, игнорировал элемент научного социализма в социально-экономической программе Чернышевского и революционно-демократический характер его требований, их связь с классовыми интересами крестьянства и радикальными настроениями его революционной части. Как и раньше, Чернышевский изображался олицетворением отсталости России XIX в. и российского провинциализма, поскольку незнакомству Чернышевского с экономическими исследованиями Маркса придавалось роковое значение. Взгляды Чернышевского неизменно трактовались анти-

⁶ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 154—155, 167.

⁷ См. там же, стр. 254—255, 259—260, 273, 278, 326—327; т. VI, стр. 3, 5, 14, 29—31, 34, 37, 39, 50—51.

⁸ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 315—316, 336, 335.

⁹ См. там же, стр. 241, 402, 405, 409, 411—412.

¹⁰ «Ленинский сборник» XXV, стр. 214, 243, 224.

исторически, и простое упоминание о славной и «незабвенной» эпохе 60-х годов не изменяло дела, так как воззрения Чернышевского анализировались безотносительно к революционной борьбе крестьянства и основному классовому антагонизму тогдашней России.

Но в этот период Плеханов устранил некоторые формулировки своих прежних работ, ошибочность которых была уж слишком очевидной. Он исключил ошибочное сравнение Чернышевского с господами охранителями, снял тезис о том, что Чернышевский намеревался осуществить социализм с помощью прогрессивного налога. Он признавал, что Чернышевский дал материалистическое истолкование эволюции экономических идей, как показывает его анализ взглядов А. Смита, вульгарных экономистов, исторической школы, восхищался скромностью Чернышевского и даже называл его взгляды замечательными. Плеханов солидаризировался с тем положением Чернышевского, что продукты должны производиться ради потребления, отнюдь не опасаясь этической точки зрения, которую он всегда находил в произведениях Чернышевского.

Однако фактически Плеханов углублял свои ошибки, допущенные им при оценке взглядов Чернышевского, и притом в духе меньшевизма. Об этом свидетельствует тот факт, что он отказался от утверждения, что на Западе нет иных социалистов, кроме марксистов, и был склонен считать всякого рода ревизионистские группировки социалистическими. Не случайным было и исключение тезиса прежних статей о том, что классовая борьба движет историческое развитие вперед. То же самое следует сказать и относительно превращения различий из революционеров в просто «новых людей» и смягчения характеристики либералов, данной Чернышевским. Плеханов устранил в новом издании одно из резких противопоставлений Чернышевского народникам, тем самым уменьшая значение тех революционно-демократических методов борьбы, которые отстаивал Чернышевский. В своих добавлениях этого периода Плеханов особенно подчеркивал, что Чернышевский преувеличивал роль насилия в истории средневековой Европы. Вместе с тем он сближал, не опасаясь натяжек, историческую концепцию Чернышевского со своим «географическим материализмом» весьма сомнительного

свойства. Плеханов ошибочно объявлял Чернышевского обыкновенным просветителем, игнорируя то, что сам раньше писал о нем как о революционере. Среди предшественников Чернышевского он ставил на первый план Белинского как родоначальника русского просветительства, хотя на Чернышевского оказали глубокое влияние радикальные взгляды Герцена. Ленин считал Герцена прямым предшественником Чернышевского. Плеханов же в просветительстве Белинского и Чернышевского искал объяснение их пристрастия к утопическому социализму. Тем самым он элиминировал революционность Чернышевского, сведя ее к просветительству Белинского. В связи с этим приобретает значение и тот факт, что Плеханов устранил в издании своей работы 1910 г. прежнее утверждение о том, что Чернышевский не ошибался в отрицательном отношении к буржуазному обществу. Но ведь Чернышевский не только морально осуждал это общество, но и призывал к революционной борьбе с ним. Поэтому изъятие такой формулировки из нового издания книги Плеханова фактически означало косвенное отрицание революционных заслуг Чернышевского в борьбе с капиталистической эксплуатацией.

Достоин внимания и то обстоятельство, что Плеханов снимал теперь обвинения, которые им были сформулированы в книге «Наши разногласия», относительно пристрастия Чернышевского к общине и отсутствия у него достаточно конкретного анализа проблемы. Плеханов ссылаясь на то, что сам Чернышевский в конце 50-х годов стыдился своей защиты общины. Это вполне соответствовало меньшевистскому тезису Плеханова о сплошной реакционности общинного крестьянства при всех условиях и любых исторических ситуациях. Пытаясь обосновать этот тезис, Плеханов шел настолько далеко, что даже Чернышевского намеревался сделать своим союзником в этом вопросе, приписывая ему отрицательное отношение к общине. Между тем «разочарование» Чернышевского в общине сводилось к признанию лишь того факта, что сама по себе она не решает экономических проблем народа, раз сохраняются дворянское землевладение и поземельная зависимость крестьян, их эксплуатация путем присвоения поземельной ренты. Чернышевский считал бессельной борьбу за общину лишь в том случае, если эта борьба не решает предва-

рительной задачи ликвидации помещичьего землевладения, уничтожения поземельной и податной эксплуатации крестьянства. Но Плеханов сделал неправильный вывод, будто Чернышевский отказался вообще от общины и стал ее принципиальным противником.

Наконец, нужно отметить, что Плеханов без всяких оснований утверждал, будто мнение Маркса, что Чернышевский был великим русским ученым, не касается экономических взглядов последнего. Конечно, Маркс критически относился к экономической концепции Чернышевского, как об этом свидетельствуют его пометки на «Дополнениях» Чернышевского к «Основаниям» Миляя. Причем иногда отзывы Маркса были сформулированы крайне резко, поскольку Чернышевский обнаруживал недостаточно глубокое понимание капиталистического способа производства. Но тот же Маркс часто отмечал рассуждения Чернышевского восклицательными знаками и пометками «хорошо», «браво»¹¹. Кроме того, называя Чернышевского великим русским ученым, Маркс указывал в этой связи, что Чернышевский мастерски показал банкротство буржуазной политической экономии. Значит, Маркс имел в виду прежде всего заслуги Чернышевского перед экономической наукой и высоко оценивал его экономические исследования. Плеханов незаконно принижал научное значение русской экономической мысли третьей четверти XIX в., ее революционно-демократического направления, представленного Чернышевским.

Таким образом, не подлежит сомнению, что переход Плеханова после 1903 г. на оппортунистические позиции меньшевизма сказался на его оценках Чернышевского и еще больше углубил те ошибки, которые были допущены им раньше в анализе экономических исследований Чернышевского. Этим объясняется и тот факт, что В. И. Ленин различно оценивал работы Плеханова о Чернышевском, написанные до 1903 г. и после этого. Так, имея в виду работы первого периода, В. И. Ленин писал, что Плеханов в своей книге о Чернышевском вполне оценил значение последнего и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса¹². Однако Ленин

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч. Соцэкгиз, М., 1935, стр. XXV, XXX, XL, XLII.

¹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 249.

остался решительно недовольным работами Плеханова меньшевистского периода. Поэтому в своих замечаниях на книгу Плеханова о Чернышевском, написанных в конце 1910 или в начале 1911 г., В. И. Ленин указывает, что «из-за теоретического различия идеологического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и классовое различие либерала и демократа». Когда же Плеханов заявляет, что подобно своему учителю Фейербаху «Чернышевский тоже сосредоточивает свое внимание почти исключительно на «теоретической» деятельности человечества, вследствие чего умственное развитие и становится в его глазах самой глубокой причиной исторического движения», то В. И. Ленин пишет: «Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском»¹³.

В этих замечаниях В. И. Ленин метко определил существенные недостатки плехановской критики Чернышевского, указывая на игнорирование им революционно-демократического содержания программы Чернышевского и чисто теоретическое объяснение идейной эволюции последнего. Попытки Плеханова истолковать Чернышевского как обыкновенного просветителя страдали анти-историзмом, были ошибочны от начала до конца. С другой стороны, его тенденции представить Чернышевского как чистого утописта и начатчика литературы утопического социализма Западной Европы явно не свободны от идеализма. Именно на это и указывал В. И. Ленин в своих критических замечаниях.

¹³ «Ленинский сборник» XXV, стр. 231, 221.

Глава XII

ПРОБЛЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА В МЕНЬШЕВИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В меньшевистский период Плеханов фактически во многих вопросах отходит и от экономической теории марксизма. Так, он открыто выступает против марксистской теории реализации, отождествляя взгляды В. И. Ленина с домыслами Туган-Барановского. В примечании ко второму изданию книги «Наши разногласия» (1905) Плеханов заявил, что он «никогда не был сторонником той теории рынков вообще и кризисов в частности, которая, как зараза, распространилась в нашей марксистской литературе девятидесятых годов». Речь шла о концепции Туган-Барановского, отрицавшего возможность общего перепроизводства и сводившего причины кризисов к простой диспропорциональности в развитии отдельных отраслей. Но при этом Плеханов неправоммерно приписывал В. И. Ленину взгляды Туган-Барановского, хотя именно Ленин вел с ним неустанную борьбу¹.

Плеханов идет все дальше в отрицании марксистской трактовки вопросов экономического положения пролетариата в условиях современного капитализма. Рецензируя книгу В. Зомбарта («Почему нет социализма в Соединенных Штатах?»), Плеханов писал в 1906 г., что «по мере развития капиталистического общества положение пролетариата относительно ухудшается, несмо-

¹ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 233.

тря на то, что его материальное положение улучшается в абсолютном смысле этого слова». Выходило, что рабочие массы не только сохраняют однажды завоеванные позиции, но даже улучшают их. От отрицания абсолютного обнищания Плеханов переходил к пропаганде реформистского тезиса о повышении материального уровня жизни пролетариата. При этом свои ошибочные взгляды Плеханов приписывал и Марксу.

Плеханов примиренчески относился к ревизионистским установкам Маслова, отрицавшим возможность существования абсолютной земельной ренты. Он не усматривал ревизионизма даже в прямом расхождении Маслова с марксистским учением о ренте².

В издании 1910 г. работы от Чернышевском тоже отразился отход Плеханова от марксизма в вопросах экономической теории. Так, в одном из примечаний специально подчеркивалось, что речь может идти лишь «о понижении заработной платы как доли национального продукта». Что же касается номинальной и реальной заработной платы, то она может увеличиваться³. В предисловии к этому изданию Плеханов высказывал ту мысль, что решение проблемы цен производства надо искать на основах, указанных Родбертусом⁴. Плеханов отмечал, что держится этой точки зрения с начала 80-х годов. Вместе с тем в примечании к этому изданию марксистская теория абсолютной ренты отождествлялась с концепцией Родбертуса⁵.

Для правильного понимания идейной эволюции Плеханова в меньшевистский период чрезвычайно важное значение имеет выяснение того, как он трактовал империализм и оценивал империалистическую войну 1914—1918 гг. Проблемы империализма и первой мировой войны были неразрывно связаны между собой, приобрели совершенно исключительную актуальность и послужили пробным камнем для проверки меньшевистской концепции Плеханова.

При этом сразу же нужно отметить, что Плеханов не дал положительной разработки проблем современного

капитализма и не написал каких-либо специальных исследований в этой области. Они были созданы только гением В. И. Ленина. Но в многочисленных статьях Плеханова о первой мировой войне имеется много высказываний об империализме и сущности последнего. Кроме того, в некоторых работах еще довоенного периода Плеханов неоднократно затрагивал вопрос об особенностях современного капитализма. Все это дает достаточный материал для характеристики плехановского понимания сущности империализма, своеобразия новейшего капитализма. Об особой теории империализма в работах Плеханова не может быть и речи, но его высказывания о капитализме XX в. представляют значительный интерес и заслуживают специального рассмотрения.

Как показал В. И. Ленин в своем замечательном исследовании об империализме, коренной особенностью последнего является господство монополий. Поэтому особенно важно выяснить, как Плеханов квалифицировал их распространение, развитие монополистического капитализма.

Свое отношение к проявлениям последнего Плеханов выразил довольно рано, когда после 1900 г. он написал предисловие к русскому переводу книги Макрости «Рост монополий в английской промышленности». В нем Плеханов указывал на несостоятельность взгляда де-Рузье, будто тресты представляют собой «патологический случай» в современной экономической жизни и порождаются «лишь неуместным и неумелым вмешательством правительства в народно-экономическую жизнь», т. е. непростительным «смешением частных интересов с интересами общества»⁶.

По мнению Плеханова, работа Макрости в корне подрывает вывод де-Рузье, так как она показывает, что тресты быстро развиваются в Англии, несмотря на отсутствие тех «случайных и исключительных причин», которыми, по словам де-Рузье, вызваны были к жизни американские тресты. Отсюда Плеханов делал тот вывод, что «американская жизнь подсказала де-Рузье неверный ответ и что монополии являются — вопреки мнению этого исследователя — естественным и неизбежным

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 256—257.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 129.

⁴ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 132.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 171.

⁶ Архив «Дома Плеханова». «Литературное наследие», сб. VIII, ч. II, стр. 211.

плодом промышленного развития». Плеханов одобрительно цитировал утверждение Макрости, что монополизм есть «характерная черта современного промышленного развития».

Однако Плеханов не соглашался с заявлением Макрости, будто тресты содействуют сохранению промышленного мира, давая рабочим гарантии минимальной заработной платы и участия в прибылях. По мнению Плеханова, нужно считать «исключением из общего правила» тот случай, когда тресты улучшали отношения рабочих с предпринимателями. Ссылаясь на Карла Бюхера, Плеханов указывал, что «ближайшим следствием образования трестов всегда и везде будет увеличение могущества предпринимателей в их отношениях к рабочим». Правда, монополии дают предпринимателям больше возможностей улучшить положение рабочих, но, говорит Плеханов в своем предисловии, «от возможности далеко до действительности»⁷. В обоснование своей точки зрения он ссыался на пример brutальной деятельности главы американского сахарного треста Геомейера, который самым бесцеремонным образом заменял на своих предприятиях американских рабочих более дешевыми — польскими и чешскими эмигрантами.

В заключение Плеханов писал: «Размножение трестов, составляющее естественное следствие современного промышленного развития, должно привести к переходу производства в общественное заведывание». Поскольку, говорит он, Макрости видит в этом единственное действительное средство борьбы с трестами, то в этом случае его взгляды гораздо вернее взглядов де-Рузье.

Правда, Плеханов делал оговорки и свой заключительный вывод формулировал следующим образом: «Не надо забывать, что самый переход производства в общественное заведывание предполагает наличие известных условий, при отсутствии которых такой переход принес бы обществу гораздо более вреда, чем пользы». Он воспроизводил свою излюбленную фразу, что «все зависит от обстоятельств времени и места», так как «то, что уместно в Англии, может оказаться совершенно неуместным и крайне вредным в Турции или Персии,

⁷ Архив «Дома Плеханова». «Литературное наследие», сб. VIII, ч. II, стр. 211.

где национализация производства привела бы лишь к нищине и застою»⁸.

Такое же понимание экономической роли и происхождения монополистических объединений Плеханов развивал и в своих более поздних работах довоенного периода. Так, в обзоре работы Амстердамского конгресса II Интернационала (1904) Плеханов отмечал, что США — «классическая страна трестов». Правда, когда буржуазия энергично боролась с феодальными монополиями, отстаивая свободу конкуренции, то возникло убеждение в том, что «конкуренция составляет душу современной экономической жизни». Однако эта конкуренция «сама роковым образом создает монополию», примером чего служат тресты, которые «властно диктуют свои условия потребителям», порождая требования мелкой буржуазии о законодательной борьбе с их тиранией. Но «это требование мелкой буржуазии имеет консервативный или даже реакционный характер» и поэтому социалистический пролетариат всех стран решительно отвергает его, так как «действительным средством борьбы с новейшей монополией может служить только переход в общественную собственность организованных трестами колоссальных предприятий»⁹.

Плеханов высказывался за эмансипацию колоний и заявлял, что решение конгресса в пользу этого вполне достойно «современного международного социализма» и «является новым поражением оппортунистов»¹⁰.

Наконец, в первой из статей на тему «Критика теории и практики синдикализма» (1907) Плеханов указывал, что Лабриола «совсем не понимает того, каким образом восплаеваемая им свободная конкуренция сама приводит к монополии», т. е. в данном случае к трестам, хотя «на самом деле современные тресты созданы именно свободной конкуренцией и существуют именно благодаря ей». Он писал, что «в своей полемике с Прудонем Маркс давно уже показал, что в капиталистическом обществе монополия, отрицая конкуренцию, в то же самое время необходимо порождается ею»¹¹.

⁸ Архив «Дома Плеханова». «Литературное наследие», сб. VIII, ч. II, стр. 213.

⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XVI, стр. 339—340.

¹⁰ Там же, стр. 342.

¹¹ Там же, стр. 19—20.

Как уже неоднократно отмечалось выше, Плеханов за долгие годы борьбы с народничеством и ревизионизмом прошел поучительную школу ортодоксального марксизма и поэтому даже в меньшевистский период своей идейной эволюции создавал иногда ценные работы (например, философские) или высказывал правильные положения. К этим последним, безусловно, должны быть отнесены его замечания относительно происхождения и экономической политики монополий. Правда, многое при этом объяснялось тем, что предисловие к работе Макрости Плеханов написал еще до перехода на позиции меньшевизма, хотя и на грани последнего. Это предисловие в значительной мере отражает идейные установки Плеханова в более ранний период. Последующие же высказывания о монополистических объединениях (в 1904 и 1907 гг.) были очень фрагментарны. Он просто воспроизводил некоторые из своих ранее высказанных положений.

Однако даже в этих своих кратких замечаниях о монополистических объединениях Плеханов извращал картину развития монополий, что отражало влияние меньшевистских воззрений. Так, требование законодательной борьбы с тиранией трестов он квалифицировал как чисто мелкобуржуазное, да к тому же еще и консервативное, даже реакционное, усматривая в нем посягательство на первооснову экономического прогресса. Плеханов давал явно формальное решение вопроса на основе обычной антитезы мелкого и крупного производства и хорошо усвоенного им положения, что социалист должен быть сторонником крупного производства, хотя бы в его капиталистической форме, фактически же он обнаруживал при этом догматическое понимание марксизма, которое столь характерно для него в период меньшевизма. Ведь деятельность монополистических объединений к началу XX в. приобрела настолько гигантские масштабы, что проблему отношения к ним рабочего класса нельзя было решать с точки зрения простой антитезы крупного и мелкого хозяйства. Монополии означали новый этап в развитии крупного капиталистического производства и его основного противоречия (между общественным характером производства и частным присвоением), которое приобрело резкие, прямо чудовищные формы в произволе экономической по-

литики монополий, бесцеремонном ограблении потребителей и экономическом давлении на рабочих с помощью массовых локаутов и т. д.

Плеханов ошибочно переносил на монополии общие положения марксизма о крупном производстве, относящиеся к капитализму XIX в. Догматическое толкование марксизма, естественно, оказывалось его профанацией и влекло за собой совершенно ошибочные выводы. Плеханов игнорировал тот факт, что тирания монополий, как он сам выражался, приобрела политический характер, крайне обостряя классовые противоречия эпохи. Поэтому уже в начале XX в. нельзя было при оценке монополий ограничиваться воспроизведением старых положений о прогрессивности крупного производства и защищать их как простую разновидность последнего от посягательств со стороны мелкой буржуазии. Плеханов не учитывал того важного обстоятельства, что ограниченные экономического произвола монополии вполне отвечало непосредственным интересам рабочего класса, защищая заработную плату последнего и ослабляя натиск капитала. С другой стороны, в борьбе с экономической политикой монополий рабочему классу открывалась возможность дать бой капиталу по актуальнейшим для самых широких слоев населения вопросам, расширить фронт классовой борьбы и привлечь к ее участию даже мелкобуржуазные элементы населения. Плеханов обнаруживал недостаточно глубокое понимание новых явлений в развитии современного капитализма, пытаясь уложить монополии в рамки старых определений и усматривая в них лишь дальнейшее расширение крупного производства.

Затем Плеханов все же допускал, что иногда, в порядке исключения, тресты улучшают экономическое положение рабочих. Тем самым он давал повод для оппортунистических иллюзий относительно благотворных последствий экономической политики монополий. Во всяком случае он недостаточно принципиально и безоговорочно отмежевывался от тех, кто возлагал свои упования на монополии и выступал с демагогией относительно их добродетелей. Формулировки Плеханова допускали оппортунистическое толкование, оставляя лазейку для выводов меньшевистского характера.

Наконец, практическое осуществление лозунга наци-

онализации монополизированной промышленности Плеханов ограничивал территорией экономически развитых стран Западной Европы и заранее исключал его практическое применение в экономически отсталых областях, будь то Турция или Персия. Он игнорировал то важное обстоятельство, что общая экономическая отсталость некоторых стран отнюдь не исключала высокой концентрации крупной промышленности и, следовательно, ее зрелости для национализации. В общей форме Плеханов выдвигал правильное положение, но давал ему настолько резкую формулировку, что впоследствии оно использовалось меньшевиками.

Следовательно, уже в ранних высказываниях Плеханова по наиболее существенной проблеме империализма имелись ошибочные тенденции меньшевистского толка. Конечно, догматичность высказываний Плеханова по столь важному вопросу и даже ошибочность его положений в известной мере объяснялись недостаточной зрелостью новых явлений в экономике современного капитализма в начале XX в. Ведь как раз предвоенное десятилетие было периодом необычайного расцвета монополий, а в событиях первой мировой войны все особенности империализма нашли свое исключительно яркое проявление. Не случайно поэтому разработка теории империализма В. И. Лениным относится в основном ко времени этой войны. Плеханов же вообще не обнаруживал склонности к исследованию экономических проблем современности даже в годы мировой войны и в меньшевистский период своей идейной эволюции предавался больше историко-литературным изысканиям из области далекого прошлого. Политический оппортунизм Плеханова исключал постановку проблемы противоречий империализма, загнивания капитализма и др. Кроме того, Плеханов никогда не обнаруживал нужного пристрастия к работе над статистическими материалами и вообще к положительному разрешению экономических проблем современности. Скатившись в болото оппортунизма, он оказался неподготовленным к созданию оригинальных исследований новых явлений в экономике империализма, к определению новейших тенденций в эволюции современного капитализма.

В годы первой мировой войны Плеханов в соответствии с тенденциями меньшевизма существенно изменил

свою характеристику современного капитализма, приспособляя ее к шовинистической демагогии «социалистических кругов» Антанты. Вместо развития правильных положений, высказанных им ранее, о господстве монополий и brutality их экономической политики Плеханов, плывя по течению, адресует к каутскианским определениям империализма, весьма удобным для кажущегося «обоснования» шовинизма и сведения всей проблемы войны 1914 г. к защите аграрных стран от натиска индустриальных.

В этих определениях Плеханов переносил вопрос в область политики и игнорировал огромную роль тех самых монополий, о которых писал (хотя и фрагментарно) в довоенные годы. Чтобы оправдать свой оппортунизм в оценке войны 1914 г. и отказ от использования военной обстановки для развязки событий революции, Плеханов перекраивал свои прежние взгляды и сводил особенности новейшего капитализма к воинственности промышленно развитых стран. Проблема монополий и их ожесточенной борьбы за передел мира выпадала из его поля зрения.

Характеристика плехановских определений империализма, относящихся к периоду войны 1914—1918 гг., представляет значительный интерес и, естественно, должна стать особым разделом при изложении занимающей нас темы. Эти определения довольно кратки. Плеханов давал их попутно, при обосновании своей позиции в вопросах войны. Специальных работ о сущности империализма он не писал и в годы войны, когда эта проблема приобрела совершенно невиданную актуальность. Он по-прежнему обнаруживал склонность к публицистическому решению вопросов современности и не пытался создать капитальных исследований ее экономических проблем. Но в его статьях военного времени имеется целая серия интересующих нас определений, иногда весьма пространных, которые дают наглядное представление о том, как Плеханов в ту пору понимал сущность империализма.

Уже в брошюре «О войне» (27 октября 1914 г.) Плеханов заявлял, что «империализм есть политика хищничества», причем «эта политика означает эксплуатацию одного народа или одних народов другим народом или другими народами». Через десяток страниц в заключи-

тельной части брошюры он воспроизводил это определение вновь, выясняя «сущность империалистической политики». Эта политика, говорит Плеханов, «состоит в том, что народ-победитель превращает побежденный народ в предмет экономической эксплуатации».

Позднее, во второй части брошюры (май 1915 г.), он спрашивал: «неужели... экономическая эксплуатация одной страны другой принадлежит к области вымысла?», и в связи с этим пытался выяснить, «в чем состоит природа современного империализма». Но при ответе на столь важные вопросы он не нашел ничего лучшего, как сослаться на заявление одного из австрийских империалистов (писавшего в 1913 г. под псевдонимом Кассандра), что каждое «здоровое государство» нуждается в расширении пределов главным образом вследствие избытка населения и промышленного перепроизводства¹².

Цитируя эти рассуждения, Плеханов утверждал, что австрийская Кассандра «недурно понимает природу современного империализма», так как «в своем взгляде на него она вполне сходится с нами, марксистами». В доказательство он сослался на известное определение империализма Каутским, с точки зрения которого империализм как продукт высокоразвитого промышленного капитализма состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации подчинять и присоединять к себе все большую и большую аграрную область, не считаясь с тем, какие нации ее населяют. Развивая этот тезис, Плеханов писал далее, что производительные силы передовых капиталистических стран растут так быстро, что мирное завоевание иностранных рынков не всегда удовлетворяет их потребность в сбыте. Отсюда и возникает, по мнению Плеханова, указанное Каутским и австрийской Кассандрой «стремление передовых промышленных стран силой обеспечить себе преобладающее экономическое влияние в тех или других аграрных областях». При этом Плеханов вводил новый элемент в свою характеристику империализма, квалифицируя последний как воинственную политику финансового капитала.

Рассматривая империализм как борьбу промышлен-

ных стран за аграрную периферию, Плеханов писал: «Стремление это еще дальше усиливается тем, что руководящее значение в жизни передовых капиталистических стран все более и более приобретает теперь финансовый капитал, по самой природе своей гораздо более склонный к авантюрам, нежели промышленный»¹³.

За рамки этих определений империализма Плеханов не вышел и в 1917 г., когда он написал многочисленные статьи о войне.

Так, в апреле 1917 г. он утверждал в статье, посвященной тезисам В. И. Ленина, что «политика новейшего империализма есть продукт стран, достигших высшей степени капиталистического способа производства».

Этим и исчерпываются плехановские определения империализма, относящиеся ко времени первой мировой войны. Они свидетельствуют о том, что даже в ту пору, когда проблемы империализма встали перед рабочим классом всего мира с небывалой остротой, Плеханов по существу игнорировал их, ограничиваясь лишь отдельными замечаниями общего характера. Только тезис Ленина дал тогда решение этих проблем, создав капитальное исследование, замечательную книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма». Плеханов же прошел мимо этих вопросов огромного значения, отделавшись парой определений сущности империализма. Он не проявлял при этом минимальной самостоятельности и, руководствуясь формулировками сомнительного происхождения, давал ошибочную характеристику империализма, делая затем из нее политические выводы оппортунистического толка. Ориентируясь на каутскианские определения империализма, он сводил его к воинственной политике, стремясь разъяснить лишь сам термин в его общеупотребительном толковании. Плеханов игнорировал социально-экономические изменения, связанные прежде всего с господством монополий. В период войны 1914 г. он забыл то, что писал раньше о неизбежности развития монополистических объединений, которые он теперь явным образом недооценивал. Поэтому даже в годы мировой войны империалистического характера Плеханов по-прежнему толковал о промышленном капитализме, хотя в подготовке этой войны исключительно

¹² См. Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, Paris, 1914, стр. 15, 27.

¹³ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 2, Пг., стр. 58, 60—66.

важную роль сыграли монополистические группировки международного капитала, их борьба за политический передел мира в соответствии с его экономическим разделом между наиболее мощными из них. В. И. Ленин прекрасно показал это в своих исследованиях. Плеханов же, отрицая империалистический характер войны 1914 г. со стороны Антанты, игнорировал роль монополий в ее подготовке и подтягивал к этому свои определения сущности империализма, сводя все к обыкновенной борьбе развитых стран за аграрную периферию.

Таким образом, плехановское определение империализма как чисто политического явления оказывалось крайне односторонним и не выражало его социально-экономической сущности. Поскольку при этом империализм рассматривался как политика преимущественно промышленного капитала, усиленная авантюризмом капитала финансового, то плехановские определения не выражали и исторического своеобразия империализма.

Империализм в истолковании Плеханова фактически исчезал как особое социально-экономическое явление в истории современности, в эволюции новейшего капитализма. Плехановская интерпретация империализма практически означала отрицание последнего, вела к ошибочной точке зрения на войну 1914 г. Империализм в изображении Плеханова превращался в обыкновенную борьбу экономически и культурно развитых стран за господство над отсталыми областями и народами. Но такая борьба была хорошо известна еще античности. Плеханов сводил на нет даже свой правильный тезис об империализме как продукте развитого капитализма. В свое время Плеханов написал немало блестящих страниц в обоснование обязательного для социальных наук историзма в его марксистском понимании. Но данное им определение оказывалось ярким примером антиисторизма. Он покидал методологические позиции марксизма, характеризуя империализм в духе оппортунистического понимания проблем первой мировой войны. Навлучшим выразителем марксистской точки зрения по вопросам империализма Плеханов признал обывательские рассуждения австрийского шовиниста. Правда, он ссылаясь и на Каутского, долго считавшегося столпом ортодоксального марксизма среди лидеров II Интернационала. Но теоретическое банкротство Каутского в годы первой

мировой войны стало очевидным, и каутскианская концепция империализма игнорировала наиболее важные противоречия последнего. Плеханов шел в вопросах империализма за лидерами II Интернационала, не замечая их оппортунизма и обыкновенного шовинизма.

В определении империализма Плеханов потерпел полное фиаско, и В. И. Ленин подверг его формулировке резкой критике с позиций подлинного марксизма.

О плехановском понимании империализма Ленин писал в декабре 1915 г.: «С точки зрения марксизма... может вызвать лишь улыбку «научное» значение таких приемов, когда под конкретно-исторической оценкой войны разумеют выхватывание отдельных, приятных или удобных для господствующих классов одной страны, фактиков из дипломатических «документов», из политических событий дня и т. п. Г. Плеханов, например, должен был совершенно распрощаться с марксизмом, чтобы заменить анализ основных свойств и тенденций империализма, как системы экономических отношений новейшего высоко развитого, зрелого и перезрелого капитализма, вылавливанием пары таких фактиков, которые приятны Пуришкевичам вкупе с Милюковым. При этом научное понятие империализма выводится на степень какого-то брачного выражения по адресу непосредственных конкурентов, соперников и противников двух только что названных империалистов, стоящих на совершенно однородной классовой почве со своими соперниками и противниками!». Правда, «в наше время забытых слов, растерянных принципов, опрокинутых мирозерцаний, отодвинутых прочь резолюций и торжественных обещаний удивляться этому не приходится»¹⁴.

Политический оппортунизм Плеханова в годы первой мировой войны довел над его определениями империализма и поэтому он не смог раскрыть сущности последнего, действительной природы империалистических противоречий и войн новейшего времени. Поскольку Плеханов игнорировал экономический раздел мира монополиями, он оказывался не в состоянии объяснить даже самой воинственности «великих держав» XX в., о которой так много писал.

Материалом для выяснения плехановского понимания империализма могут служить не только определения

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 90—91.

последнего, представленные в публицистике Плеханова, относящейся ко времени первой мировой войны, и отдельные замечания о монополиях, написанные еще в довоенный период. Ведь Плеханов подверг резкой и беспощадной критике германский империализм, причем формулированные им положения дают чрезвычайно интересные сведения о том, как сам Плеханов понимал особенности империализма, его сущность. Важное значение имеет и то обстоятельство, что именно германский империализм представлялся ему настоящим, подлинным империализмом, выразителем действительной природы последнего. Плеханов опирался на конкретно-исторические факты и наглядно показывал агрессивность немецких милитаристов, разоблачал их разбойничьи планы. Он еще в годы первой мировой войны высмеивал милитаристические традиции пруссачества, широко использованные позднее фашизмом для злодейской подготовки второй мировой войны.

В характеристике образцового империализма тогдашней Германии несомненно сказывались своеобразные представления Плеханова о природе и сущности империализма вообще. Германский империализм он признал наиболее ярким и типичным, сама практика империалистической Германии соответствовала представлениям Плеханова о признаках империализма как своеобразного явления современной эпохи. Ведь разбой и грабительская политика германского империализма в годы первой мировой войны давали достаточное количество фактов для разоблачения злодейской подоплеки «плана Шлиффена» и экспансии немецких империалистов вообще. Волчий повадки немецких милитаристов слишком ярко выступали наружу, заявляя о себе грохотом исполняемых пушек. Тем не менее в своей интерпретации германского империализма Плеханов, безусловно, выразил свойственное ему понимание империализма вообще.

К вопросу о критике германского империализма Плеханов возвращался неоднократно в своих статьях военного времени, и его рассуждения о нем представляют значительный интерес с точки зрения занимающей нас проблемы¹⁵.

¹⁵ См. Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, Paris, 1914, стр. 8—9, 5, 15; «О войне», изд. 2, Пг., 1917 г., стр. 49, 52, 64, 66—71; «Единство», 16 мая 1917 г.; 4 июля 1917 г. и 18 июля 1917 г.

Плеханов нарисовал страшную картину злодейских планов германского империализма и закалейчил агрессивность последнего, коварную роль немецких милитаристов в подготовке катастрофы 1914 г. Он документально устанавливал, что еще до начала военных действий немецкие милитаристы бряцали оружием и восхваляли войну как предпосылку всякого прогресса, экономических и политических успехов Германии. Само убийство австрийского эрц-герцога Плеханов правильно квалифицировал лишь как предлог, использованный немецкими империалистами для ускорения событий. Он указывал на особую агрессивность германского империализма и разоблачал реакционную роль последнего в истории русской революции. Он показывал, что германский империализм стал реальной угрозой для самой Европы, а не только колониального мира, раз немецкие империалисты ставили перед собой задачу обезземеливания целых народов.

При этом Плеханов на материале Германии отмечал некоторые особенности империализма вообще, отражая свое понимание последнего и оставаясь всякий раз на почве чисто политического понимания империализма, как лишь политики хищнической агрессии. Плеханов писал о Молохе империализма, акулах и Вельзевулах, но его характеристика даже образцового империализма кайзеровской Германии оказывалась весьма поверхностной, публицистической. Ведь он не выяснял социально-экономических особенностей империализма как стадии капитализма и наиболее развитый в Европе германский империализм рассматривал как только политическое явление. Он не шел дальше политических квалификаций империализма и фактически сводил его характеристику, научное понятие империализма к «бранным выражениям» по адресу одной из конкурирующих группировок международного капитала.

Конечно, Плеханов не мог игнорировать экономической подоплеки агрессивности Германии, которую не скрывали и сами немецкие милитаристы, пытаясь сделать лозунги империалистического разбоя достоянием шовинистической толпы. Плеханов, естественно, констатировал экономическую заинтересованность немецкой буржуазии и юнкерства Германии в экспансии на территории соседних народов и на арене колониального разбоя. Но он указывал при этом лишь на необычайный

рост немецкой промышленности и ошибочно сводил агрессию германского империализма к экспансии промышленного капитала. Он совершенно игнорировал роль монополий в подготовке войны 1914 г. и в изменении социально-экономической характеристики современного капитализма. Империализм рассматривался как воинственная политика промышленного капитала даже в статьях, посвященных критике немецкого империализма, который, по признанию самого Плеханова, являлся наиболее ярким выразителем империалистических тенденций современности.

Таким образом, и в своей критике германского империализма Плеханов воспроизводил свойственное ему понимание сущности империализма вообще. Это значит, что отмеченные ранее определения империализма действительно выражали точку зрения Плеханова, раз он использовал их для разрешения конкретных политических проблем большой важности при критике германского империализма.

Отсюда вытекали и пороки этой критики, так как, сводя империализм к воинственной политике промышленного капитала, Плеханов не смог выявить своеобразия немецкого империализма и найти разграничительную линию между последним и его противником. Поэтому плехановское противопоставление воинственности германского империализма культуртрегерству британского оказалось явно порочным. Ведь Англия была страной высокоразвитого промышленного капитализма, и с плехановской точки зрения нельзя было объяснить выдуманное «миролюбие» британского империализма, фальшивую склонность последнего к демократии и культурничеству. В своем похвальном слове британскому империализму Плеханов спускался с теоретических высот до уровня шовинистической пропаганды Антанты, причем в ее заурядных формах.

Плехановской критике немецкого империализма не хватало понимания империализма как последней и высшей стадии в развитии капитализма, глубокого анализа экономической и политической роли монополий, всей совокупности противоречий империализма, делающих его кануном социалистической революции, как это блестяще показал В. И. Ленин. Между тем плехановская оценка германского империализма свелась к серии креп-

ких словечек по адресу кайзеровской Германии. Больше того, потеряв теоретическую основу, Плеханов начал искать корни агрессивности германского империализма в политических тенденциях немецкого пролетариата и доказывать в духе меньшевизма, что на почве внешнеполитической экспансии вполне возможно примирение рабочего класса с буржуазией.

Практически это свелось к демонстрации народного характера германского империализма и его неожиданной реабилитации. Поскольку в рассуждениях Плеханова при этом ярко отражались особенности свойственного ему понимания империализма вообще, их следует отметить для исчерпания интересующей нас темы¹⁶. В своих попытках обосновать тезис о народности германского империализма Плеханов переходил на позиции чисто буржуазного толкования экономических проблем империализма и политических тенденций современного пролетариата.

Правда, многие рабочие Германии в 1914—1918 гг. поверили шовинистической демагогии и предательской тактике социал-демократии. Но отсюда вовсе не следует, будто подлинные интересы немецких рабочих в 1914 г. действительно совпадали с империалистическими интересами монополистического капитала. Для обоснования вывода о таком совпадении недостаточно было простой ссылки на факт поддержки частью немецкого пролетариата империалистических лозунгов кайзеровской Германии, хотя Плеханов и довольствовался этим. Ведь в истории человечества народные массы многократно и в весьма разнообразных странах иногда поддерживали самые реакционные режимы. Но на этом основании нельзя делать вывод, будто их интересы действительно совпадали с интересами господствующих классов и всякого рода реакционных группировок, стоявших у власти. Соучастие слишком слабый аргумент в пользу единства интересов соучастников того или иного события; между тем Плеханов оперировал только им. Фактически он воспроизводил явно обывательские представле-

¹⁶ См. Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, стр. 10; «О войне», изд. 2, стр. 74; «Призма», 1917, № 41 и 47; «Единство», 1917, № 4, 28, 34, 47, 80; предисловие к пятому изданию книги «К вопросу о развитии моноистического взгляда на историю». (Сб. «Группа "Основание труда"», 1926, № 5, стр. 18).

ния относительно событий первой мировой войны и социальной природы участвовавших в ней классов. Он судил поверхностно и превратно о событиях мирового значения, игнорируя очевидные факты и первостепенные положения марксизма.

В этих рассуждениях Плеханова не осталось и следа от его прежнего марксизма, так как, пытаясь обосновать свой тезис о народном характере германского империализма, он практически вступал на путь его реабилитации. Агрессивные планы германского империализма в изображении Плеханова оказывались общенародным делом, дратья за осуществление которых имел все основания и немецкий пролетариат. Плеханов приходил к совершенно парадоксальным выводам шовинистического толка. Защищая империализм Антанты, он начинал оправдывать и империализм кайзеровской Германии в соответствии с меньшевистской концепцией относительно сотрудничества классов в условиях капитализма. Эта концепция делала фальшивой позицию Плеханова в критике германского империализма, а тем более при выяснении его особенностей и определении самой сущности империализма вообще. Он оказывался во власти тех самых хвостистских настроений, с которыми так долго и упорно воевал в свое время, в период борьбы с экономизмом и бернштейнством. Теперь сам Плеханов уже доказывал, что рабочий класс Германии потерял для революции, раз немецкие рабочие оказались солдатами германского империализма. Когда же Плеханов заявлял, что «поражение Германии означало бы также и поражение германского пролетариата», то он явным образом обелял германский империализм, отождествляя его черное дело с интересами немецких рабочих.

Не выделяя специфических интересов так называемой «рабочей аристократии», Плеханов пускался в поиски извиняющих обстоятельств для агрессии германского империализма, ссылаясь на сознательную поддержку последнего рабочим классом всей Германии. Однако заинтересованность всякого рода чиновников капитала в экспансии германского милитаризма вовсе не означала совпадения коренных интересов немецкого пролетариата в целом с агрессивными планами кайзеровских милитаристов. С позиций меньшевизма Плеханов бил по германскому империализму, замахиываясь слишком вправо,

и поэтому мимо цели. Меньшевизм толкал Плеханова к реабилитации германского империализма, несмотря на социалистическую фразеологию плехановской публицистики военного времени.

Когда же Плеханов пытался углубить свою аргументацию, то он обращался к самым пошлым и давно осмеянными еще Марксом представлениям буржуазных экономистов. После всего того, что было написано Марксом, да и самим Плехановым (в борьбе с ревизионизмом), он осмеливался доказывать, что рабочий и буржуа являются своего рода акционерами капиталистического предприятия, одинаково заинтересованными в реализации сообща создаваемой ими товарной массы. Плеханов утверждал ни больше, ни меньше как то, что рабочий класс заинтересован в обогащении буржуазии, так как, по его мнению, спрос на рабочую силу и уровень заработной платы непосредственно определяются размерами тех богатств, которыми располагает буржуазия. Фактически он апеллировал к стародавней и пресловутой теории фонда заработной платы, наивные представления которой были высмеяны Марксом. Плеханов зачеркивал при этом все положения марксизма относительно закона стоимости рабочей силы и пытался истолковать в духе социальной теории распределения заработную плату как чисто распределительную категорию. Он игнорировал, что заработная плата является составной частью издержек производства и определяется совершенно независимо от нормы прибыли. Плеханов ссылался на тот обыденный факт, что усиленное накопление капитала повышает спрос на рабочую силу и вызывает временное повышение заработной платы. Однако такое повышение предполагает целый ряд условий и прежде всего отсутствие безработицы в стране, даже в соседних странах. Между тем сезонная, цикличная и структурная безработица неизменно сопровождает развитие капитализма, особенно в эпоху империализма. Плеханов забывал коренные тенденции в развитии капиталистического производства, столь блестяще проанализированные Марксом. Ведь цикличность движения этого производства и неизбежный рост органического состава капитала делали массовой безработицу и исключали сколько-нибудь длительное повышение заработной платы даже в условиях быстрого накопления капитала.

В развитии своей аргументации Плеханов шел настолько далеко, что отказывался совсем от основных положений марксизма, объясняя динамику заработной платы чисто конъюнктурными явлениями и ставя ее в зависимость лишь от спроса на рабочую силу, не учитывая даже роли предложения последней. С теоретических высот марксизма Плеханов спускался в дебри вульгарных представлений буржуазных апологетов капитала. Его меньшевистские установки в основных вопросах современности неизбежно приводили к этому.

В меньшевистской интерпретации империализма сказывались коренные пороки того понимания его сущности, которое было столь характерно для Плеханова. Он приходил к своему тезису о народном характере германского империализма прежде всего потому, что игнорировал господство монополий, борьбу национальных группировок международного капитала и сводил империализм к простой воинственности правящих кругов отдельных стран. Поскольку же шовинистическая пропаганда отравляла сознание даже рабочего класса и шовинизм становился массовым явлением, Плеханов делал вывод, что империализм и в самом деле может быть общенародным делом. Он игнорировал злоешие противоречия империализма и принимал за чистую монету шовинистическую демагогию самой низкой пробы.

Своеобразие взглядов Плеханова заключалось в том, что он делал оппортунистические выводы из недооценки роли монополий в экономике империализма, между тем как другие лидеры II Интернационала искали обоснования таким выводам в явной переоценке их роли, развивая пресловутую теорию организованного капитализма (Гильфердинг) и ультраимпериализма (Каутский). Если сторонники этой теории не признавали обострения социально-экономических и политических противоречий империализма на том основании, что они якобы устраняются монополиями, то Плеханов отрицал их обострение, отождествляя монополистический капитализм с классическим капитализмом XIX в. Но, идя разными путями, они приходили к одному и тому же выводу: империализм не является кануном социалистической революции. Основным тезисом Плеханова сводился к тому, что в истории современного капитализма не произошло ничего особенного и говорить о загнивании капитализма нет

якобы каких-либо оснований. Поэтому в 1917 г. он доказывал, будто бы даже Германия не созрела для социалистической революции. Сама мировая война 1914—1918 гг. рассматривалась им лишь как грандиозный взрыв шовинизма, обусловленный промышленными успехами Германии.

Неоднократно возвращаясь к критике германского империализма, Плеханов так и не смог на основе своих меньшевистских установок выяснить его действительных особенностей. Он не показал солдафонских традиций прусского милитаризма и только мимоходом, довольно глухо говорил относительно агрессивности юнкерства. Его заявления о возникновении тройственного союза между капиталистами, юнкерами и рабочими Германии совсем не выяснили роли аграрных противоречий германского империализма, обусловленных прусским путем развития капитализма в сельском хозяйстве Германии.

Плеханов не разоблачил шовинистической демагогии немецких империалистов об отсутствии у Германии пресловутого «жизненного пространства». Как уже отмечалось выше, он не придавал должного значения развитию монополистических объединений в Германии при характеристике ее агрессивной политики, империалистических планов.

Таким образом, действительные особенности германского империализма остались нераскрытыми и вместо их выяснения Плеханов приступил к доказательству его народности. Он правильно отмечал особую агрессивность германского империализма, но, демонстрируя народный характер последнего, практически допускал его реабилитацию. Меншевистские установки в общих вопросах экономики и политики помешали Плеханову дать правильную оценку империализму и в том числе германскому.

Для выяснения плехановского понимания сущности империализма и особенностей последнего весьма ценны его замечания относительно русского империализма. Они представлены во многих статьях военного времени и отражают отношение Плеханова к общим проблемам империализма, а не только специфически русским вопросам. Ведь русский империализм был своеобразным явлением и для правильного анализа требовалось глубокое понимание сущности империализма, его коренных черт

наряду с изучением специфических условий экономической истории России. Поэтому русские проблемы, естественно, оказывались пробным камнем для проверки того, насколько правильно Плеханов понимал сущность империализма.

Как уже отмечено ранее, он считал, что германский милитаризм несравненно опаснее для Западной Европы, «нежели милитаризм российский», экономически слабый. Развивая свою мысль, Плеханов подчеркивал, что «для капиталистической Европы безвозвратно миновало то время, когда политическая гегемония могла принадлежать в ней экономически отсталой стране». Он отмечал тот факт, что русский шовинизм развивался в архаических условиях царизма, и указывал, что царизм страшно ослаблял способность России дать надлежащий отпор политике германских империалистов. Поэтому если даже в результате поддержки народом царского правительства в войне с Германией несколько укреплится вера в царя, то для России, говорит Плеханов, «это будет меньшим злом, ...нежели поражение»¹⁷, так как при этом Россия избежит тех препятствий, которые были бы вызваны поражением на пути ее экономического развития. «Ведь я марксист,— подчеркивал он,— знаю, что экономическое развитие лежит в основе всякого другого»¹⁸.

Соответственно этому он квалифицировал русский империализм как ветхозаветный и противопоставлял его промышленному империализму Германии.

Посему, выступая в 1917 г. против Апрельских тезисов В. И. Ленина, Плеханов писал, что «политика новейшего империализма есть продукт стран, достигших высшей ступени капиталистического способа производства», однако Россия не принадлежит к их числу, так как ее трудящееся население страдает не только от капитализма, но также и от недостаточного развития капитализма. Отсюда Плеханов и делал вывод, что «русский капитал никак не может выступить в роли наиболее видного и наиболее опасного для других народов представителя империалистической политики».

Россия, по мнению Плеханова, еще не достигла той

зрелости в своем экономическом развитии, когда страна становится способной вести политику империализма, и он выступал с прямым отрицанием самого существования империалистических тенденций в политике русской буржуазии. Выступая 19 июня 1917 г. с речью на Казанской площади в Петрограде, он заявлял, что происходящая «война для нас не империалистическая», так как «мы не хотим завоеваний».

Больше того, Плеханов склонялся к настоящей идеализации царизма, когда писал в мае 1917 г., ссылаясь на Ключевского, что издавна русские князья были наемными сторожами русской земли, и так как «последний наемный сторож земли русской — бывший царь — оказался совершенно непригодным для этой роли», то он был свергнут народом.

Следовательно, и в своей характеристике России XX в. Плеханов воспроизводил обычное для него понимание империализма, сущности последнего. Он неизменно сводил империализм к агрессивной политике завоеваний и игнорировал те социально-экономические изменения, которые произошли в России перед войной 1914 г. Единственным критерием экономической зрелости России для империализма он считал степень ее промышленного развития, и поскольку Россия XX в. в промышленном отношении являлась отсталой страной, не находил империализма в ее политике. Но промышленная отсталость России не исключала появления монополистических объединений, а тем более создания гигантских предприятий вполне современного типа. Поэтому простое указание на экономическую и политическую отсталость России еще не определяло ее места в системе мирового хозяйства. Плеханов слишком упрощал проблему, когда доказывал, что Россия XX в. по-прежнему страдает преимущественно от недостаточного развития капитализма.

В оценке русского империализма Плеханов адресовался к своей меньшевистской концепции экономической истории, преувеличивая степень экономической отсталости России, развивая тезис о надклассовости русского самодержавия. В результате он рисовал совершенно искаженную картину положения в России, квалифицируя Николая II как ее последнего сторожа.

Начав с правильного положения, что германский империализм, как экономически более мощный, опаснее для

¹⁷ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, стр. 93.

¹⁸ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 2, стр. 64.

Европы, чем русский, Плеханов закончил отрицанием самого существования последнего. Вместо выяснения особенностей русского империализма Плеханов начал отрицать даже его существование, исходя из той ошибочной мысли, что высокая степень развития промышленности является единственной предпосылкой империализма и допотопные цари России могут быть только сторожами своей империи. На самом деле архаизм политической системы царской России не исключал вступления последней в фазу империализма, хотя и обуславливал существенные особенности русского империализма, который В. И. Ленин называл военно-феодальным. С другой стороны, как это показал В. И. Ленин, промышленная отсталость России в эпоху империализма компенсировалась высокой концентрацией ее промышленности и господством монополий в основных отраслях последней. Весь сложный переплет противоречий монополистического капитализма в экономически отсталой России с архаизмом ее политического режима и крайней остротой аграрных противоречий остался непонятным для Плеханова.

Он поверхностно судил о русском империализме и не смог выяснить его особенности. Их глубокий анализ дал только В. И. Ленин, изучая предпосылки социалистической революции в России. Конечно, Плеханов искал обоснования для своего шовинизма, но не подlezжит сомнению, что его неправильная оценка русского империализма отражала и пороки того ошибочного понимания природы империализма вообще, которое столь характерно для плехановской публицистики военного времени.

Наконец, особенности плехановского понимания империализма необычайно ярко обнаружались в оценке Плехановым войны 1914—1918 гг. Ведь эта война с исключительной резкостью выявила все тенденции в развитии современного капитализма. Она явилась грандиозным взрывом противоречий империализма и результатом своеобразного кризиса капиталистической системы. Первая мировая война была грандиозной пробой сил империалистических держав и могла получить правильную оценку только на основе вполне научной теории империализма, разработанной В. И. Лениным. Все ошибки того или иного автора в понимании сущности импе-

риализма, естественно, сказывались в оценке войны 1914 г. Поэтому плехановская публицистика, посвященная первой мировой войне, представляет значительный интерес для историка экономической мысли. Эта публицистика может быть использована для характеристики не только политической биографии Плеханова, но и эволюции его экономических воззрений.

При этом сразу же нужно отметить, что оценка войны 1914 г., данная Плехановым, оказалась квинтэссенцией его ошибок в понимании империализма, коренных тенденций современного капитализма. Он не смог определить своеобразия этой войны и пришел к чудовищному выводу, что катастрофа 1914 г., подготовленная империалистами новейшего времени, была обыкновенной борьбой наций за экономическое преобладание и политическое верховенство. Он прямо называл ее национальной войной и еще осенью 1914 г. писал, что «ни для Запада, ни для нас война эта не есть, как выражаются немцы, ein Kabinettskrieg. Это, чтобы опять употребить немецкое выражение, — ein Nationalkrieg, так как она грозит ухудшением условий существования всей русской «нации», т. е. всей нашей трудящейся массы»¹⁹.

Таким образом, из того обстоятельства, что первая мировая война угрожала жизненным интересам целых народов, Плеханов делал совершенно ложный вывод, будто она являлась национальной и для ее оценки нужно искать критерий в интересах целых народов. Он совсем игнорировал социально-экономическую природу войны 1914 г. и рассматривал ее лишь как угрозу национальным интересам населения пострадавших стран. Плеханов принижал значение событий этой войны до уровня обыкновенного столкновения соседних народов на почве их национальных интересов. Он закрывал глаза на тот факт, что первая мировая война была подготовлена борьбой национальных группировок монополистического капитала за передел мира и поэтому квалифицировать ее как войну национальную оказывалось совершенно бессмысленно. Плеханов фактически снимал проблему происхождения первой мировой войны и ее социально-экономических предпосылок. Не случайно поэтому В. И. Ленин в своей статье «Русские Зюдекумы»,

¹⁹ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, стр. 31.

опубликованной в феврале 1915 г., весьма резко квалифицировал позицию Плеханова в оценке войны 1914 г. и указывал, что в плехановской брошюре «О войне» «софистически смешивается эпоха империализма... с эпохой буржуазно-демократических национальных движений» и поэтому «подменяется социал-демократизм национал-либерализмом». В статье «Крах II Интернационала», написанной летом 1915 г., В. И. Ленин отмечал, что в военной публицистике Плеханова фактически «нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а его грубый шовинизм «стоит совершенно на той же самой теоретической позиции, как более тонкий, примирительно-слащавый шовинизм Каутского». Ленин считал поэтому, что «нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского»²⁰.

Не выяснив социально-экономической природы первой мировой войны и, следовательно, ее происхождения, Плеханов занялся только поисками ее виновников, упрощая непростительным образом проблему, перенеся весь вопрос в область чисто политических конфликтов и дипломатических комбинаций, биографических подробностей и политических тенденций отдельных партий и их лидеров. Чувствуя теоретическую слабость своей позиции, Плеханов с тем большей решительностью отстаивал право на поиски виновников катастрофы и в августе 1914 г. предлагал даже созвать международную конференцию социалистов для определения того, кто же ответствен за возникший мировой пожар, дабы социалистические партии смогли выработать вполне мотивированную программу действий²¹.

Но все эти красноречивые рассуждения остались теоретически бесплодными, так как он, в сущности говоря, ломился в открытую дверь. В. И. Ленин вовсе не отрицал личной ответственности плутократов финансового капитала, а тем более кайзера Германии и царя России за катастрофу первой мировой войны. Он отнюдь не довольствовался простой ссылкой на производственные отношения современного капитализма и не игнорировал злой воли тех, кто олицетворял агрессию империализма,

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 99, 105, 197.

²¹ См. Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, стр. 20; «О войне», изд. 2, стр. 55; «Единство», 1914, № 9—10.

подготавливал мировое побоище 1914 г. Наоборот, выдвигая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, В. И. Ленин призывал к испровержению господства тех, кто нес ответственность за войну, и все, что было связано с империализмом. Ленину всегда была чужда та объективистская точка зрения, которую он подверг критике еще в 90-х годах в своих работах против Струве.

Отрицание активной роли классов, их партий в истории человечества не соответствовало традициям марксизма, и высказывания Маркса и Энгельса о франко-прусской войне 1870—1871 гг. дают об этом наглядное представление.

Поэтому весь пафос плехановского красноречия в пользу права искать виновников войны, сыгравших злодейскую роль в ее подготовке, был совершенно односторонним. Он доказывал то, что не требовало доказательств с точки зрения марксиста. Именно под руководством В. И. Ленина народные массы России расправились в 1917 г. с российскими империалистами. Больше того, после второй мировой войны наказание военных преступников было признано неотложной задачей всеми прогрессивными элементами рабочего движения.

Но Плеханов неосновательно перемещал проблему в неподходящую область. Ведь подлежал разрешению не только вопрос об ответственности империалистов за войну 1914 г., но и об ответственности самого империализма. Между тем Плеханов акцентировал на первой части проблемы, устраняя вторую и сводя все дело к демонстрации злодейских преступлений немецкого кайзера и тех политических группировок, которые его поддерживали. Поэтому его поиски конкретных виновников практически означали реабилитацию империализма, так как даже такое наиболее крупное преступление империалистов, как мировая бойня, изображалось лишь как злодеяние правящих кругов отдельных стран. Плеханов заранее отрицал революционную постановку вопроса и сразу попадал в орбиту рассуждений о том, кто первый начал драку и несет за нее ответственность, хотя совершенно ясно, что для марксиста обязательным был переход от задачи разоблачения империалистов к лозунгу борьбы с империализмом. Но, игнорируя ответственность последнего за истребление миллионов людей и уничто-

жение материальных ценностей, для создания которых потребовались целые столетия, Плеханов приносил задачи революционного пролетариата до уровня лозунгов обыкновенного филистера, собирающегося водворить справедливость среди акул империализма и наказать лишь отдельных личностей. Плеханов сворачивал на проторенную дорожку шовинизма и своими рассуждениями о виновниках войны фактически снимал проблему ответственности за нее империализма в целом. Народной ненависти к империализму он давал совершенно ложное направление, избегая постановки коренных проблем революции. Плехановские рассуждения о виновниках войны были оппортунистическими с самого начала и могли только нейтрализовать революционную энергию пролетариата. Его пространственные выступления по этому вопросу страдали ограниченностью буржуазного кругозора, так как они не выходили за рамки контрверз и столкновений двух борющихся лагерей одного и того же империализма.

Поэтому В. И. Ленин писал в своей статье «Социал-шовинисты и интернационалисты», опубликованной 12 мая 1917 г., что «социал-шовинисты, изменив социализму... раскололись сообразно группировке капиталистов в войне»²².

Плеханов не смог дать правильного решения и проблемы виновников войны 1914 г., так как не пошел дальше обывательской постановки вопроса, далекой от марксизма. Он не нашел полноценного критерия для оценки их виновности и довольствовался формальным разграничением воюющих на нападающих и защищающихся. Он писал в апреле 1917 г.: «Кто же не знает, что война объявлена была не Россией — Германией, а наоборот: Германией Россией»²³.

Плеханов давал крайне вульгарное истолкование проблемы. Он иллюстрировал события первой мировой войны на примерах кулачной драки²⁴. В этой карикатурной форме он изображал события гигантских масштабов и огромной важности, устраняя их историческое своеобразие, игнорируя социально-экономическую при-

роду конфликта двух мощных лагерей империализма. Отождествляя войну 1914—1918 гг. с обыкновенной дракой, Плеханов, естественно, начинал судить о ней в соответствии со своим критерием виновности ее участников.

Но этот критерий страдал крайним формализмом и не давал подлинного решения проблемы. Правда, разграничение нападающих и обороняющихся позволяет определить непосредственного агрессора, который нарушил мир, явился ближайшим виновником катастрофы. В борьбе за мир это имеет большое значение, и квалификация агрессора способна мобилизовать народные массы для противодействия поджигателям войны, способствовать созданию блока миролюбивых государств для борьбы с непосредственными зачинщиками войны, ускоряющими ход событий. Но раз Плеханов собирался выразить точку зрения социалиста, стоящего на позициях марксизма, он не мог ограничиваться чисто формальным разграничением всех воюющих на нападающих и обороняющихся, прокурорским противопоставлением Кайна Авелю в зависимости лишь от времени их вступления в войну. Для него обязательным является глубокий анализ социально-экономических предпосылок первой мировой войны и выяснение ответственности за нее всей мировой буржуазии, империализма как целой системы общественных отношений. Но Плеханов уклонялся от этой единственно научной и обязательной для марксиста постановки проблемы и давал ее упрощенное истолкование, совершенно не отвечающее задачам революционного пролетариата. В результате он и приходил к весьма курьезным выводам о необходимости наказать отдельных империалистов, не затрагивая империализма в целом. Плеханов оставался оппортунистом как в постановке проблемы виновников войны, так и в ее разрешении. Он игнорировал задачи использования военной обстановки для дела революции и заранее сводил все требования революционного пролетариата к наказанию военных преступников в условиях существующего строя. Плехановские поиски виновников войны вели к политической дезориентации рабочего класса и его разоружению в борьбе с империализмом. Плеханов приносил задачи революционного пролетариата до уровня мелкобуржуазных поисков справедливости в рамках капиталистиче-

²² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 290.

²³ См. также Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, стр. 16—17; «О войне», изд. 2, стр. 69—82; «Единство», 1917, № 65.

²⁴ См. Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, стр. 19.

ской действительности. Он собирался водворять справедливость среди акул империализма в такое время, когда имелись все необходимые условия для их уничтожения. Подобно другим лидерам II Интернационала, он игнорировал задачи социалистической революции и переходил на позиции махрового оппортунизма, рассматривая рабочий класс лишь как составную часть тех сил, которые участвовали в борьбе двух лагерей империализма. Эта потеря революционной перспективы прикрывалась пространными рассуждениями о виновниках войны, но для определения последних Плеханов не нашел даже критерия, ограничившись формальным разграничением нападающих и обороняющихся. Между тем эта формальная точка зрения могла повести к самым ошибочным заключениям при ее конкретном применении.

Правда, одно важное обстоятельство должно быть отмечено специально. Проявляя повышенный интерес к поискам виновников войны, он написал много ярких страниц для разоблачения германской социал-демократии, лидеров которой с полным основанием называл тартюфами нового времени. Плеханов разоблачал в своей публицистике пресмыкательство лидеров германской социал-демократии перед немецкими милитаристами и показал их прямую измену делу социализма, даже своему собственному слову.

Плеханов охотно признавал авангардную роль германской социал-демократии в рабочем движении довоенного периода, заявляя, что «все мы возлагали на нее самые большие надежды» и «считали ее наиболее революционной общественной силой».

Но эта партия, считавшаяся авангардом всемирного пролетариата, говорит Плеханов, изменила делу Интернационала и «усвоила себе девиз исключительного национализма», решив поддерживать завоевательные планы юнкеров и предпринимателей. Он указывал на то, что если германские социал-демократы перед войной 1914 г. не хотели дать для немецких милитаристов «keinen Mann keinen Groschen»²⁶ и квалифицировали предстоящую войну как постыдную, империалистическую, то с началом военных событий эта «война из постыдной вдруг превратилась в справедливую, оборонительную».

²⁶ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 2, стр. 45—46, 35, 43.

С другой стороны, Плеханов вполне уместно ссылался на тот факт, что лидеры германской социал-демократии в довоенный период отнюдь не колебались в определении виновников подготовлявшейся войны, считая, что «ответственность за приближающуюся катастрофу падает на Вену и особенно на Берлин».

Он отвергал «русский аргумент» германской социал-демократии, которая поддержку немецких милитаристов оправдывала высокими интересами «борьбы с русской реакцией»²⁶. Плеханов справедливо указывал на то, что немецкая социал-демократия даже в самой Германии всегда очень старательно избегала решительных выступлений против политических пережитков старины (например, в Пруссии). Кроме того, когда Вильгельм II осенью 1906 г. собирался двинуть свои войска на революционную Россию и Бебель на Мангеймском съезде немецкой социал-демократии предложил резолюцию об объявлении всеобщей стачки в случае возникновения войны с Россией, то она, как отмечал Плеханов, не была принята. Последующее падение царизма в феврале 1917 г. и даже события социалистической революции не изменили позиции германской социал-демократии, и она по-прежнему поддерживала немецких империалистов в войне с Россией. Это свидетельствует о том, насколько фальшивой была шовинистическая демагогия германской социал-демократии о необходимости войны с Россией для борьбы с царизмом.

Плеханов возмущался речью Гаазе 4 августа 1914 г. в рейхстаге, высказавшегося в пользу голосования за военные кредиты. Его рассуждения о самоопределении народов в условиях грубого нарушения нейтралитета Бельгии и Люксембурга он квалифицировал как une Tag-tufferie. С тех пор, говорит Плеханов, сама германская социал-демократия «служит опорой... империалистской политики немецкого юнкерства и немецкой буржуазии», причем, изменив «принципам ее левого, а не правого крыла, — марксистов, а не ревизионистов». Он клеймил это как величайший позор и решительно утверждал, ссылаясь на пример Гейниша, Ленша и Кунова, что «многие германские социал-демократы заражены духом империализма»²⁷. Рассуждения одного из представите-

²⁶ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 2, стр. 46, 35, 43.

²⁷ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, стр. 6 и 15.

лей этой партии (Кварка), будто от победы Германии выиграет социалистическое движение международного пролетариата, так как она усилит немецкую социал-демократию, Плеханов называл «историческим цинизмом» и указывал на то, что Кварк на все смотрит сквозь очки германского империализма, а «руки германской социал-демократии пропахли кровью».

Таким образом, Плеханов подверг резкой критике шовинизм германской социал-демократии, разоблачая ее предательство. Правда, в этой критике имелось слишком много уязвимых мест, так как Плеханов склонялся часто к истолкованию социал-шовинизма как простой ошибки и расшаркивался перед ревизионистом Л. Франком, добровольно вступившим в армию немецкого кайзера. Он толковал об иллюзиях Франка и утверждал, что в поведении этого шовиниста «было очень много самоотвержения», так как он выступает перед нами «колоссальным утопистом», лишь страдающим националистическим реформизмом. Плеханов не выяснял по существу классовой природы социал-шовинизма, игнорируя специфическое положение «рабочей аристократии» и ее политическую роль. Он ошибочно утверждал, что лидеры германской социал-демократии отражали политические тенденции всего рабочего класса Германии и в предательстве Шейдемана усматривал доказательство того, что германский империализм действительно был международным делом всей Германии. Он резервировал мосты для встречи с лидерами германской социал-демократии на международных конгрессах социалистов в послевоенный период, считая, что тогда «вполне уместно будет подчинение сердца рассудку» ради интересов Интернационала²⁸.

Но главный порок плехановской критики шовинизма германской социал-демократии заключался в том, что она предназначалась для обоснования шовинистических позиций самого Плеханова. В. И. Ленин прямо указывал в статье «Русские Зюдекумы», что Плеханов критиковал «немецкий оппортунизм для прикрытия оппортунизма французского и русского»²⁹. В результате плехановская критика оказывалась недостаточно принципиаль-

ной и политически беззубой, несмотря на всю резкость квалификаций и порицаний. Ведь из своей критики предательского поведения германской социал-демократии он вовсе не делал выводов, обязательных для марксиста, а, наоборот, использовал ее для обоснования требований шовинистического толка.

Критикуя шовинизм германской социал-демократии, Плеханов отвергал и ленинский лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую³⁰, хотя он был единственно возможным для марксиста, последовательного революционера.

В полемике с В. И. Лениным Плеханов не смог выставить серьезной аргументации и ограничился искажением ленинской точки зрения, инсинуациями и бранью. Он смехотворным образом доказывал, что взгляды Ленина являются анархо-синдикалистскими, хотя Ленин выдвинул целую программу социалистической революции, призывая к осуществлению диктатуры пролетариата. Вся история большевизма показывала, и события Великой Октябрьской социалистической революции подтвердили, что между ленинизмом и анархо-синдикализмом нет и не было ничего общего. Между тем Плеханов всякий протест против империалистической войны квалифицировал как анархо-синдикализм и добродетельно революционера считал открывшую поддержку «своей» национальной буржуазии³¹. Критикой ленинской оценки первой мировой войны Плеханов лишь еще раз продемонстрировал свое политическое падение.

Сам же Плеханов давал чисто шовинистическое решение проблем войны 1914 г. и сразу же после ее начала выступил с энергичной поддержкой Антанты. Он оправдывал заключение в 1893 г. франко-русского союза и отвергал политику нейтралитета, проводившуюся социалистами Швейцарии и Италии, указывая, что к событиям войны «не может относиться равнодушно ни один человек, имеющий... сердце там, где ему полагается быть»³². Он одобрял создание во Франции добровольческих русских отрядов для помощи Антанте, написал специальный манифест к русскому народу и осенью 1915 г. вместе с эсерами начал издание в Париже спе-

²⁸ «Единство», 1917, № 5, 93, 8, 9—11, 15, 60, 100.

²⁹ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 1, стр. 7.

³⁰ Там же, стр. 18.

²⁸ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 2, стр. 80.

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 99.

циальной газеты «Призыв» (с участием Алексинского, Кубикова, Авксентьева, Бунакова, Лебедева), ориентирующейся на Антанту.

В 1917 г. он остался на тех же позициях шовинизма, одобрял империалистические планы Милюкова, ссылаясь на необходимость предотвращения гражданской войны в России, и поддерживал идею создания групп «личного примера» для активного участия в войне. Плеханова возмущала недостаточная воинственность русской буржуазии, даже ее «сознательных» элементов, которые ставят «свой классовый интерес выше общенационального»³³.

В статье, появившейся непосредственно перед событиями Октябрьского переворота (22 октября 1917 г.), он защищал воинственного Терещенко от «миролюбивого» Керенского.

Следовательно, с начала войны и вплоть до своей смерти Плеханов оставался последовательным шовинистом, решительно выступавшим на стороне Антанты. Он не допускал каких-либо колебаний в этом вопросе и твердо держался однажды принятой точки зрения. Более трудным делом является определение того, что собственно представлял собой плехановский шовинизм 1914—1918 гг. Ведь до войны Плеханов выступал решительным сторонником интернационализма и защищал позиции последнего на Цюрихском конгрессе II Интернационала в 1893 г. в качестве докладчика по военному вопросу³⁴. На чрезвычайном Базельском конгрессе 1912 г., осудившем подготовлявшуюся войну, Плеханов не присутствовал, но одобрял принятый тогда антивоенный манифест.

Но в конкретной исторической ситуации 1914 г. он превратился в настоящего шовиниста и, естественно, получил самую резкую оценку в работах В. И. Ленина. Так, в «Прощальном письме к швейцарским рабочим» Ленин прямо квалифицировал Плеханова как представителя «русского (и англо-французского) социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле», объявившем «грезофарсом» большевистский лозунг превращения империалистической войны в гражданскую³⁵. В. И. Ленин указывал, что Плеханов политически пал «до уровня самого вульгарного, самого дюжинного бур-

жуазного шовиниста, не желающего знать (или никогда не знавшего) о том, что война есть продолжение политики, что война и политика связаны с интересами определенных классов, что надо разобрать, какие классы и из-за чего воюют»³⁶.

Эти резкие оценки объяснялись тем, что шовинизм Плеханова питался прежде всего меньшевизмом его общеполитических установок и означал отказ оппортуниста от использования военного кризиса для дела революции. Плеханов забывал о том, что национальное порабощение русского народа в 1914 г. было еще только угрозой, между тем его социальное угнетение являлось историческим фактом многовековой давности. Поэтому подлинно патриотическая задача русского революционера заключалась тогда не в преодолении внешнеполитических затруднений царизма, а в ниспровержении последнего, социальном освобождении России и тем самым укреплении ее национальной независимости. Плеханов абстрактно рассуждал о России, игнорируя ее внутренние социально-экономические и политические противоречия. Отрицая революционные перспективы России, Плеханов выдвинул на первый план ее внешнеполитические затруднения и решил сам включиться в драку, выступив на стороне одного из лагерей империализма. Следовательно, Плеханов оказался шовинистом потому, что перестал быть революционером, марксистом. Политически он еще больше измельчал и в обстановке, благоприятной для революции, фактически «определился» на службу к царизму. В результате реабилитации Антанты, а тем более русского империализма, он сделал основной темой своей публицистики военного времени. Социализм на словах и империализм на деле стали политическим credo Плеханова на старости лет. Резкая оценка В. И. Лениным плехановского шовинизма опиралась на совершенно бесспорные факты.

Кроме того, шовинизм Плеханова был, несомненно, углублением тех оппортунистических ошибок, которые он допускал еще в довоенный период в разрешении вопроса об отношении социалистов к империалистическим войнам. Его энергичные и стародавние выступления против лозунга всеобщей стачки как формы сопротивления

³³ «Единство», 1917, № 9—11, 28, 51, 14, 24, 47, 25, 32, 38, 52.

³⁴ См. также Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 372, 267, 269.

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 363.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 91—92.

пролетариата милитаристам фактически означали оппортунистическое решение проблемы. Ведь тем самым он отрицал за рабочим классом право на использование одного из наиболее действенных средств в борьбе с империалистической агрессией. Плеханов ссылаясь (еще на Цюрихском конгрессе) на то, что всеобщая забастовка поставит в невыгодное положение страны с развитым рабочим движением, так как лишь в них она найдет себе применение. Но практически это означало политическое разоружение рабочего класса этих стран в борьбе за мир. Плеханов шел на поводу у лидеров германской социал-демократии, испугавшейся своего влияния в массах, и давал явно хвостистское решение вопроса. Не случайно поэтому он и во время войны использовал эту аргументацию, ссылаясь на то, что всеобщая стачка приведет лишь к победе «той страны, в которой социалистическая партия очень слаба»³⁷. Плеханов ориентировался на политически отсталые массы, забывая о том, что успех антивоенной забастовки в одной стране может сделать ее популярной среди рабочих других стран. Он принимал «алгебраическую формулу» Ледебура о необходимости для социал-демократов использовать все средства для борьбы с военной опасностью, но практически сводил все к пустой фразе. Он еще до войны 1914 г. санкционировал отказ II Интернационала от выработки конкретной и действенной программы борьбы за мир или революционный выход из кризиса, если война станет фактом. Его неоднократные выступления против методов всеобщей забастовки наглядно свидетельствуют об этом.

Вместе с тем плехановский шовинизм был отчасти ответной реакцией на империалистическую политику лидеров германской социал-демократии и отражением шовинистических настроений французских социалистов. Плеханов возмущался вероломством Шейдемана, Гаазе и других, предавших 4 августа 1914 г. своим голосованием за военные кредиты кайзеровской Германии дело пролетарского интернационализма и социализма. В таких условиях стародавние связи Плеханова с лидерами французских социалистов оказали огромное влияние на его политическую эволюцию. Ведь еще на Лиможском

съезде 1906 г. эти лидеры провели резолюцию, обязывающую социалистов атакованной страны защищать свою родину. Поэтому они, отражая реваншистские настроения во Франции, с самого начала войны выступали яркими шовинистами и увлекли за собой Плеханова. Он не был простой жертвой августовской паники в Париже, как это утверждали некоторые комментаторы. Но совершенно бесспорно огромное влияние на него французских оппортунистов. Его реферат в Лозанне, речь перед русскими волонтерами и интервью русскому профессору убедительно доказывают это. В своем интервью в середине сентября 1914 г. он признал победу Антанты делом цивилизации, а в реферате заявил, что французы находятся в состоянии законной самообороны и только немецкие социал-демократы не выполнили свой долг.

В письме А. Шляпникову от 17 октября 1914 г. В. И. Ленин с возмущением отмечал, что Плеханов «стал шовинистом-французом» и происходит его «приспособление к Каутскому, который теперь *вреднее всех*»³⁸. Ленин указывал, что позиция Плеханова в вопросах войны — вовсе не случайность, так как «мы все слишком привыкли за последние 10 лет» к проявлениям «плехановского радикализма в теории и оппортунизма на практике»³⁹.

Ленин разоблачал оппортунистический хвостизм Плеханова в разрешении проблем, поставленных первой мировой войной, и писал летом 1915 г., что экономизм 1894—1902 гг. был, несомненно, течением мелкобуржуазно-оппортунистическим, но «целый ряд аргументов и черт его идеологии — «струвистское» извращение марксизма, ссылки на «массу» в оправдание оппортунизма и т. д. — поразительно напоминают теперешний, опощенный, марксизм Каутского, Кунова, Плеханова и проч.»⁴⁰.

Само собой разумеется, что при анализе истоков плехановского шовинизма нельзя обойти молчанием и его социальные корни. Тезис Покровского о том, что Плеханов отражал специфические влияния технической интеллигенции, явно не соответствует действительности, так как Плеханов не имел к этой интеллигенции никакого

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 120.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 83.

³⁹ Там же, стр. 231.

⁴⁰ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 2, стр. 54.

отношения. Зато влияние на Плеханова мелкой буржуазии в более широком смысле этого слова не подлежит сомнению. Как уже отмечалось выше, за долгие годы эмиграции он потерял связи с рабочим классом России и стал профессиональным литератором, публицистом, одним из лидеров II Интернационала. Его жизненная стихия оказалась мелкобуржуазной, и это сказывалось на политических симпатиях Плеханова. Ленин поэтому в одной из статей 1915 г. прямо называл Плеханова той поры выразителем интересов «мелкой буржуазии в России в данный момент»⁴¹.

Наконец, шовинистические тенденции опирались на теоретические ошибки Плеханова в понимании сущности империализма, отмеченные в предыдущем изложении. Правда, сами они, в свою очередь, определялись меньшевистскими, оппортунистическими установками Плеханова в основных вопросах экономики и политики. Влияние было двусторонним и взаимным, так как, заняв шовинистическую позицию в вопросах войны, Плеханов, естественно, искал обоснование этой позиции во всякого рода теоретических доводах и прежде всего в своеобразной интерпретации империализма. Сами определения последнего приспособлялись к тем шовинистическим установкам, которых Плеханов твердо держался в годы первой мировой войны. С другой стороны, в том обосновании, которое Плеханов пытался тогда дать своему шовинизму, неизбежно сказывались особенности его понимания империализма, а тем более самой войны 1914 г., как необычайно яркого проявления последнего.

Поэтому необходим специальный анализ плехановской аргументации в пользу шовинизма, чтобы интересующая нас тема настоящей главы могла считаться исчерпанной.

Как опытный полемист и тонкий мыслитель, Плеханов адресовался к аргументам самого разнообразного характера. Вследствие этого его аргументация выглядит весьма пестрой и трудно поддается систематическому изложению. Она отличается многообразием, но все-таки не достигает цели. Ее несостоятельность становится очевидной при более близком выяснении существа дела. Хотя рассуждения Плеханова и отличаются публицисти-

ческим многословием, однако его аргументации не хватает фактических материалов по истории современного капитализма, которыми столь богаты работы В. И. Ленина, посвященные вопросам империализма.

Главным же изъяном аргументации Плеханова оказалось отсутствие марксистского анализа противоречий империализма, понимания последнего как особой стадии в развитии капитализма и кануна социалистической революции.

Аргументация Плеханова имеет казуистический характер и часто превращается в дешевую демагогию, рассчитанную на внешний успех. Но логическая казуистика и игра в дефиниции не в состоянии компенсировать ее теоретической несостоятельности и скрыть антимарксистские тенденции автора.

Плеханов только подыскивал «социалистические» доводы для шовинистической демагогии Антанты. Он клятвенно заверял читателей, что по-прежнему развивает классовую точку зрения пролетариата. Однако на самом деле он стоял на позициях буржуазного шовинизма.

Это наглядно показал В. И. Ленин в целом ряде своих произведений.

В статье «Крах II Интернационала» (лето 1915 г.) он указывал, что Плеханов и Каутский подыскивают теперь разного рода «народные (или, вернее, простонародные, взятые из уличной буржуазной прессы) оправдания войне...», на что способны «только люди без тени социалистических убеждений». Ленин прямо заявлял, что они усыпляют народ шовинизмом, между тем как задача состоит в том, чтобы возбуждать и встряхивать народ. При этом, как отмечал Ленин, в «шодмене диалектики софистикой Плеханов побил рекорд», и даже любого рода «взбитую пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя незуитской ссылкой на «диалектику». Ленин считал, что Плеханов развивает струвистскую теорию, согласно которой военная «победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит, и наступление социализма», в силу чего необходимо поддерживать империалистическую войну⁴².

Позднее, в 1916 г., Ленин считал возможным говорить о гнусном лицемерии и позорной бесхарактерности

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 368.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 186, 193, 197.

Плеханова⁴³, а в 1917 г. утверждал, что шовинисты плехановского типа — «одинаково погибшие для социализма на деле» и «отличаются только словесно друг от друга»⁴⁴. Ленин даже указывал, что «в позиции Плеханова есть последовательность», но это — «последовательность *измены социализму*»⁴⁵.

Таким образом, нужно признать совершенно неудачными попытки Плеханова связать шовинизм с задачами рабочего движения, классовой борьбы пролетариата, а тем более проблемами научного социализма. Простое разграничение наступательных и оборонительных войн не снимало общей ответственности за катастрофу 1914 г. со всех империалистических держав и, следовательно, не устраняло задач революционной борьбы с империализмом, превращения империалистической войны в войну гражданскую. Плеханов же успокаивался на этом разграничении, раз оно допускалось Марксом. Догматически истолковывая марксизм, он вновь и вновь игнорировал тот капитальный факт, что Антанта воевала за спасение своих колониальных империй.

Конечно, Плеханов был прав, когда писал, что германский империализм является смертельным врагом русской революции и политической свободы русского народа. Но и из этого правильного положения он делал неправильный вывод, утверждая в 1917 г., что задача русских социалистов состоит в поддержке империалистической политики русской буржуазии, а не в углублении революции. Он не видел творческих задач русской революции и отмечал лишь ее разрушительные последствия. Поэтому Плеханов предсказывал гибель России в 1917 г., т. е. как раз тогда, когда в жестокой борьбе за социалистическую революцию создавалась наилучшая гарантия национальной независимости России.

В плехановском обосновании шовинистической концепции первой мировой войны было много пафоса и восклицательных знаков, но никакого подобия подлинной аргументации. Ламентации Плеханова относительно цивилизации нельзя было брать всерьез, они могли быть убедительными только для обывателя и несправлимого шовиниста. Рассуждения же о демократических дости-

⁴³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 131.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 525.

⁴⁵ Там же, стр. 290.

жениях Антанты имели либеральный характер и заключали в себе слишком большую дозу фарисейства. Ведь до 1917 г. Россия с ее самодержавием и православием отнюдь не являлась образцом демократии, а между тем она была действительным членом Антанты, и Плеханов вполне одобрял политику русской дипломатии. Да и политическая структура Англии, особенно ее колониальная система, была далека от подлинного демократизма. В своей работе «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“», написанной в начале октября 1916 г., В. И. Ленин признал фальшивой позицию Плеханова и французских социал-шовинистов, ссылавшихся на республику во Франции, чтобы оправдать «защиту» ее против монархии в Германии⁴⁶.

Демократическая фразеология и казуистическая аргументация Плеханова давали ложную оценку первой мировой войне, являвшейся грандиозным конфликтом национальных группировок международного капитала, объединенного в могущественных монополиях. Плеханов не понял своеобразия этой войны и довольствовался поверхностным противопоставлением деспотизма и варварства турецких султанов «демократии» и цивилизации Антанты. При этом вновь и вновь обнаруживалось, что у него отсутствовал масштаб для оценки событий, так как его демократические иллюзии и казуистические рассуждения игнорировали коренные особенности эпохи империализма. Аргументации Плеханова не хватало понимания сущности империализма, а тем более научной теории последнего, разработанной с позиций марксизма. В результате он оперировал весьма тривиальными изречениями шовинистической пропаганды, что цивилизация выше варварства, что социализм не исключает любви к отечеству и интернационализм предполагает существование нации, что верность союзникам является политической добродетелью со времен Адама и правомерные интересы каждой страны вполне достойны защиты и т. д. Плеханов неизменно рассуждал так, как если бы речь шла о Тридцатилетней войне средневековья или Пелопонесской войне античности: он противопоставлял народы и государства, варварство и цивилизацию, справедливость и насилие, совершенно игнорируя злобную

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 23.

роль монополистического капитала. Он забывал тот капитальный факт, что в эпоху империализма войны стали делом монополистических корпораций международного капитала, магнаты которого по-своему переделывали мир в экономическом отношении, отнюдь не считаясь с его политическими границами, национальностью покупателей своих товаров и соображениями справедливости, патриотизма, цивилизации, демократии. Все эти мотивы были чужды для хищников монополистического капитала, подготавливавших катастрофу 1914 г., и когда Плеханов начал оценивать события первой мировой войны с точки зрения этих мотивов, он попадал в нелепое положение старомодного портного, который собирался быть закройщиком, не зная вкусов своих заказчиков. В оценке первой мировой войны он оперировал допотопными представлениями, не учитывая того, что империализм есть эпоха монополистического капитализма и канун социалистической революции. Он искал решения вопроса в устаревших определениях и приходил к чудовищным выводам, что империалистический разбой XX в. является делом цивилизации, патриотизма, справедливости, демократии и прогресса.

Яркий пример своеобразного анахронизма дают рассуждения Плеханова о добродетелях верности союзникам. Плеханов игнорировал международные связи и обязательства рабочего класса. Поэтому в ответ на заявление Плеханова, что Россия не может изменить своим союзникам, так как это покрыло бы ее позором, и, следовательно, война должна продолжаться, В. И. Ленин указывал, что «между рабочими всех стран есть другой договор, именно Базельский Манифест 1912 года (Плехановым тоже подписанный и... преданный)»⁴⁷. Плеханов явно упрощал картину международных отношений XX в., устраняя из поля своего зрения интернациональные связи рабочего класса.

Этот же анахронизм суждений сказывался у Плеханова и в альтернативной постановке вопроса относительно исхода войны, которая с его точки зрения могла закончиться только решительной победой России или лишь страшным ее поражением. Следовательно, Плеханов заранее исключал возможность третьего исхода войны на

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 190.

базе революционной борьбы пролетариата с империализмом, путем углубления происходившей в России 1917 г. революции. Он метафизически противопоставлял победу пораженню, игнорируя тот факт первостепенной важности, что империализм есть загнивающий капитализм и его противоречия подготовили возможность революционного выхода из войны. Плеханов много писал о рабочем классе, но в тяжелые годы первой мировой войны забыл об его огромной исторической роли. Он заранее снимал революционные задачи пролетариата, состоявшие в активном использовании противоречий империализма и военной обстановки для дела социалистической революции. Все проблемы первой мировой войны Плеханов решал на основе той ложной предпосылки, что историческая роль рабочего класса в XX в. равна нулю, а социалистическая революция не актуальна для Европы, оставаясь чисто абстрактной возможностью самого отдаленного будущего.

Это показывает, что меньшевистский оппортунизм с его отказом от революционной борьбы за социализм был корнем основных ошибок Плеханова в понимании империализма и развитой им шовинистической оценки первой мировой войны. Шовинизм Плеханова был практическим применением его оппортунизма в конкретных условиях войны 1914—1918 гг.

Существенно важным пороком его аргументации было то, что в обосновании шовинизма он нигде не проводит различия между англо-французской Антантой и Россией. Поэтому его «русские аргументы» оказывались смехотворными, когда они переносились на Антанту вообще, хотя сами по себе эти аргументы и заслуживали серьезного рассмотрения. Плеханов ставил перед собою внутренне противоречивую и фактически неразрешимую задачу.

Так, он правильно указывал, что военный разгром России может привести к усилению ее полуколониальной зависимости от монополистического капитала Германии, ссылаясь на хозяйственную отсталость России, слабость ее промышленности и т. д. Но когда аналогичным образом Плеханов начинал защищать британский империализм с его мощной промышленной базой и богатейшей колониальной империей, то он явно брал фальшивую ноту. Нельзя было на индустриальную Англию

переносить положения, касавшиеся аграрной России, а тем более игнорировать тот факт, что и русский капитал господствовал на обширной колониальной периферии Азии. Плеханов демагогически упрощал всю картину экономики стран Антанты и не хотел выяснять особенности русского империализма.

Плеханов правильно подчеркивал, что германский империализм должен считаться реальной угрозой для русской революции, но явно впадал в риторику, когда именем русской революции пытался в 1917 г. реабилитировать Антанту.

Что же касается апелляции Плеханова к авторитетам II Интернационала, то она может вызвать только улыбку. Плеханов адресовался даже к Бернштейну, теоретическое ничтожество и политическое банкротство которого сам в свое время доказывал столь блестящим образом. Наконец, его экскурсы в историю при обосновании шовинизма ничего не давали, так как Россия XVIII—XIX вв. скорее страдала от излишней воинственности «царствующего дома» Романовых, чем от ее недостатка. Говорить о великодушии Николая I, игравшего роль настоящего жандарма в Европе, нет абсолютно никаких оснований. В своей большой работе «История русской общественной мысли» Плеханов в самой резкой форме воспроизводил фальшивую теорию дворянско-буржуазной историографии о надклассовости русского самодержавия и примирении классов на почве оборонительных задач России в прошлом и настоящем. Эти измышления не могли прибавить чего-либо к аргументации Плеханова, искажали русскую историю, противоречили ее элементарным фактам. Поэтому, оправдывая лозунги «гражданского мира» в России и «в воюющих странах европейского Запада», Плеханову приходилось давать отставку даже логике и доказывать, что «война принесла с собою такие исключительные условия, к которым уже не применима формальная логика мирного времени».

Плеханов апеллировал к диалектике, но давал ей, как это отмечалось Лениным, софистическое применение. В. И. Ленин имел все основания утверждать, что в годы войны Плеханов выступал на политической арене как типичный представитель социал-шовинистов «4-того класса»⁴⁶.

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 413.

Весьма часто Плеханов высказывался относительно условий предстоящего мира, интересами которого он во многих статьях мотивировал поддержку империалистической политики Антанты. Используя то правильное положение, что вооруженный разгром агрессии должен привести к умиротворению Европы, Плеханов пытался обосновать совершенно ошибочный тезис, будто Антанта является ангелом мира и совсем неповинна в завязавшей драке. С другой стороны, как уже отмечалось выше, он исключал в своих прогнозах революционный выход из войны и водворение мира победоносным пролетариатом. Он отказывался от революции, защищал Антанту и в этом состоял смысл его длинных рассуждений относительно войны 1914—1918 гг. Об этом свидетельствует и то решение проблемы послевоенных договоров, которое проектировал Плеханов. Оно страдало шовинизмом, а главное — игнорировало коренные задачи революционного пролетариата, интересы мировой социалистической революции. Задачи будущих мирных договоров он сводил к водворению справедливости среди все тех же акул империализма.

Глава XIII

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ПЛЕХАНОВА В 1917 году

В политическом развитии Плеханова в 1917 г. наблюдался сдвиг вправо. Когда 13 апреля 1917 г. Плеханов прибыл в Россию, ему были оказаны все внешние почести, включая почетный караул и красноречие словоохотливых меньшевистских лидеров — Чхеидзе, Церетели и других, приветствовавших его от имени Петроградского Совета.

Однако политика поддержки империалистической войны и соглашения с русской буржуазией была столь откровенной и непопулярной среди рабочих, что даже лидеры меньшевистско-эсеровского блока избегали контакта с ним, опасаясь потерять влияние среди рабочих. Плеханов соглашался быть министром коалиционного правительства, но ему пришлось довольствоваться ролью председателя комиссии, занимавшейся вопросами заработной платы железнодорожников¹. Его имя было настолько непопулярно, что меньшевистско-эсеровский исполком Петроградского Совета предложил ему лишь совещательный голос, от которого он отказался.

Плеханов стал во главе крохотной и беспринципной группы «Единство», бесплодно пытавшейся объединить под своим знаменем мелкобуржуазные группировки. Он совершенно не понял исторического значения Апрель-

¹ См. Г. Наумов. Г. В. Плеханов. Киев, Изд-во «Жизнь», 1919, стр. 81.

ских тезисов В. И. Ленина. А между тем, как писал Ленин в апреле 1917 г., народные массы создают в лице Советов новую форму государства, не дожидаясь того, когда «педавы и рутинеры мелкобуржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве»², а именно от фетишизации буржуазной республики, ее парламентаризма.

В новой обстановке 1917 г. Плеханов цеплялся за политические установки 1905 г., ставшие для него традицией³. Демонстрируя свою принципиальность и неизменность своих взглядов, он даже в 1917 г., в радикально изменившейся политической ситуации, повторял старые формулы и ту полукadetскую оценку буржуазно-демократической революции, которую он дал еще в 1905 г. Он упорно игнорировал новые явления в жизни России и прежде всего то первостепенное обстоятельство, что буржуазно-демократическая революция уже совершилась, рабочий класс за истекшие 12 лет стал политически более зрелым, а Россия — экономически более подготовленной для социалистических преобразований.

Но всего этого недостаточно для объяснения того, почему экономическая платформа Плеханова в 1917 г. оказалась столь худшей, фактически буржуазной и свелась к призывам пойти на выучку к капитализму для трезвой, «культурной работы» на благо Колупаевых и Разуваевых. На самом деле в 1917 г. Плеханов пошел еще дальше вправо, и это может быть доказано материалами его публицистики.

Еще весной 1915 г. Плеханов признавался, что с его точки зрения «может быть, наша конечная цель дальше от нас, нежели мы думали»⁴.

Позднее же, в 1917 г., он вполне был удовлетворен событиями «славной мартовской революции» и считал, что эту революцию надо беречь, а не углублять. Плеханов испытывал какой-то панический страх перед гражданской войной в России, а тем более диктатурой пролетариата. Он выражал сожаление об отставке Гучкова и Корнилова, а после открытого выступления корниловцев с оружием в руках против революции считал необходимым

² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 47.

³ «Единство», 1917, № 99.

⁴ Г. В. Плеханов. О войне, изд. 2, стр. 85.

защищать их в своей газете, требуя для обвиняемых «по делу названного выступления» всех законных «средств самозащиты». В целой серии своих статей Плеханов занимался реабилитацией кадетов, заявляя, что если многие «контрреволюцию нередко ищут в кармане П. Н. Миллюкова», то «там ее не найдут», хотя сам же вынужден был потом писать об адвокатах Корнилова, выстулавших на страницах кадетской «Речи»⁵.

По его мнению, «эти неудачные статьи» не имели контрреволюционного содержания. Он допускал лишь возможность «бессознательного сотрудничества» кадетов с контрреволюцией, аргументируя тем, что эта «партия народной свободы сама была нелегальной при нашем старом порядке» и «приняла горячее участие» в низвержении царского правительства. Плеханов и в сентябре 1917 г. доказывал, что несправедливо было бы «делать целую партию ответственной за 2—3 статьи» в ее органе, и по-прежнему настаивал, что кадетская партия «не будет уличена в преступном содействии корниловскому мятежу». Больше того, он писал, что не видит «разницы между теми, которые скомпрометировали себя в глазах закона участием в корниловском наступлении, и теми, которые находятся под следствием по делу о беспорядках 3—5 июля». Он приветствовал рукопожатие Бубликова — Церетели на Московском совещании и доказывал, что вообще «наш промышленный класс не заражен духом реакции»⁶.

Весьма наглядное представление о том, насколько далеко Плеханов в 1917 г. зашел вправо, дают его тошнотворные призывы к пролетариату о примирении с буржуазией. Он просто идеализировал последнюю и ухаживал за ее лидерами, доказывая вред классовой борьбы в России 1917 г., поскольку эта борьба не самоцель, а «только средство для защиты классовых интересов». Он предлагал переименовать «буржуев» в «торгово-промышленный класс», гордился тем, что сам говорит «с буржуазией тоном серьезной и спокойной деловитости», и призывал российский пролетариат последовать этому примеру. Возлагая свои упования на Керенского, он искал в 1917 г. «разрешение двух враждебных противо-

ложностей», т. е. противоречий между пролетариатом и буржуазией, на почве их соглашения, «в широкой системе социальных реформ», представляющих собой «незаменимое условие... развития производительных сил». Плеханов предлагал требовать уступок от торгово-промышленного класса, но сам смиренно просил их, ссылаясь на то, что «в каждой стране самой драгоценной производительной силой является ее трудящееся население»⁷. Он, следовательно, аргументировал ценностью рабочей силы пролетариата в сфере производства, где она является достоянием буржуазии, вместо того, чтобы указать на его политическое значение, удельный вес в политической жизни. Плеханов ссылаясь на добротность того товара, который буржуазия получала от рабочих, и в экономических интересах фабрикантов искал точки опоры для политики социального компромисса, уговаривая буржуазию встать на путь социальных реформ. Плеханов начинал ее учить политическому такту и политике уступок, заявляя фабрикантам и заводчикам, что в их «собственных интересах необходимо искать сближения с пролетариатом». На склоне лет Плеханов превратился в политического наставника тузов российского капитала, причем даже воинственные выступления их представителя — миллионера Рябушинского — с «истерическими призывами к борьбе» не смущали основателя группы «Освобождение труда». В ответ на это Плеханов считал нужным требовать сознательности от русской буржуазии и рекомендовать самокритику «нашему торгово-промышленному классу», сожалея о том, что он «не считался даже со своими собственными интересами».

Выступая в роли ангела-хранителя интересов буржуазии, он неустанно разъяснял ей эти последние, указывая на пример передовых капиталистических стран, где «наемный рабочий, живущий в лучших материальных условиях, оказался более производительным даже «с чисто капиталистической точки зрения», а «дешевая» рабочая сила оказалась дороже «дорогой»⁸. Он не замечал при этом, что сам рассуждал как раз «с капиталистической точки зрения» и брал на себя контрреволюционную роль среди рабочего класса России.

⁵ «Единство», 1917, № 18, 28, 20, 131, 129.

⁶ «Единство», 1917, № 135, 144, 123.

⁷ «Единство», 1917, № 115.

⁸ «Единство», 1917, № 112, 110, 111.

Плеханов жалел, что, «разочаровавшись в революции, известная часть наших предпринимателей начинает отрицательно относиться к таким мероприятиям правительства в области социальной реформы, которые не только вполне согласимы с существованием капиталистического способа производства, но прямо необходимы для его развития в широком современном масштабе». Он неизменно исходил из той навязчивой мысли, будто русская буржуазия и в самом деле довольна революцией 1917 г. Пресмыкаясь перед буржуазией, Плеханов обращался к рабочим России с евангельским поучением на тему «будьте кротки, как голуби, и мудры, как змии».

Издеваясь над азбукой марксизма, Плеханов доказывал, что поскольку «из противоположности интересов буржуазии и пролетариата вовсе не следует, будто пролетариату всегда выгодно вредить буржуазии», как показывает движение разрушителей машин, то пролетариату следует ориентироваться на соглашение с ней, тем более что в условиях развитого капитализма «еще легче отметить случаи совпадения интересов пролетариата с интересами буржуазии»⁹. Следовательно, с точки зрения Плеханова по мере развития капитализма возможности примирения пролетариата с буржуазией все больше возрастают. Спекулируя все время на возможности такого случая, когда интересы пролетариата и буржуазии в чем-либо совпадают, он предлагал возвести это совпадение в норму, определяющую их отношения. Плеханов патетически спрашивал: «Неужели интересы рабочих всегда и во всем противоположны интересам капиталистов?». Как проповедник социального мира, он решительно утверждал, что, «когда речь заходит о сбыте произведений промышленности, тогда интересы наемных рабочих могут совпасть с интересами предпринимателей», так как расширение сбыта увеличит прибыль последних, их спрос на рабочую силу и повысит заработную плату рабочих. В этой области, по его мнению, естественно, возникает «уже не борьба классов, а их сотрудничество»¹⁰. Значит, тоска Плеханова в 1917 г. по «социальному миру» вовсе не объяснялась мотивами

⁹ «Единство», 1917, № 99, 100.

¹⁰ «Единство», 1917, № 47.

конъюнктурного характера, требованиями «текущего момента», раз основу для примирения пролетариата с буржуазией он искал в самой экономике капитализма, его существенных особенностях.

При этом расширение социальной базы русской революции он допускал только за счет буржуазии и в последний день августа 1917 г. писал в своей газете, обращаясь к правительству: «Расширяйте социальную основу своей политической власти; привлекайте в свою среду действительных представителей торгово-промышленного класса. Сим победите!». Плеханов тенденциозно игнорировал подлинно революционные слои населения России и из уроков корниловщины делал тот парадоксальный вывод, что опорой для революции следует искать среди контрреволюционной буржуазии. Больше того, интересы этой буржуазии он признал лимитом революционных требований пролетариата в 1917 г., так как рабочим, по его мнению, нельзя было «требовать от торгово-промышленного класса, чтобы он перестал быть торгово-промышленным классом и перешел на пролетарскую точку зрения». Классовые интересы буржуазии Плеханов делал какой-то святыней, которая могла ограничивать революционную активность пролетариата. У последнего, согласно концепции Плеханова, вовсе «не должно быть таких требований, которые неприемлемы для представителей других классов»¹¹.

Ошибкой было бы полагать, будто Плеханов, как утверждали некоторые «комментаторы» его произведений, просто «потерял голову» в калейдоскопе событий 1917 г. или стал жертвой навязчивой идеи единства всех демократических элементов страны. Ведь его эволюция вправо резко обнаружилась также в явно оппортунистической оценке явлений, происходивших далеко за пределами России. Так, свое преклонение перед английской конституцией он довел до крайности, объявив ее самой демократической в Европе, образцом европейской демократии, учительницей «всего цивилизованного мира»¹².

Само собой разумеется, что, эволюционируя вправо, Плеханов не мог в раскаленной атмосфере 1917 г. оста-

¹¹ «Единство», 1917, № 129, 144, 30.

¹² «Единство», 1915, № 5, 22.

ваться лишь в сфере чисто платонических рассуждений о пользе коалиций и примирении враждебных классов. Он, естественно, выдвигал практические требования, и в них-то особенно резко сказывались новые тенденции в его политической ориентации. Практические требования Плеханова как ренегата делали более осязательными и неприглядными его «новейшие» политические установки. Он и эсеры находил слишком революционными, а в вопросах аграрной политики, как уже отмечалось в одной из предыдущих глав, выступил с кадетскими предложениями о выкупе помещичьих земель (во избежание нищеты бывших дворян) и об установлении неприкосновенного минимума крестьянской собственности на землю.

Все эти кадетские рассуждения Плеханова неизбежно перерастали в практические лозунги борьбы с социалистической революцией под знаменем парламентаризма, чисто буржуазной демократии. Лозунг диктатуры пролетариата Плеханов подменял лозунгом «революционной диктатуры организованного народа» и категорически отвергал предложение о создании правительства «рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», как опасное осуществление программы Ленина. Больше того, он не одобрял даже создания так называемого предпарламента, выражая опасения, что последний может ущемить права тех, кто не согласен с «революционной демократией»¹³. Он выступал вновь и вновь в защиту политических прав буржуазии, отвергая всякое посягательство на них, хотя на самом деле этот предпарламент предназначался для ограничения политических требований рабочих, их умиротворения.

Зато Плеханов тосковал о «твердой власти» и реформах, выработанных на основе «соглашения между революционной демократией и торгово-промышленной буржуазией». Эти реформы должны стать «лучшим средством борьбы с распространением утопических лозунгов в среде русского пролетариата». Он предупреждал русскую буржуазию об угрожающей ей революционной опасности и поучал 7 июля партию кадетов, что, уйдя из правительства, «она тем самым увеличила шансы победы ленинской тактики». 9 августа он доказывал

¹³ «Единство», 1917, № 86, 142.

буржуазии, что всякое промедление с осуществлением социальных реформ «крайне опасно», так как ведет к революционизированию рабочего класса России¹⁴.

Плеханов прямо выдвигал лозунги борьбы с идеей социалистической революции и предлагал «вести свою пропаганду и агитацию так, чтобы под их влиянием народ не вообразил, будто ему не остается ничего другого, как теперь же попытаться сделать социалистическую революцию». Так как именно большевики являлись реальными носителями этой идеи, то Плеханов не останавливался даже перед инсинуациями всякого рода по их адресу. Он вновь и вновь призывал буржуазное правительство к политике репрессий в отношении большевистской партии, пытаясь аргументировать правом «демократического большинства» на самозащиту, необходимостью «как можно решительнее противопоставить силе силу», заменить оружие критики критикой «посредством оружия». Он оправдывал репрессии задачей борьбы с анархией, усваивая старомодную терминологию реакционного свойства, с точки зрения которой всякое революционное выступление народа является неизбежно анархией. Плеханов приветствовал воинственные заявления Керенского о широкой политике репрессий после Московского совещания¹⁵.

Круг явно замыкался, и Плеханов катился по наклонной плоскости меньшевизма в лагерь контрреволюции. Больше всего он писал в 1917 г. о добродетелях «единства революционной демократии», выступая против углубления революции, в пользу коалиции с буржуазией. Но он готов был пожертвовать этим единством, если последнее поведет к упрочению власти пролетариата в России, и прямо заявлял, что в таком случае «несравненно лучше было бы, если бы на его месте водворилось разъединение». Не случайно поэтому народные массы считали, что газета Плеханова «противоречит рабочему и крестьянскому классу», как утверждал в своем письме из Ревеля матрос Степан Кокотько¹⁶.

В 1917 г. Плеханов довольно часто апеллировал к своим революционным заслугам прошлых десятилетий, однако это не оправдывало его ренегатства и совершен-

¹⁴ «Единство», 1917, № 123, 111, 83.

¹⁵ «Единство», 1917, № 69, 157, 81, 85, 123.

¹⁶ «Единство», 1917, № 147, 31.

но явной эволюции вправо. Ведь даже на государственном совещании в Москве, произнося ультраоппортунистическую, кадетскую речь под лозунгом социального мира, он доказывал, что всегда «был революционером и только революционером». В своем «Открытом письме к петроградским рабочим» Плеханов утверждал, что слухам относительно его перехода на сторону буржуазии может поверить лишь только тот, кто не имеет «ни малейшего понятия о психологии», и ссылаясь на то обстоятельство, что уже с начала 80-х годов им руководила «одна политическая мысль, мысль об историческом призвании пролетариата вообще и русского пролетариата в частности»¹⁷.

Но эти клятвенные заверения не изменяли положения вещей, и революционные заслуги в прошлом не исключали либерально-кадетских установок в настоящем. Махровый оппортунизм Плеханова в 1917 г. явно перерастал в нечто большее, чем политическая ошибка доктринерского происхождения. Плеханов неизбежно оказывался по другую сторону баррикад. Правда, эта неприглядная перспектива показалась слишком однозвучной для самого Плеханова и, как отмечалось раньше, он отказался в октябре 1917 г. от вооруженной борьбы с Советской властью, зачеркнув практически все то, что написал за год. Вопреки логике своей публицистики 1917 г. он вынужден был ретироваться с поля боя, хотя многое при этом объяснялось его тяжелой болезнью. Во всяком случае сам Плеханов в великие дни Октября 1917 г. молчаливо признал банкротство своей политической концепции, в том числе и экономической платформы. Ее фиаско он замечал еще и летом этого года, жалуясь на то, что широкие массы пролетариата и крестьянства слишком плохо воспринимают его лозунги и ему приходится повторно вновь и вновь разъяснять одно и то же, делая все новые и новые попытки «принудить читателя к пониманию наших взглядов»¹⁸.

Основные линии его идейной эволюции определялись дальнейшим сползанием вправо. Это — капитальный факт политической биографии Плеханова в 1917 г., объясняющий, почему его экономическая платформа тогда

оказалась буржуазной и свелась к проповеди примирения с господством в России хищников капитала. Не случайно поэтому в 1917 г. фамилия Плеханова фигурировала в подготавливавшемся тогда списке корниловских министров наряду с Родзянко, Третьяковым, Керенским, Ладониным. Впрочем, к чести его следует отметить, что когда начались события Великой Октябрьской социалистической революции, то Плеханов отказался участвовать в активной борьбе против Советской власти, несмотря на прямые предложения Савинкова от имени Керенского. Плеханов считал, что большевики взяли власть надолго и ни о каком серьезном сопротивлении большевикам не может быть и речи¹⁹.

Смертельно больной, он не мог уже участвовать в политической жизни и умер в 2 часа 30 мая 1918 г. в санатории доктора Циммермана²⁰ около станции Терюки (по Финляндской железной дороге). Он похоронен 9 июня на Волковом кладбище в Петрограде рядом с могилой Белинского, в соответствии с пожеланием самого Плеханова. В похоронах участвовала главным образом интеллигенция столицы (меньшевики, либералы).

О политическом крушении Плеханова в меньшевистский период и особенно в период Великой Октябрьской социалистической революции ярко свидетельствует однодневная газета «Памяти Г. В. Плеханова», выпущенная его сторонниками в день похорон своего учителя. Оказывается, что в собиравшийся тогда «фонд Плеханова» деньги вносили такие категории населения, как телеграфисты Николаевской железной дороги, зубные врачи, фельдшерицы, служащие Сибирского банка, аптек, Геологического комитета, страхового общества и т. д., во всем не рабочие Петрограда. Что же касается статей плехановских литераторов, то они поражают своим пустословием и фракционным бахвальством. Так, например, В. Канторович утверждал в своей статье «Великий западник», что в «истории русского рабочего движения Плеханов — наш Петр Великий», а «Россия в 1917 г. не доросла до Плеханова». Ст. Иванович писал, что Плеханов обладал редким «терпением к законам историче-

¹⁷ «Единство», 1917, № 173.

¹⁸ «Единство», 1917, № 63, 65, 66, 67.

¹⁹ См. Н. Иорданский, Октябрьские дни и Плеханов, «Пролетарская революция», 1922, № 3, стр. 251.

²⁰ См. Н. Иорданский, Основоположник русской революции, «Историко-революционный вестник», 1922, № 1, стр. 5.

ского развития» и «шел впереди истории», но «не таща ее за шиворот».

Эволюция экономических взглядов Плеханова нашла свое завершение в его экономической платформе 1917 г. Поэтому характеристика последней, естественно, должна стать заключительной главой всякой работы, посвященной анализу экономических воззрений Плеханова, особенно в меньшевистский период его идейной эволюции. Ведь в этой платформе обнаружались все особенности экономических взглядов Плеханова, так как ему приходилось решать вопросы первостепенной важности, поставленные грандиозными событиями революции 1917 г. Эти проблемы неизбежно вставали перед ним в ходе политической борьбы, навязывались ему идейными конфликтами текущего момента и требовали того или иного ответа. Актуальные вопросы экономической жизни тогдашней России неотступно преследовали каждого, кто собирался высказать свое суждение относительно политической ситуации в стране и перспективах ее революции. Политические проблемы революционной России неизменно переплетались с экономическими, и, анализируя первые, Плеханов, естественно, затрагивал и последние. В результате политическая публицистика Плеханова в 1917 г. оказалась насыщенной многочисленными экскурсами в область экономических проблем. Плеханов фактически развивал определенную программу экономической политики. Выяснение существенных черт его экономической платформы 1917 г., ее буржуазной сущности и контрреволюционной роли должно занять важное место в изучении идейной эволюции Плеханова как меньшевика. В этой платформе Плеханов ярко отразил свои меньшевистские установки 1903—1918 гг. в вопросах экономической теории и политической тактики. Он явно переходит в лагерь буржуазной контрреволюции. В 1917 г. он не писал специальных экономических исследований, но его многочисленные статьи, посвященные злободневным вопросам политической борьбы, не могли обойти проблемы экономики России и даже общих вопросов экономики капитализма, а тем более экономических предпосылок социализма. Больше того, некоторые статьи Плеханова вообще касаются преимущественно вопросов экономического характера, так как неразрывная связь экономики с политикой обнаружилась в вели-

кий год русской истории с необычайной определенностью.

Основное положение своей экономической платформы Плеханов формулировал много раз и сводилось оно к тезису о том, что Россия 1917 г. должна остаться капиталистической страной, а ее революция — чисто буржуазной.

Так, в своей статье «Борьба наемного труда с капиталом» Плеханов утверждал, что «толковать об организации социалистического общества в нынешней России — значит вдаваться в несомненную, и притом крайне вредную, утопию». Призывая «революционную демократию» к поддержке Временного правительства, Плеханов писал 18 июля 1917 г., будто «устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом». Во время «июльских дней» Плеханов доказывал, что в России мыслима только буржуазная революция, так как всякое ее углубление «породило бы анархию, за которой очень быстро последовала бы контрреволюция». Победа социалистической революции, по его мнению, «не замедлила бы привести нам экономическое банкротство внутри и самое жестокое поражение на всех театрах военных действий».

Плеханов твердо держался той мысли, что социализм «для России — это дело сравнительно отдаленного будущего» и «очередным вопросом исторического дня является у нас теперь развитие производительных сил на капиталистической основе»²¹. Этот тезис своей экономической платформы Плеханов повторял десятки раз, воспроизводя его в самых разнообразных вариантах. Он возвращался к нему вновь и вновь, вполне основательно считая его настоящим средо своей буржуазной программы капиталистического развития России.

В соответствии с ним Плеханов, переходя в лагерь контрреволюции, неизменно выступал против лозунга перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он соглашался с тем, что уже в феврале 1917 г. русскую «революцию сделала страна» (речь на государственном совещании в Москве), и потому народные массы, раз они пришли в движение, могут далеко пойти по пути революционных преобразований. Но

²¹ «Единство», 1917, № 44, 81, 83, 99.

он утверждал, что русским социалистам необходимо ограничиться реализацией минимальной программы, которая «рассчитана на постепенное осуществление в капиталистическом обществе». По мнению Плеханова, «непоследовательны те наши демократы, которые, с одной стороны, во всеуслышание признают, что Россия переживает теперь буржуазную революцию, а с другой, прилагают все усилия к тому, чтобы на практике свести к нулю влияние буржуазии».

Плеханов доказывал, что Февральская революция в России означает лишь начало новой эпохи в развитии капитализма и «нам предстоит еще пережить более или менее длительный период капиталистического развития»²². Он не допускал и мысли о возможности перерастания в условиях России буржуазно-демократической революции в социалистическую, между тем как В. И. Ленин прямо ориентировался на такое перерастание. Еще в своей статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» (сентябрь 1905 г.) В. И. Ленин писал, что при разрешении аграрного вопроса в России не исключена передача «крупных капиталистических имений ассоциациям рабочих, ибо от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции»²³.

Таким образом, Ленин уже в годы революции 1905 г. разработал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, новое решение вопроса о соотношении между буржуазной и социалистической революциями.

Позднее, в 1917 г., в своих знаменитых Апрельских тезисах В. И. Ленин дал целую программу углубления буржуазно-демократической революции и ее конечного перерастания в революцию социалистическую. Эти тезисы сыграли совершенно исключительную роль в политической борьбе 1917 г. и завершивших ее событиях Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому Плеханов, оказавшись по ту сторону баррикады, резко выступает в своих статьях 1917 г. против Ленина,

развивая свою экономическую платформу как программу борьбы против социалистической революции. Но его критические замечания по адресу В. И. Ленина явно несостоятельны и стоят на грани обыкновенных инсинуаций. Так, Плеханов доказывал, будто Апрельские тезисы написаны «при полном отвлечении от обстоятельств времени и места», и солидаризировался с репортером «Единства», утверждавшим, что речь Ленина при их обосновании была «бредовой». Он игнорировал то перво-степенное обстоятельство, что тезисы В. И. Ленина как раз и ориентировались на использование коренных особенностей буржуазной революции в России, которая происходила в условиях развитого капитализма, высокой концентрации промышленности и политической зрелости рабочего класса. Именно В. И. Ленин, призывая пролетариат использовать крестьянские резервы социалистической революции, учитывал своеобразие обстановки в России, где главным вопросом буржуазной революции являлось не расширение поля деятельности крупных капиталистов (путем устранения цехов, монополий и налоговых привилегий), а разгром дворянского землевладения в интересах крестьянства, мелкобуржуазной демократии.

Фактически Плеханов адресовал Ленину свои собственные измышления о характере русской революции, которую он считал обычным вариантом буржуазной революции, ее типичным явлением.

Совершенно извращая точку зрения Ленина, он приписывал ему лозунг немедленного «введения социализма» в России, так как мысли Ленина относительно постепенности переходных мероприятий, контроля над производством и т. д. рассматривались Плехановым лишь как попытка «успокоить свою марксистскую совесть»²⁴. Он без всяких оснований сводил гениальный план Апрельских тезисов Ленина к бунтарству Бакунина, хотя Ленин ориентировался на победу социалистической революции в результате революционной борьбы целого класса — пролетариата под руководством своей массовой партии, на использование материальной базы крупной индустрии и революционных возможностей крестьянства. Плеханов же опускался до настоящей клеветы на сто-

²² «Единство», 1917, № 111, 91, 117.

²³ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 213.

²⁴ «Единство», 1917, № 9.

ронников Ленина, когда начинал обвинять их в бунтарстве бакунинского толка.

Все идейные конфликты 1917 г. он демагогически сводил к антитезе марксизма и бакунизма, решительно заявляя, будто в России того времени речь шла «не о том, восторжествует ли у нас большевизм или меньшевизм», а о том, какие идеи восторжествуют «в нашей и социалистической среде, идеи Маркса или Бакунина»²⁵. Плеханов игнорировал существование ревизионизма внутри II Интернационала и его русской разновидности в лице меньшевизма, так как сам был представителем этого оппортунизма, ставшего знаменем определенной части контрреволюции. Поэтому политическим конфликтам 1917 г. он искал исторические параллели в далеком прошлом, допуская совершенно необоснованные аналогии. Обвиняя своих противников в бакунизме и бунтарстве, Плеханов пытался скрыть свой собственный оппортунизм и оправдать превращение международной социал-демократии в либеральную партию социальных реформ.

Не довольствуясь странным отождествлением большевизма с бакунизмом, Плеханов и в 1917 г. вытащил на свет свое старое обвинение Ленина в народовольчестве, хотя именно Ленин являлся подлинным антиподом эсеров и всегда квалифицировал их лишь как мелкобуржуазную демократию. Между тем сам Плеханов еще до войны 1914 г. стал блокироваться с эсерами и с конца 1912 г. вместе с ними сотрудничал в журнале «Современник», дал интервью газете «Юг», считал возможными политические связи с Савиновым и т. д. Во время же войны он вместе с правыми эсерами издавал в Париже газету «Призыв» и в 1917 г. многократно выступал за единство с ними под лозунгом объединения всех «живых сил» революционной демократии. Плеханов опять приписывал своим противникам домыслы и политические тенденции, свойственные ему самому.

Он произвольно считал народничеством ленинскую идею возможного перерастания буржуазно-демократической революции в России 1917 г. в социалистическую, игнорируя тот капитальный факт, что 1917 г. вовсе не был 1883-м и за истекшие 40 лет страна прошла слож-

ный путь социально-экономического развития. Плеханов зачеркивал полвека истории России, хотя за этот период в ней была создана крупная промышленность как материальная база социализма и возник современный пролетариат, революционное движение которого как раз и являлось политической предпосылкой конечного торжества социалистической революции. Он отождествлял социально-экономические условия России времен знаменитого «хождения в народ» с ситуацией 1917 г. и поэтому в любой постановке вопроса о социализме, даже простом углублении революции ему мерещились народовольческие идеи. Ослепленный своей борьбой с социалистической революцией, он оказывался в положении народников после реформы 1861 г., когда они продолжали толковать о победе «народного производства» и не видели успехов капиталистического развития России. Плеханов в свое время правильно критиковал ошибку народников, но он сам после промышленного подъема 90-х годов не замечал появления в России материальных и социальных предпосылок социализма. Став оруженосцем буржуазной контрреволюции, он обнаруживал удивительную политическую слепоту, явно игнорировал новые явления в экономической и политической жизни России.

Для большей убедительности Плеханов обвинял Ленина в бланкизме. Больше того, он объявлял сторонников Ленина «алхимиками революции», которые хотят искусственно ускорить исторический процесс, сделать в России социалистическую революцию в такое время, когда еще нет необходимых для нее условий.

Но Ленин в 1917 г. был руководителем массовой партии большевиков, за которой шли миллионы революционного пролетариата, и уже по одному этому не мог действовать заговорщическими методами Бланки. Рассуждения Плеханова о бланкизме Ленина оставались совершенно беспредметными. Он воспринимал как бланкизм всякую попытку организованной подготовки революционных выступлений пролетариата, полагая, видимо, что пролетарские партии создаются лишь для того, чтобы пассивно ожидать «пришествия социализма».

Звонкие фразы относительно «алхимиков революции» звучали фактически насмешкой над самим Плехановым как бывшим революционером и марксистом. Ведь он утверждал при этом, что социалистические партии суще-

²⁵ «Единство», 1917, № 35.

ствуют не для ускорения исторического процесса, и квалифицировал попытки активного вмешательства в исторические события как разновидность старомодной алхимии. Плеханов много и правильно писал в свое время об активной роли сознательной деятельности партий и целых классов в мировой истории. Однако в 1917 г., когда настал момент для активных выступлений русского пролетариата и самого Плеханова, он стал доказывать, что деятельность революционера вообще неправомерна, так как ускорять ход исторических событий могут только люди, верящие в социальную алхимию.

Таким образом, критикуя ленинские установки, Плеханов не смог формулировать сколько-нибудь убедительных доводов в пользу своего ренегатского тезиса, будто социализм для России 1917 г. являлся чистой утопией. Но к обоснованию этого тезиса он возвращался много раз, и его главным аргументом было положение об экономической незрелости России для победы социалистической революции. Он повторял это десятки раз и выдвигал на первый план во всех случаях, когда ему требовалось подкрепление его кадетских позиций в оценке перспектив русской революции. Так, Плеханов любил повторять, что Россия страдает не только от капитализма, но и от его недостаточного развития.

В специальной статье, посвященной критике Апрельских тезисов Ленина, Плеханов писал, что далеко не во всякое данное время возможен переход от одного способа производства к другому, и спрашивал, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, будто «его песенка у нас спета» и он уже не способствует развитию производительных сил страны? «Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, — утверждал Плеханов в ответ на этот вопрос, — но также и от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства». Отсюда он и делал тот вывод, что поскольку в России капитализм еще не стал «препятствием для развития ее производительных сил», то нелепо звать рабочих и беднейшую часть крестьянства к его низвержению или захвату политической власти.

Несколько позднее он «уточнил» эту формулу и стал воспроизводить ее в более утрированном виде, заявляя, что «мы страдаем не столько от капитализма, сколько от

недостатка его развития». В одной из своих статей он писал, что «современным высокоразвитым производственным силам станет тесно в рамках капиталистического способа производства», и «тогда капитализм должен будет уступить свое место социализму». Но, указывая на, «для России это дело сравнительно отдаленного будущего», так как «теперь Россия страдает... не столько от развития капитализма, сколько от недостатка его развития»²⁶.

Поэтому Плеханов доказывал, будто «русская история еще не смогла той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма», и если бы социалисты взяли власть, то дело закончилось бы жестоким поражением, так как потребовалась бы диктатура пролетариата и крестьянства, между тем «наша трудящаяся масса еще не готова для такой диктатуры», а Россия находится в состоянии небывалой экономической разрухи. Исходя из того, что Россия переживает теперь буржуазную революцию, Плеханов решительно настаивал, что «у нас не настала пора замены капиталистического способа производства социалистическим», а «если бы наш рабочий класс захотел стеснять дальнейшее развитие капиталистического способа производства, он тем самым нанес бы жестокий вред как всей стране, так и своим собственным интересам».

Даже в октябре 1917 г. он писал, что «в России не было объективных условий, нужных для углубления революции в смысле замены капиталистического строя — социалистическим», так как «крайняя экономическая отсталость России» делала, по его мнению, народную массу совершенно неспособной к сознательному и организованному движению в сторону социализма²⁷.

Когда вопреки предсказаниям Плеханова начались события Великой Октябрьской социалистической революции, он обратился с «Открытым письмом к петроградским рабочим», в котором доказывал, что «наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти», так как «в населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство».

²⁶ «Единство», 1917, № 11, 68, 99.

²⁷ «Единство», 1917, № 65, 111, 157.

Он не находил в России тех экономических условий, которые предполагаются диктатурой пролетариата, и потому, «несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну».

Следовательно, Плеханов весьма упорно пропагандировал ту мысль, что Россия 1917 г. экономически еще не созрела для социалистической революции. Победа социализма в СССР наглядно показала в дальнейшем, насколько несостоятельны были предсказания Плеханова о судьбах социалистической революции в России и как глубоко он ошибался в определении экономической зрелости последней. Опровергать сейчас эти предсказания нет нужды, так как вся история нашей страны за последние полвека является наилучшим их опровержением и показывает с полной очевидностью, насколько гениальным был В. И. Ленин в оценке экономической и политической ситуации в России 1917 г. Всемирно-исторические победы социализма в России полностью оправдали его предвидения.

Но следует отметить, что уже тогда, в 1917 г., рассуждения Плеханова об экономической незрелости России для социализма имели слишком общий и декларативный характер. Он давал декларации вместо аргументации и без конца повторял одно и то же, не приводя каких-либо конкретных материалов относительно экономического состояния России. Плеханов в 1917 г. не сделал даже попытки научного анализа экономического положения России и ограничился повторением общих фраз относительно ее крайней экономической отсталости. Он не отметил ни одного факта, который действительно давал бы обоснование его точке зрения, склоняясь и в данном случае к чисто отвлеченному решению вопроса первостепенной важности, отражая коренные недостатки своих экономических работ вообще²⁸.

Плеханов ссылаясь на то, что русский пролетариат не составляет большинства населения России, и в соответствии с догмой II Интернационала делал вывод, что в России нет объективных условий для победы социалистической революции. Но он крайне упрощенно и потому неправильно определял социальную роль отдельных

классов, учитывая только их удельный вес в численном составе населения тех или иных стран. Ведь французская буржуазия в конце XVIII в. тоже составляла меньшинство населения страны, а между тем смогла использовать борьбу народных масс против абсолютизма и оказалась у власти в итоге революции, нанеся сокрушительный удар феодальному режиму не только в одной Франции. Объяснялось это тем, что французская буржуазия того времени была прогрессивным классом, держала в своих руках «командные высоты» экономики страны или опиралась на наиболее жизнеспособные экономические формы. Поэтому к ней тянулось все передовое население Франции. В 1789 г. буржуазия наиболее ярко выражала новейшие тенденции социально-экономического развития Франции, и в этом состояла ее огромная сила. Тем самым социальная роль французской буржуазии оказывалась несравненно больше ее удельного веса в составе населения страны.

Почему же, спрашивается, русский пролетариат в 1917 г. не мог претендовать на более значительную роль в судьбах страны, чем его удельный вес в составе ее населения? Ведь он тоже являлся передовым классом своей эпохи, а олицетворяемые им экономические формы доминировали над хозяйственной жизнью страны и наиболее полно выражали прогрессивные тенденции в ее развитии? Это обстоятельство увеличивало влияние пролетариата среди народных масс, если даже он и составлял меньшинство.

Между тем в решающие дни 1917 г. Плеханов оперировал арифметическими величинами там, где требовался алгебраически тонкий марксистский анализ социально-экономической природы отдельных классов и их исторической роли. При оценке политических возможностей русского пролетариата в событиях 1917 г. он совсем не учитывал особенностей политической ситуации в России и, в частности, того обстоятельства, что империалистическая война крайне обострила все ее социальные противоречия, необычайно увеличила политическое влияние пролетариата на мелкобуржуазные элементы населения страны. Авангардная роль пролетариата в политической жизни России 1917 г. становилась все более очевидной, а между тем Плеханов продолжал твердить вслед за оппортунистическими лидерами II Интернационала, что

²⁸ «Единство», 1917, № 173.

политические возможности русского пролетариата навсегда определены его удельным весом в составе населения страны.

Хозяйственную разруху 1917 г. Плеханов демагогически квалифицировал лишь как фактор контрреволюции, хотя экономические бедствия, обусловленные войной, на самом деле революционизировали массы. Утверждение Плеханова, что война «еще больше уменьшает шансы социальной революции», осложняя политическую ситуацию в России, было настоящей демагогией.

Плеханов кичился европеизмом своих представлений о социализме, но, подражая лидерам II Интернационала, сбрасывал со счетов русской революции крестьянство. Игнорируя крестьянские резервы русского пролетариата, он приходил к своим контрреволюционным выводам о судьбах социализма в России. Но пренебрежительное отношение к этим резервам, характерное для меньшевизма, было ошибочным в странах Западной Европы, а в России 1917 г. — просто нелепым. Ведь в русской деревне издавна и особенно в этот героический год бушевали страсти вокруг земельного вопроса, а солдаты, возвращавшиеся с фронта, готовы были на самые радикальные преобразования.

Толкуя об экономической незрелости России для социализма, Плеханов игнорировал ее политическую зрелость и не хотел учесть тех исключительно благоприятных условий, которые возникли для победы пролетариата в России 1917 г. Он неизменно вспоминал о диалектике, но фактически возвращался к устаревшим представлениям экономического материализма и с позиций последнего вел борьбу против социалистической революции в России.

В самой оценке экономического состояния России Плеханов довольствовался слишком поверхностными определениями буржуазной литературы и не учитывал всей сложности вопроса, крайней противоречивости сложившейся обстановки. На самом деле русская промышленность, например, была отсталой лишь по своему удельному весу в народном хозяйстве страны. Зато по своим социально-экономическим формам она являлась вполне современной и даже передовой, так как концентрация зашла весьма далеко и прогрессирующее синдицирование предприятий свидетельствовало о том, что

экономика России вступила в фазу империализма. В. И. Ленин ярко показал это в своих работах. Ленинские исследования не могли оставаться неизвестными Плеханову, да и сам он не имел оснований игнорировать определяющие факты экономической истории России в послереформенный период, особенно в эпоху империализма.

К 1917 г. в России, несомненно, уже существовала вполне современная, даже передовая по своим социально-экономическим формам, крупная промышленность, которая в социально-экономическом отношении не уступала американской и западноевропейской. Она вполне могла стать исходной базой для преобразований социального характера.

С другой стороны, необходимо отметить, что и абсолютные размеры промышленного производства в России 1917 г. не были столь ничтожными, как это полагал Плеханов, хотя никаких определенных цифр он не приводил. Конечно, по своему удельному весу в мировом хозяйстве русская промышленность уступала индустрии таких мощных стран, как США, Германия, Англия и Франция. Но масштабы промышленного производства в России вовсе не были «турецкими», и на ее территории имелись крупные промышленные центры (Петроград, Москва, Донбасс, Баку, Урал), которые, несомненно, могли стать основой для развития социалистических форм хозяйства в условиях диктатуры пролетариата. Миллионы рабочих были сконцентрированы на крупных предприятиях в промышленных областях огромного экономического значения. Это являлось существенно важной предпосылкой социалистической революции и последующей победы социализма в России.

Плеханов выдавал слабость промышленной базы в России за ее полное отсутствие, чтобы дать хоть видимость обоснования своим нелепым домыслам относительно политических возможностей русского пролетариата. Конечно, он имел основания указывать на то, что удельный вес промышленности в экономике России был невелик и на душу населения русская промышленность давала очень мало сравнительно с индустриальными странами продукции. Это обстоятельство неоднократно отмечал В. И. Ленин, характеризуя технико-экономическую отсталость дореволюционной России. Соотношение

между промышленностью России и ее сельским хозяйством в 1917 г. оставалось действительно неблагоприятным. Но ведь и промышленность Англии, Франции, даже Германии перед войной 1914 г. работала для более широкой аграрной периферии, чем их собственная территория. Если же промышленную продукцию тогдашней, например, Франции отнести ко всей массе ее собственного и колониального населения, то на душу последнего этой продукции тоже окажется довольно мало. Особенность положения в России заключалась в том, что ее колонии территориально соприкасались с «метрополем», и русские губернии включали экономически неоднородные категории населения. В результате продукция русской промышленности соотносилась с общей массой всего, в том числе и колониального населения, а душевые нормы производства промышленных товаров оказывались относительно более низкими, чем они были на самом деле. Экономическая отсталость русских колоний при подсчетах подобного рода снижала показатель промышленного развития России.

Действительно отсталым было сельское хозяйство России с его миллионами мелких крестьянских дворов, техническим варваризмом последних, их малоземельем и т. д. Но аграрная периферия и передовых в промышленном отношении стран не особенно далеко ушла по пути экономического прогресса, как об этом свидетельствует пример французской деревни и английских колоний. Поэтому связывать судьбы социализма со степенью развития сельского хозяйства было неправильно как для России, так и для других стран Европы. В общем и целом оно везде было отсталым и нельзя ставить в зависимость от этого факта судьбы социалистической революции. Несмотря на экономическую отсталость, в русской деревне имелись даже более благоприятные для революционных событий условия, так как борющиеся за землю крестьянство естественно оказывалось политическим союзником пролетариата. Революционная энергия русского крестьянства имела буржуазно-демократический характер, но она могла быть аккумулирована в значительной мере политически сознательным и организованным пролетариатом городов для дела социалистической революции, тем более что ее беднота в 1917 г. активно поддерживала городской пролетариат в борьбе за соци-

ализм. Голодная и беспокойная русская деревня, пережив две революции, заключала в себе больше революционной энергии, чем французская или немецкая. Крестьянские резервы пролетарской революции в России 1917 г. были огромны, и Плеханов их не заметил только потому, что с давних пор руководствовался чисто меньшевистскими установками в вопросе о движущих силах русской революции. Только В. И. Ленин и его соратники смогли выяснить возможности революции и определить с позиций марксизма перспективы предстоящей борьбы за социализм. Что же касается технической и экономической отсталости русской деревни, то она могла быть с успехом ликвидирована после победы пролетарской революции, на основе ее достижений, и опыт социалистического строительства в нашей стране после 1917 г. наглядно подтверждает это.

Больше того, даже отмеченное выше территориальное соприкосновение России с ее колониальной периферией являлось благоприятным моментом для событий пролетарской революции, так как противоречия колониального режима переплетались с коренными противоречиями классов в метрополии и необычайно обостряли столкновения последних.

Смыкаясь с кадетами, Плеханов подчеркивал, что в России 1917 г. капитализм еще не исчерпал своих экономических возможностей, раз на ее территории продолжали существовать докапиталистические формы производства и мелкокрестьянское хозяйство играло крупную экономическую роль. Но ведь они сохраняются до сих пор даже в экономически передовых странах. Рассуждая подобным образом, Плеханов логически неизбежно должен был доказывать, что и страны высокоразвитого капитализма еще не созрели для социализма, а капитализм не задерживает якобы развития их производительных сил. И, действительно, он не останавливался перед таким выводом, прямо указывая в своем «Открытом письме к петроградским рабочим» от 28 октября 1917 г., что социальная революция и у немцев «еще не является вопросом нынешнего дня», причем в Германии нет будто бы надежды «не только на социальную, но и на политическую революцию»²⁹.

²⁹ «Единство», 1917, № 173.

Следовательно, в угоду буржуазной контрреволюции Плеханов заранее отрицал реакционность современного капитализма, а потом уже начинал толковать о незрелости России для дела социалистической революции. Его тезис об экономической незрелости России для социализма был производным от более общего тезиса оппортунистов II Интернационала о прогрессивности современного капитализма и отсутствии экономических предпосылок для социалистической революции даже в наиболее передовых странах.

Социалистическая революция в России опиралась на объективные экономические законы и их использование рабочим классом. Однако Плеханов игнорировал противоречия русского капитализма и те объективные предпосылки для социалистической революции, которые уже существовали в России 1917 г., а тем более в странах с развитой индустрией. Вместо серьезной аргументации он давал меньшевистские декларации контрреволюционного свойства. Так, он утверждал, что «война еще более уменьшила шансы социальной революции в Германии», между тем как именно война 1914—1918 гг. особенно наглядно показала экономическую и политическую реакционность современного капитализма. Разве события этой войны не засвидетельствовали документально, что капитализм исчерпал свои прогрессивные возможности и стал серьезным препятствием для дальнейшего развития производительных сил?

Своей борьбой против социалистической революции в России Плеханов фактически подтверждал отсутствие в его багаже научного понимания империализма как высшей и вместе с тем последней стадии капитализма.

Но если даже признать, что в России 1917 г. капитализм еще не закончил свою «работу» и мог бы еще, при известных условиях, развиваться дальше, перемалывая кости мелких товаропроизводителей, то отсюда вовсе не следует, будто в экономике России не было объективных предпосылок для диктатуры пролетариата и победоносного строительства социализма. Ведь и вполне зрелый капитализм не пал бы сам собой, для его ликвидации потребовалось бы активное вмешательство революционного пролетариата, сопровождавшееся серией весьма радикальных мероприятий. Плеханов же фактически проповедовал своеобразный фатализм и

меньшевистский вариант теории автоматического краха капитализма или его непосредственного перерастания в социализм. Усвоенная им вульгарная точка зрения крайнего объективизма использовалась теперь для «обоснования» самых абсурдных выводов относительно перспектив социалистической революции в России.

Плеханов явно метафизически противопоставлял капитализм социализму, когда доказывал в 1917 г., что если капитализм еще способен развиваться в той или иной стране, то, следовательно, в ней нет почвы для социализма. Между тем материальные предпосылки для организации социалистического хозяйства могут быть даже в стране, где еще сохранились докапиталистические формы производства и капитализм не полностью исчерпал свои экономические возможности. Объективные условия для революционной ликвидации отживших свой век экономических форм возникают несравненно раньше их окончательного банкротства, когда сопровождающие эти формы производства экономические бедствия делают их ликвидацию неотложной и вынуждают народные массы к решительным выступлениям. От политической сознательности пролетариата, революционной смелости его вождей зависит ускорение событий разгрома капитализма. Иначе существование и вполне реакционных отношений капиталистического способа производства может затянуться надолго. Ленин указывал, что для капитализма безвыходных положений нет, и буржуазия может найти выход из самых отчаянных ситуаций за счет народных масс. Плеханов написал в свое время много блестящих страниц о диалектике, но в своей борьбе против социалистической революции в России 1917 г. явно руководствовался механистическими принципами экономического материализма. Архаизм представлений последнего не смущал руководителя группы «Единство», раз они могли быть использованы для обоснования его полукadetских установок в вопросах текущей политики.

Плеханов игнорировал то обстоятельство, что русское крепостничество созрело для революционной ликвидации еще во времена Екатерины II, но дожило тем не менее до царствования Николая II, раз революционная активность народных масс оказалась недостаточной для его разгрома. Экономические предпосылки для устранения

«старого порядка» во Франции имелись еще при Людовике XIV, а его революционная смена последовала только через сотню лет при Людовике XVI. Больше того, если бы французы времен Робеспьера рассуждали по методу Плеханова, они, вероятно, еще на столетие оставили так называемый «старый режим» неприкосновенным.

В России 1917 г. имелись экономические предпосылки для победоносной социалистической революции, а ее политические условия были исключительно благоприятными.

В своей борьбе против социалистической революции в России Плеханов фальшиво адресовался также к авторитету Маркса и Энгельса, квалифицируя свою точку зрения как единственно марксистскую. Он утверждал, что «о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть кемного усвоившие себе учение Маркса» и свободные от народофильских представлений, так как «самое важное разногласие между нами и народофильцами... заключалось в том, что, по их мнению, предстоявшая русская революция должна была соединить в себе как политический элемент, т. е. низвержение царизма, так и момент социальный, точнее социалистический». Он ссыдался на то, что уже в 80-х годах прошлого столетия в спорах с народофильцами ему приходилось доказывать невозможность такого соединения «вследствие экономической отсталости России».

Таким образом, всех своих противников Плеханов объявлял народофильцами, анархо-синдикалистами и указывал на то, что анархо-синдикализм «с крайним пренебрежением относится к тем социалистам, которые повторяют вслед за Марксом, что когда общество напало на след естественного закона своего развития, то оно не может ни перескочить естественные фазы этого развития, ни устранить их посредством указов». Следовательно, революционные выступления русского пролетариата в пользу социализма Плеханов отвергал как нарушение естественных законов и фаз в развитии России. Он ссыдался при этом на то положение Маркса, что ни одна общественная формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которым она предоставляет достаточно простора.

Он отсылал своих читателей и к авторитету Энгельса,

поскольку последний считал опасным преждевременное завоевание пролетариатом политической власти. 13 августа 1917 г. Плеханов писал в своей газете, что «по глубокому замечанию Фридриха Энгельса для всякого данного класса не может быть большего политического несчастья, как быть вынужденным захватить власть в такое время, когда он еще не способен плодотворно воспользоваться ею»³⁹.

Однако все эти апелляции к авторитету классиков марксизма совсем не подкрепляли контрреволюционную позицию Плеханова в вопросах русской революции. Указания Энгельса имели конкретно-исторический характер и их нельзя было распространять на Россию 1917 г., в которой имелись самые благоприятные условия для захвата власти пролетариатом и ее плодотворного применения. Ведь летом и осенью 1917 г. даже буржуазно-демократические требования крестьянства России не были удовлетворены, оно продолжало бунтовать и его революционную энергию пролетариат мог использовать для постановки более радикальных проблем революции или по крайней мере нейтрализации враждебных социализму элементов в русской деревне. В выборе сроков восстания это сыграло важную роль, и октябрь, по гениальному предвидению Ленина, оказался исключительно благоприятным моментом для выступления петроградского пролетариата. Многомиллионная беднота русской деревни стала прочной опорой пролетариата в борьбе за власть, а беспросветная империалистическая война, продолжая которую намеревалась буржуазия, была еще не закончена, обостряла экономическую разруху и вызвала ненависть народа, политическую изоляцию буржуазных партий. Вместе с тем, как отмечалось выше, в России 1917 г. уже имелась сравнительно развитая промышленность, которая могла стать материальной базой социалистических преобразований. Национализация же земли, политическое руководство пролетариата и общинные традиции русского крестьянства создавали благоприятные условия для победы социализма и в деревне.

Поэтому Плеханов не имел даже видимости оснований для того, чтобы ставить русский пролетариат 1917 г.,

³⁹ «Единство», 1917, № 9—10, 138, 15.

руководимый большевистской партией, в положение анабаптистов XVI в., пытавшихся во времена Мюнстерской коммуны осуществить свои эгалитарные планы. Он перенесл указания Энгельса в явно неподходящую обстановку и злоупотреблял его авторитетом.

Чтобы дискредитировать своих противников и опереться на авторитет Маркса, Плеханов приносил теоретические и политические конфликты 1917 г. до уровня своих споров с народолюбцами начала 80-х годов. Но фактически сам Плеханов, подобно народникам, недооценивал степень капиталистического развития России. И в 1917 г. он утверждал, что Россия еще только вступает на путь капитализма, раз с его точки зрения капиталистические противоречия вовсе не были доминирующими в ней. Он изображал Россию крестьянской страной даже через 40 лет после своих выступлений против народников и задним числом возвращался к своим народническим иллюзиям, хотя, вероятно, и народолюбец 80-х годов не осмелился бы утверждать в 1917 г., будто Россия все еще страдает скорее от недостаточного развития капитализма, чем от противоречий последнего.

Плеханов объявлял народолюбством всякую постановку вопроса о социализме в России 1917 г., но он сам смотрел на нее глазами народолюбцев 1883 г. Он призывал в свидетели самого Маркса, прикрывая его авторитетом свой переход в лагерь врагов социалистической революции. Проблему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую он отождествлял без всяких оснований с рассуждениями народолюбцев относительно их совпадения, хотя практически это означало подмену одного вопроса другим. Выдвигая учение о перерастании одной революции в другую, Ленин вовсе не отождествлял их и отнюдь не имел в виду совпадение той и другой. Ленин всегда был далек от народолюбческой мысли, будто падение царизма будет означать торжество социализма или хотя бы начало социалистических преобразований. Наоборот, он всегда четко различал буржуазную революцию, направленную против дворянства и царизма, и социалистическую, направленную против буржуазии города и деревни.

Больше того, само перерастание одной революции в другую Ленин допускал лишь на основе использования успехов буржуазной революции и той социально-поли-

тической обстановки, которая возникала в результате ее событий. Так, в подготовке событий Октября 1917 г. огромную роль сыграли условия той политической демократии, которые возникли в России в итоге Февральской буржуазно-демократической революции. Без этого политическая организация пролетариата к осени 1917 г., подготовка его для выступлений всемирно-исторического значения были бы крайне затруднены. Плеханов же упрощал точку зрения своих противников и искажал ее до неузнаваемости, а затем начинал иронизировать над народолюбством тех, кто допускал победу социалистической революции после буржуазной. Он сам рисовал карикатуру на теорию перерастания, а потом фари-сейски адресовался к авторитету Маркса.

Наконец, Плеханов искал опору для своей аргументации в «естественных законах» развития «всякого общества». Но он выражался крайне туманно, не выясняя сколько-нибудь точно, что же именно понимает он под этими естественными законами и фазами общественного развития. Он давал явно фаталистическое толкование тому общему положению марксизма, что в истории человечества имеется определенная закономерность. Ведь идею исторической закономерности он противопоставлял социальной активности человека, творческому вмешательству в социальный процесс целых классов и доказывал вслед за Штаммлером, что социалистам, в сущности говоря, делать нечего, так как зрелый капитализм и без их участия приведет человечество к социализму. В борьбе против социалистической революции Плеханов начинал отрицать даже право социалистов на политическую активность и прикрывал свой переход на позиции кадетов туманными рассуждениями о непреложных, естественных законах исторического развития.

Но из этих абстрактных формул вовсе не вытекало каких-либо определенных выводов относительно своевременности и правомерности революционных выступлений русского пролетариата под знаменем социализма. Проблемы социализма в России находились в зависимости от конкретно-исторических условий, своеобразия которых отнюдь не выясняли абстрактные рассуждения Плеханова.

Правда, Плеханов ссылался на слова Маркса о том, что общественные формации исчезают лишь после того,

как в их недрах разовьются производительные силы, для которых они дают достаточно простора. Но откуда следовало, что мировой капитализм в 1917 г. давал достаточно простора для развития производительных сил? Из положения Маркса этого совсем не вытекало, и Плеханов давал ему совершенно произвольное применение. Тем более из этого общего положения Маркса нельзя было извлечь меньшевистского решения русских проблем 1917 г. В России того периода клубок социально-экономических противоречий оказался исключительно сложным. Политически она была вполне зрелой для социалистической революции, а экономически — уже создавшей материальную базу (в виде крупной промышленности) для начальных мероприятий социалистического характера, хотя ее капитализм еще и не закончил свою экономическую экспансию, не устранил докапиталистических форм производства (прежде всего в сельском хозяйстве).

Поэтому сложного узла русских проблем 1917 г. не могли разрешить те цитаты из работ Маркса, которыми фальшиво оперировал Плеханов. Для их решения требовался исчерпывающий анализ своеобразия социально-экономических и политических условий тогдашней России на основе творческого применения основных положений марксизма. Но Плеханов вместо такого анализа использовал марксистскую теорию чисто догматически. Он пытался ответить на конкретные вопросы русской революции непосредственно самыми общими положениями Маркса или его отдельными высказываниями по совершенно другим обстоятельствам конкретно-исторического характера.

Но отвлеченные и демагогические рассуждения Плеханова о судьбах социализма в России и цитатологическая аргументация одинаково не давали оправдания его ренегатству, переходу в лагерь контрреволюции. Плеханов судил о перспективах социалистической революции с точки зрения русской действительности времен «Земли и воли», а отдельные положения марксизма превращал в догму, вместо того чтобы творчески использовать их для анализа специфики социально-экономических предпосылок русской революции 1917 г.

Время от времени Плеханов обращался к истории для обоснования контрреволюционного тезиса своей эконо-

номической платформы об отсутствии в России 1917 г. материальных условий для социалистической революции. Он даже поучал своих сторонников на заседании ЦК группы «Единство»: «Спекулируйте на истории, и вы будете вознаграждены»³¹.

Но его историческая аргументация выглядит довольно жалко и сводится к пояснению высказанных положений на немногих примерах из исторического прошлого.

Так, в речи на совещании делегатов Петроградского Совета, произнесенной 2 апреля 1917 г., он доказывал французское происхождение русской революции и предлагал подражать французам 1789 г., не выходя за рамки требований и мероприятий их буржуазной революции конца XVIII в. Обращаясь к истории Франции, Плеханов в речи на съезде делегатов фронта прославлял революционную роль буржуазии в прошлом и указывал, что Франция в высшей степени буржуазная страна, но еще Маркс и Энгельс доказали нам, какую «революционную роль сыграла буржуазия в истории, и французская буржуазия в особенности».

Вместе с тем Плеханов противопоставлял революционную выдержку В. Либкнехта анархическим тенденциям Иоганна Моста, чтобы показать преимущество политической умеренности меньшевизма перед революционной смелостью большевизма.

Отстаивая свой лозунг ограничения революции преобразованиями буржуазного характера, он ссылался на то, что еще Маркс и Энгельс чрезвычайно едко осмеивали в своем манифесте «истинных немецких социалистов», отвергавших всякую мысль о поддержке немецким пролетариатом буржуазии, вступавшей тогда на путь борьбы с абсолютизмом, и демонстративно сравнивал точку зрения этих социалистов с позицией большевиков в революции 1917 г.³²

Следовательно, историческая аргументация Плеханова не шла дальше отдельных экивоков на некоторые явления европейской истории и ошибочных параллелей между политической ситуацией 1917 г. и более ранними явлениями идеологической борьбы XIX в. Эти исторические параллели были слишком искусственными и прак-

³¹ См. К. Фельдман. Вождь или теоретик. «Памяти Г. В. Плеханова», Пг., 9 июня 1918.

³² «Единство», 1917, № 30, 19, 67.

тически ничего не доказывали, так как социально-экономические условия Франции XVIII в. и России 1917 г. далеко не совпадали.

Экскурсы Плеханова в историю французской буржуазной революции были совершенно неуместны в политической обстановке России 1917 г., когда на очередь дня встали уже вопросы социалистической революции. Словословие Плеханова о революционных подвигах «третьего сословия» имело тривиальный характер и страдало анахронизмом. Он даже уверял читателей, что третье сословие было свободно от каких-либо эгоистических стремлений в период своих революционных подвигов, хотя совершенно очевидно, что и в XVIII в. французская буржуазия отнюдь не забывала своих эгоистических интересов. Знаменитый закон Ле-Шапелье о запрете стачек, изданный тогда, вся политика жирондистов в годы французской революции не оставляют сомнений в этом.

Аналогичным образом и ссылки Плеханова на историю социализма не достигали цели. Конечно, социализм имел свою историю, но это обстоятельство вовсе не дает оснований утверждать, что в ее анналах именно Плеханов занимает достойную социалиста позицию, или что взгляды его противников страдают атавизмом и ошибочно определяют сроки, перспективы социалистической революции в России. Никаких прямых и косвенных показаний о политической ситуации в России история социализма не давала, и заявление Плеханова, будто он является представителем новейшей социалистической мысли, опередившим своих современников, оставалось простой декларацией. Напротив, именно он оказался не на высоте исторических задач эпохи и при оправдании своего ренегатства апеллировал к явно устаревшим представлениям о социализме, воспроизводил политическую демагогию стародавних оппортунистов. На самом деле взгляды Плеханова были отсталыми по сравнению с передовой социалистической мыслью. В новой политической обстановке и применительно к своеобразным условиям России 1917 г. он повторял прежние формулы и самые общие положения о том, что для победы социализма необходим высокий уровень производительных сил и т. д., вместо того чтобы творчески использовать эти положения для анализа обстановки в России и вы-

яснить внутренние возможности русской революции. В раскаленной атмосфере России 1917 г. он, руководствуясь оппортунистическими догмами II Интернационала, переходил в лагерь врагов социалистической революции.

Сравнительные экскурсии Плеханова в историю имели бы смысл лишь в том случае, если бы они опирались на предварительный и глубокий анализ политической ситуации в России. Но как раз этого и не доставало ему. В то же время его сравнительно-исторические экскурсии были бы правомерны, если бы он предварительно доказал, что русская буржуазия в Октябре 1917 г. являлась революционной силой, а политические установки Ленина страдали анархизмом и т. д. Не доказав же этого и вместе с тем обращаясь к историческим параллелям, Плеханов просто декларировал то, что ему следовало еще обосновать, и принимал доказуемое за доказательство. В угоду политическому оппортунизму он забывал об элементарных правилах логики. Ведь всякое сравнение предполагает предварительное определение сопоставляемых явлений, а Плеханов совершенно игнорировал это. Ссылаясь на революционность французской буржуазии XVIII в., он выдвигал свой тезис о революционности Колушаевых и Разуваевых в России 1917 г. На том основании, что в истории социализма имелись ошибочные течения, он делал странный вывод, что Ленин является представителем этих ошибок и его политическая платформа страдает якобы анархизмом.

В исторической аргументации Плеханова отсутствовал обязательный для нее историзм и ее исторические параллели были порочны в своей логической основе. Он сравнивал несравнимые явления и делал совершенно ошибочные выводы о перспективах социализма в России. Правильно указывая на то, что в истории все изменяется, он сам не хотел признавать в ней каких-либо изменений.

Так обстояло дело с главным тезисом экономической платформы Плеханова в 1917 г., с помощью которой он оправдывал свое ренегатство, доказывая, что Россия якобы еще не созрела экономически для социалистической революции и стране предстоит целая эпоха чисто капиталистического развития. Это негативное утверждение Плеханов обосновать не смог, оставив его простой

декларацией, хотя и адресовался при этом к истории, авторитету классиков марксизма. Его критические выступления против экономической платформы большевизма остались совершенно необоснованными и не достигли поставленной цели.

Однако сам Плеханов принимал их всерьез и в соответствии с ними формулировал положительный тезис своей кадетской экономической платформы. Считая Россию 1917 г. экономически незрелой для социализма, он утверждал, что главной задачей русского пролетариата должно стать экономическое и политическое соглашение с буржуазией. Все задачи революционного пролетариата в экономической жизни России 1917 г. он сводил к ускорению и облегчению развития капитализма, даже если бы для этого потребовались серьезные жертвы со стороны рабочих. Он не останавливался ни перед чем и всемирно-историческую роль пролетариата в героический период русской истории принижал до простой помощи буржуазии. Эту мысль Плеханов повторял всякий раз, когда в своих статьях затрагивал экономические проблемы России 1917 г.

Так, он неоднократно призывал Петроградский Совет «войти в соглашение с Временным правительством», чтобы «избежать гражданской войны», и утверждал, что «читать отходную новому правительству, значит ослаблять его силу» в такое время, когда она нужна больше всего. Он одобрительно цитировал заявление Скобелева, что «Россия еще не готова к социализму» и «для торжества свободы необходимо сотрудничество с буржуазными кругами», доказывая, что «это — святая истина» и «начало политической премудрости» для русских социал-демократов. По его мнению, «каждый из нас обязан поддерживать Временное правительство», оно должно быть коалиционным, так как социалистическое правительство оказалось бы весьма неустойчивым, а «его падение было бы победой контрреволюции». Говоря о революции, Плеханов без конца повторял ту мысль, что «вне коалиции для нее нет спасения», так как «вне коалиции с торгово-промышленным классом мыслима только та двойная изоляция революционной демократии, которая неизбежно приведет ее к краху». Даже в период корниловщины, когда контрреволюционность буржуазии обнаружилась исключительно ярко, Плеханов доказы-

вал, что Россия может быть спасена только усилиями коалиционного правительства, и призывал кадетов к участию в нем, указывая на то, что иначе эта пресловутая «партия народной свободы» окажется «только на один волосок от коалиции с ингушами генерала Корнилова». Он отстаивал идею политической коалиции с буржуазией на протяжении всего 1917 г., и притом любой ценой во что бы то ни стало, несмотря на явную контрреволюционность тогдашней буржуазии. Даже в незабываемые Октябрьские дни Плеханов продолжал твердить о том, что в России «власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны», понимая под этими «живыми силами» и буржуазию.

По мнению Плеханова, всякое соглашение есть своего рода параллелограмм сил, и коалиция пролетариата с буржуазией должна быть построена на «честном, пунктуальном соблюдении прав обеих сторон»³³.

При этом коалицию Плеханов не ограничивал сферой чисто политической, где соглашения временного характера очень часто возникают в самой разнообразной обстановке и между враждебными партиями. Нет, он шел значительно дальше и требовал полного примирения пролетариата с буржуазией, их сотрудничества на дружеских основаниях даже на предприятиях, в сфере «проклятых» вопросов экономики. Он требовал экономического соглашения рабочих с предпринимателями, как осуществлением «живых сил» русской революции.

Исходя из того тезиса, что «немислим буржуазный порядок без буржуазии, капиталистический способ производства без капиталистов», Плеханов утверждал, что с ними пролетариат должен «искать путь для экономического и политического соглашения», чтобы «привлечь к себе все живые силы страны для совместной работы». В своей кадетской речи на так называемом Государственном совещании в Москве 15 августа 1917 г. он, обращаясь к буржуазии от имени пролетариата, предлагал выдвигать на первый план «не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет»³⁴.

Больше того, Плеханов открыто защищал интересы русских капиталистов от экономических требований рабочего класса. 20 мая 1917 г. он выступил со специаль-

³³ «Единство», 1917, № 19, 68, 91, 136, 144, 126, 123, 115.

³⁴ «Единство», 1917, № 111, 117.

ной статьей «Борьба наемного труда с капиталом», адресованной «вниманию сознательных рабочих», но апеллировавшей скорее к их несознательной части. В ней Плеханов признавал, что интересы наемного труда противоположны интересам капитала. Однако, заявлял он далее, в России 1917 г. «сознательный пролетариат не должен довольствоваться поверхностным и односторонним» пониманием этой истины, когда он стремится слишком энергично повысить свою заработную плату до уровня, при котором капиталисту не остается ровно ничего. Плеханов указывал, что в таком случае капиталист закроет свой завод, а если последний будет конфискован, то и государство «не может давать рабочим больше того, что они создают своим трудом», и пока существует капитализм, в казну могут быть взяты только отдельные предприятия или в крайнем случае только отдельные отрасли национального производства. Все это Плеханов предлагал «принять в соображение» сознательным рабочим, поскольку «одни призывают их к социалистическому перевороту, а другие советуют им предъявлять капиталистам все более и более повышенные требования, осуществление которых вызвало бы только жестокий экономический кризис и неизбежный голод. По его мнению, сознательные представители пролетариата должны быть в своей борьбе с капиталом «мудры, как эмии».

Позднее, 27 июля 1917 г., Плеханов выступил в своей газете с новой защитой русских предпринимателей от экономических требований рабочих, указывая на то, что их выполнение представляет «собой простую и часто очевидную экономическую невозможность» и вызовет в предпринимательских кругах лишь разочарование в революции. Обращаясь опять к «сознательным элементам русского рабочего класса», Плеханов сетовал на то, что «рабочие отдельных отраслей труда часто выдвигают у нас такие требования, исполнение которых только увеличило бы царствующую теперь экономическую разруху», в результате чего, например, в Донецкой области очень понизилась добыча каменного угля, приходящаяся на долю отдельного рабочего. Он советовал русским рабочим «последовать примеру английских» и отложить осуществление своих требований, в том числе и установление 8-часового рабочего дня, до окончания войны³⁵.

³⁵ «Единство», 1917, № 44, 126.

Материальной основой экономического соглашения пролетариата с буржуазией Плеханов демагогически выставлял развитие производительных сил России в рамках капитализма. Он прямо признавал в своей статье 16 июля, что коалиция, конечно, есть соглашение, а «соглашение не есть борьба», и «кто входит в соглашение, тот в его пределах... отказывается от борьбы», но подчеркивал, что с буржуазией соглашение нужно и возможно. Ведь, по его мнению, Россия 1917 г. находится «в том переходном периоде своей экономической истории, в течение которого пролетариат может не только без ущерба, но с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что задерживает развитие наших производительных сил». В речи на Государственном совещании Плеханов верноподданнически ставил перед русской буржуазией задачу осуществления широких социальных реформ и подчеркивал, что прежде всего необходимо широкое развитие производительных сил, которое «должно быть общей программой всех тех, кто... имеет отношение к общественно-производительному процессу». Если же соглашение не будет достигнуто, то Плеханов пророчил взаимную гибель борющихся классов (буржуазии и пролетариата), даже гибель всей страны, вспоминая при этом ирландскую легенду о двух кошках, которые «дрались так упорно и так жестоко, что от них остались только хвосты»³⁶.

Такова позитивная программа экономической политики, разработанная Плехановым в 1917 г. Ее центральным лозунгом было экономическое сотрудничество с буржуазией на почве капитализма и устранение социальных конфликтов во имя «общих» интересов развития производительных сил России. Это экономическое соглашение с буржуазией Плеханов считал полезным дополнением и вместе с тем базой политической коалиции пролетариата с буржуазией, всеобщего примирения классов и трогательного единения «живых сил» русской революции. Свой главный тезис политической программы, будто «вне коалиции нет спасения», Плеханов безоговорочно переносил в область экономики и призывал рабочий класс к экономическому сотрудничеству с пред-

³⁶ «Единство», 1917, № 117.

принимателями. Он не останавливался при этом перед тем, чтобы отказываться даже от элементарных положений рикардизма относительно непримиримости экономических интересов пролетариата и буржуазии, о неустраняемости классовых антагонизмов в условиях капитализма. Он отбрасывал экономическую мысль на сотни лет назад и начинал вносить поправки даже в то, что признавалось радикальными представителями буржуазной политической экономии в начале XIX в. Опираясь той тривиальной истиной, что невозможен капитализм без буржуазии, Плеханов начал доказывать, будто он возможен без классовых антагонизмов, и ориентировал рабочий класс России на совершенно ложное решение коренных проблем. Он зачеркивал существенные приобретения экономической теории марксизма и развивал по существу буржуазные представления о капитализме. Его экономическая программа хозяйственной демократии и дружеского сотрудничества классов на почве капитализма имела кадетский характер. Плеханов фактически вращался в кругу чисто буржуазной постановки всего вопроса о путях экономического развития России и догматически отрицал даже простую возможность иной точки зрения на проблему. Он уверял читателей своих произведений, что первоочередной экономической задачей России является развитие производительных сил, и на этом должны помириться все классы. Но почему, спрашивается, еще более интенсивное развитие производительных сил России было невозможно в условиях социализма, являющегося несравненно более прогрессивной формой производства, как об этом много раз писал сам Плеханов? Плеханов заранее исключал такой путь экономического развития страны и начинал уверять, что спасение России состоит единственно в развитии капитализма, хозяйственном сотрудничестве пролетариата с буржуазией. Он отбросил социалистическую точку зрения и воспроизводил явно буржуазные прогнозы относительно будущего России, прикрывая свое ренегатство.

Во имя развития производительных сил буржуазной России Плеханов жертвовал социалистическими задачами пролетариата. Когда он доказывал, что русский пролетариат с пользой для себя может пойти на экономические соглашения с буржуазией, то разве он не декларировал некое подобие формулы Форда, ищущей при-

мирения классовых противоречий под лозунгом «низкие издержки производства, высокая заработная плата, еще более высокая прибыль»? Плеханов утверждал, что, если в России будет достигнуто значительное развитие капиталистического производства, какая-то доля общественного продукта перепадет и рабочим, хотя бы при этом львиная доля «добычи» и спала в руки буржуазии. Читателям своей газеты он преподносил пресловутую теорию трех факторов производства и теорию услуг Сей—Бастия—Кларка, доказывая «сознательным рабочим» России, что каторга капиталистической фабрики представляет собой творческую кооперацию технически полезных элементов производства, каждый из которых найдет должное вознаграждение. Плеханов делал русских рабочих ответственными за развитие производительных сил страны, игнорируя буржуазность социально-экономических форм их развития и то решающее обстоятельство, что эти производительные силы в условиях капиталистической России служили средством brutальной эксплуатации рабочего класса буржуазией. Рабочие России в 1917 г. отлично понимали это, предъявляя буржуазии все более радикальные требования экономического и политического характера. Призывая их к умеренности, Плеханов брал на себя довольно однозвучную роль защитника буржуазии от законных претензий и требований революционного пролетариата России, зачеркивая элементарные принципы марксизма и 40 лет своей провагандистской деятельности. Плехановская публицистика 1917 г. могла только помешать развитию классового самосознания пролетариата.

Плеханов отводил главную роль производственным задачам пролетариата в условиях буржуазной России и выступал в роли покровителя капитализма, давая отеческие наставления как буржуазии, так и пролетариату. Через 20 лет после Струве он фактически призывал пролетариат пойти на «выучку к капитализму», хотя к 1917 г. несоответствие струвистской фразеологии Плеханова экономическим и политическим условиям оказалось еще более разительным. Между тем он с необычайной настойчивостью доказывал пролетариату России и в 1917 г., что ему следует признать свою некультурность и, отказавшись от борьбы за социализм, стать верным слугой русской буржуазии.

В противном случае он предсказывал экономическую катастрофу, голод и другие бедствия, если рабочий класс окажется слишком строптивым и предъявит буржуазии радикальные требования. Он упорно игнорировал тот факт, что в 1917 г. сама буржуазия активно подготавливала экономическую катастрофу своей политикой саботажа и локаутов, намереваясь, по выражению миллионера Рябушинского, задушить рабочее движение копящей рукой голода. Плеханов все время твердил, что объединение «живых сил» революции полезно для нее. Но откуда следовало, что русская буржуазия 1917 г. являлась силой революции, да еще живой, творческой? Он тенденциозно повторял формулы далекого прошлого, не признавая того основного факта, что в XX в. уже наступила эпоха пролетарских революций и время революционных порывов крувной буржуазии давно миновало. Он угрожал рабочему классу России тем, что его политический радикализм вызовет разочарование буржуазии в революции, фальшиво утверждая, будто Рябушинские и в самом деле были очарованы ею. Воспроизводя политическую фразеологию XVIII в., он не попытался выяснить особенности экономической и политической ситуации в России 1917 г.

Корниловщина наглядно показала, что плехановское «начало политической премудрости» представляет собой продукт коалиционных иллюзий ренегатов и его «священная истина» относительно необходимости политического сотрудничества пролетариата с буржуазией — повторение лишь фразеологии новейшего либерализма. Он предупреждал кадетов относительно опасности их возможной коалиции с генералом Корниловым, хотя такая коалиция уже являлась для всех очевидным фактом. Он предупреждал пролетариат России относительно опасностей его политической изоляции от буржуазии, хотя последние уже давно изолировали себя от лагеря революции и стала контрреволюционной силой. Плеханов выдавал устранение Николая II за проявление подлинной революционности русской буржуазии, хотя это произошло под давлением народных масс и было попыткой буржуазных партий откупиться за счет династии Романовых от настоящей революции. Поэтому коалиционные параллелограммы Плеханова оказывались слишком искусственными фигурами в геометрии политической жизни Рос-

сии 1917 г. Он строил эти параллелограммы на крайне шатком фундаменте кадетской фразеологии, утверждая, будто в эпоху пролетарских революций буржуазия может быть революционной силой в таких странах, где на очередь дня пролетариатом поставлены проблемы социализма. Все ирландские кошки его аргументации не могли помочь делу, так как классовая борьба пролетариата с буржуазией означала борьбу за торжество более прогрессивного способа производства. Он слезливо призывал русскую буржуазию к осуществлению широкой программы социальных реформ, доводя холонство оппортунистов II Интернационала до крайности. Превращение социал-демократии в умеренную партию социальных реформ Плеханов считал в 1917 г. вполне правомерным и шел в этом вопросе дальше того бернштейнианства, с которым воевал 20 лет тому назад. Характерно, что при этом Плеханов призывал рабочий класс России отложить осуществление даже требований относительно 8-часового рабочего дня на послевоенный период, хотя сокращение рабочего дня в России было совершенно неотложной задачей. Он советовал пролетариату жертвовать коренными интересами, между тем как буржуазии только уговаривал поддержать политику социальных реформ. Показательно, что реформизм и соглашательство английских тред-юнионов Плеханов считал нормой для политического поведения русских рабочих в революционной атмосфере России 1917 г.

На протяжении всего 1917 г. Плеханов упорно доказывал, что социалистическая революция в России повлечет за собой хозяйственную катастрофу. Однако события решительно опровергли эти капитулянтские прогнозы.

В. И. Ленин подверг экономическую платформу Плеханова в 1917 г. и вообще его взгляды самой резкой критике, квалифицируя ее как позорную измену марксизму и переход на позиции буржуазного либерализма.

Так, еще в своей статье «О двух линиях революции» (ноябрь 1915 г.) В. И. Ленин приводит рассуждение Плеханова о желательности «направить русскую революцию по восходящей линии», т. е. чтобы власть сначала перешла к кадетам и октябристам, потом к трудовикам, затем к социалистам», а пока что следует поддерживать кадетов. По мнению Ленина, это теоретическое рассуждение представляет из себя еще и еще один

образец подмены марксизма либерализмом и стремления Плеханова подделать Маркса под Струве³⁷.

Резкая оценка Лениным статьи Плеханова была вполне заслуженной, так как изложенные в ней «идеи» коалиционного сотрудничества с буржуазией Плеханов развивал потом в утрированном виде на протяжении всего 1917 г. и довел до абсурда.

Ленин решительно разоблачал демократические иллюзии Плеханова, который превращал в фетиш буржуазную демократию, считая ее окончательным решением политических задач России на долгий период исторического развития.

Так, в подготовительных материалах к брошюре «Государство и революция» В. И. Ленин писал: «Обычно понятия «свобода» и «демократия» считают тождественными и употребляют часто одно вместо другого. Очень часто вульгарные марксисты (Каутский, Плеханов и К^о во главе их) именно так рассуждают. На деле демократия исключает свободу. Диалектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой»³⁸.

Бесконечные рассуждения Плеханова о демократии вообще лишь прикрывали его оппортунизм и нежелание поставить вопрос о диктатуре пролетариата на практическую основу.

В. И. Ленин отмечал, что Плеханов уклонялся от теоретической разработки проблем переходного периода, от выяснения прежде всего центрального вопроса о диктатуре пролетариата, особенностях нового типа государства и своеобразии его экономических функций. Ленин возмущался тем, что Плеханов и другие представители меньшевизма ориентировались на цитатологию и как начетчики давали чисто догматическое решение коренных вопросов русской революции. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин писал, что у меньшевиков имеется сколько угодно людей, знающих все цитаты из Маркса и Энгельса, но «ни один меньшевик с апреля 1917 г. до октября 1917 г. и с октября 1917 г. до октября 1918 г. ни разу не попробовал разобрать во-

проса о государстве типа Коммуны. Плеханов тоже обошел этот вопрос. Пришлось, верно, помолчать»³⁹.

Ленин дал отповедь демагогическим выступлениям плехановской газеты против его Апрельских тезисов и справедливо указывал на то, что Плеханов не понял исторического значения Парижской коммуны как прототипа нового государства пролетарской диктатуры и роли Советов 1917 г. как органов этой диктатуры. Между тем значение Парижской коммуны как особого типа государства, ее суть «забыли и исказили гг. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму)...», — заявлял Ленин⁴⁰. Конечно, подчеркивал он, ренегаты марксизма вроде Плеханова могут кричать об анархизме, бланкизме и т. п., но ведь «Советы рабочих и т. д. депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа»⁴¹.

В. И. Ленин высмеивал рассуждения Плеханова о культурных и организационных предпосылках социалистической революции, а также его апелляции к авторитетам II Интернационала. Ленин прямо указывал на несостоятельность точки зрения, развивавшейся Плехановым, будто экономическая программа социалистической революции не найдет поддержки народных масс России, прежде всего крестьянства, и квалифицировал плехановские страхи перед захватом власти трудящейся массой как измену подливной демократии.

Как указывал Ленин, «это рассуждение г-на Плеханова — типичнейшее рассуждение кучки «бывших людей», называющих себя соц.-демократами». Даже большинство крестьян в России, писал В. И. Ленин, может поддержать такие экономические требования большевиков, как национализация земли, слияние всех банков в один или переход синдиката сахарозаводчиков в руки государства, под контроль рабочих и крестьян⁴².

На самом деле, указывал Ленин, «власть Советов одна только может быть устойчивой, *заведомо* опирающейся на большинство народа, — как бы ни агали лакеи буржуазии, Потресов, Плеханов и пр., называющие «расширением базиса» власти фактическую передачу ее

³⁷ См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 378, 379.

³⁸ «Ленинский сборник», XIV, стр. 255.

³⁹ Там же, стр. 29.

⁴² Там же, стр. 163, 165.

³⁷ См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 378, 379.

³⁸ «Ленинский сборник», XIV, стр. 255.

ничтожному меньшинству народа, буржуазии, эксплуататорам»⁴³.

Наконец, В. И. Ленин точно определял классовую позицию Плеханова, решительно заявляя, что коалиционные иллюзии последнего отразили мечты мелкой буржуазии о «социальном мире». В. И. Ленин с возмущением отмечал заявление Плеханова в его газете «Единство» о том, что, уйдя из министерства, кадеты сделали «большую ошибку, облегчив левницам их работу». В связи с этим Ленин спрашивал: «Неужели трудно догадаться, что вместо политических наименований надо подставить классовые и что мы получаем тогда мечты мелкой буржуазии об исчезновении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией?»⁴⁴.

Уже в 1917 г. В. И. Ленин раскрыл грандиозные возможности социалистической революции в России, которые отрицал Плеханов. Только Ленин правильно решил коренную проблему эпохи и указал пути исторического развития России под знаменем социализма. Его гениальные прогнозы вполне оправдались потом в грандиозных событиях, начавшихся под руководством большевистской партии в октябре 1917 г. и приведших к победе социализма на шестой части земного шара.

Позиция же Плеханова в 1917 г. оказалась ниже всякой критики, и потому совершенно нетерпимыми являются попытки некоторых авторов умолчать об этом. Плехановская публицистика 1917 г. представляет собой явный плод политической слепоты оппортунизма, смыкавшегося с контрреволюцией. Потресовские рассуждения о том, что в годы революции 1905 и 1917 гг. «фигура Плеханова-политика вырастала вровень события», представляют собой обычную разновидность политической демагогии меньшевизма. Как в 1905 г., так и в 1917 г. Плеханов несомненно теоретически и практически оказался ниже событий эпохи, хотя в свое время и играл крупную роль в их подготовке. В 1917 г. он явно стоял по другую сторону баррикады.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции сделала безнадежной борьбу Плеханова с большевиками, показав вочью всю ошибочность его кон-

цепции. Плеханов фактически покинул арену политической борьбы. Старый полемист и ветеран русской революции оказался в смятении, так как ее события вышли далеко за рамки его планов и опрокинули последние. Правда, Плеханов всю первую половину 1918 г. был смертельно болен, но его молчание объяснялось не только этим. Ему пришлось умирать с «тяжелым сердцем».

В конце своего долгого и трудного пути революционера он потерпел фиаско, вступив с 1903 г. на путь меньшевизма, реформизма.

Личная судьба Плеханова подтвердила еще раз то, что он считал наиболее бесспорным: политическая борьба и допущенные в ней ошибки имеют свою логику. В обеих революциях 1917 г. он оказался не у дел и своей борьбой с большевизмом мешал победе социалистической революции. Оппортунизм меньшевика толкал его на путь буржуазного либерализма.

Но в истории русского революционного движения Плеханов сыграл исключительно важную роль в ту пору, когда он стоял на позициях марксизма. Он был пионером марксизма в России и высоко поднял его знамя в обстановке деспотического режима 80-х годов. Политическое падение, пережитое Плехановым в меньшевистский период, особенно в 1917 г., свело на нет его политическое влияние, однако не смогло зачеркнуть его заслуг перед рабочим классом России в двадцатилетие 1883—1903 гг. Семена марксизма, посеянные Плехановым в 80-х годах, дали свои плоды. Этим и определяется его выдающаяся роль в истории русской экономической мысли.

⁴³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 341.

⁴⁴ Там же, стр. 153.

Глава XIV

БУРЖУАЗНЫЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Вопрос о правильной оценке идейной эволюции Г. В. Плеханова имеет чрезвычайно важное значение. Речь идет об истории марксизма в России, идейных боях, сыгравших огромную роль в развитии русского рабочего движения, судьбах революции 1905 г., идеологической подготовке Великой Октябрьской социалистической революции. Не случайно и буржуазная литература уделяет много внимания мировоззрению Плеханова. Однако это делается для того, чтобы исказить историю марксизма в России, зачеркнуть подлинно марксистские работы Плеханова и противопоставить его В. И. Ленину, поставить знак равенства между марксизмом и меньшевизмом.

После смерти Плеханова появилось много кривотолков о характере его взглядов и значении литературного наследия. Кускова, Ф. Дан и другие представители либералов и меньшевиков искажали взгляды Плеханова, выдвигали на первый план его ошибки, объявляли их отражением нового этапа в развитии марксизма, приписывали Плеханову единственно правильное истолкование марксистского учения¹.

Прошло уже почти полвека, а противники марксизма-ленинизма до сих пор занимаются извращением взгля-

¹ См. А. Г. Полтавцев. Борьба Г. В. Плеханова против философского ревизионизма. Харьков, 1960, стр. 3.

дов Плеханова, пытаются использовать свои фальсификации для антикоммунистических целей, обыгрывая недостатки и ошибки работ великого мыслителя.

Так, в 1945 г. в США появился сборник «Социология двадцатого столетия», где М. Лазерсон уверял, будто русский марксизм, представленный в работах Плеханова, является всего лишь «близнецом русской субъективной социологии», а сам марксизм прошел два этапа в своем развитии — революционный и реформистский, причем второй был открыт Энгельсом в последние годы его жизни и воспринят Плехановым. Позднее, в 1951 г., вышла в Англии книга Ричарда Хэера «Пионеры русской общественной мысли», посвященная фальсификации идей русских мыслителей, огульному противопоставлению Плеханова Ленину и доказательству того, что советская наука будто бы не имеет преемственной связи с передовыми идеологами дореволюционной России. Реакционный философ Сидней Хук (США) принижает роль Плеханова, находит в его работах лишь проявления догматизма и доктринерства, даже легкомыслия.

С. Бэрон, трактуя деятельность группы «Освобождение труда», утверждает, будто русские марксисты, даже критикуя народничество, действовали наперекор западным, а решающей идеей Плеханова была мысль о «восточном деспотизме», свойственном России. В 1955 г. в США вышел сборник «Преемственность и изменения в русской и советской экономической мысли», редактор которого Э. Саммонс искусственно объявлял Плеханова «типично западным марксистом» и противопоставлял его В. И. Ленину, как представителю мнимого «восточного марксизма». Натянутый пример злостных фальсификаций дает книга клерикала Веттера «Диалектический материализм», приписывающая Плеханову фатализм, намерение ускорить разорение русского крестьянства, страстное к национализму. Автор низводит роль Плеханова всего лишь до просветительства и проповеди западничества. Буржуазный апологет Макс Ланге в насквиленной книге «Марксизм-ленинизм-сталинизм» поднимает на щит Бернштейна и Струве, как сказавших якобы новое слово по вопросу о социализме, противопоставляет их Плеханову, зачеркивает значение плехановских работ для развития социальных идей. Католический философ И. Бохенский приписывает русским марксистам (вклю-

чая и Плеханова) догматизм, мещанство и т. д., явно фальсифицируя историю идейной борьбы в России.

Особенно злобно клеветают на Плеханова белоэмигранты. Так, В. Зеньковский в книге «История русской философии» (Париж, 1950) сближает взгляды Плеханова с кантианством, ищет в плехановских работах метафизический материализм, акцентирует на важности произведений меньшевистского периода, поднимает на щит шовинистскую брошюру Плеханова «О войне». Белоэмигрант Н. Бердяев, фальсифицируя историю русской общественной мысли, уверяет, будто полемика Плеханова с народниками, осуждение их заговорщической тактики означали вместе с тем борьбу Плеханова против Ленина, который якобы унаследовал идеи Бакунина и Ткачева. Эту легенду распространяют и Г. Кон (США), П. Шайберт (ФРГ) и др. Н. Лосский в книге «История русской философии» (Нью-Йорк, 1951) цепляется за ошибочный термин «иероглифы» и неудачную фразу о нашей «вере» в существование внешнего мира, чтобы дискредитировать Плеханова, умалчивая о его блестящей критике идеализма.

Правые социалисты замалчивают марксистские труды Плеханова, вспоминают о них лишь тогда, когда нужно напомнить о полемике Плеханова с Лениным, о переходе Плеханова на позиции меньшевизма, реформизма².

Таким образом, в разногласии буржуазных фальсификаций отчетливо слышны ведущие мелодии. Дело сводится в основном к обыгрыванию того факта, что в поздний период своей жизни Плеханов был меньшевиком, а в 1917 г. — даже полукadetом. Конечно, этот факт является бесспорным, но он не дает оснований подчеркивать революционно-демократическую деятельность Плеханова в 1875—1882 гг., а тем более ее марксистский период (1883—1903 гг.). В это двадцатилетие Плеханов был выдающимся представителем ортодоксального марксизма, решительно отстаивал его позиции и вел активную борьбу с буржуазными апологетами, либеральным народничеством, бернштейнством, струвизмом, аграр-

ным реформизмом. Плеханов создал ряд блестящих марксистских работ, снискал заслуженный авторитет среди марксистов и вместе с В. И. Лениным активно работал над созданием социал-демократической партии в России, выработкой ее Программы и тактики. Ленин длительное время с величайшим уважением относился к Плеханову и даже после 1917 г. высоко оценивал его философские произведения. Конечно, с 1903 г. В. И. Ленин вел решительную борьбу с Плехановым, который вступил на скользкий путь меньшевизма и все больше проявлял кадетские тенденции. Но в 80-х годах XIX в. Плеханов был прямым предшественником Ленина, в 90-х годах их дружба была очень тесной, а затем последовало совместное участие в издании газеты «Искра». Советский народ бережно хранит литературное наследие Плеханова.

Явной фальсификацией нужно считать попытки отождествить мировоззрение Плеханова с меньшевизмом, просветительством, европеизмом, обыкновенным западничеством. Даже в меньшевистский период Плеханов во многих вопросах философии и политэкономии стоял на позициях марксизма. Нелепо выдавать ошибки и теоретические блуждания позднего Плеханова за существо его мировоззрения. Кантианская трактовка некоторых вопросов нравственности еще не делала его кантианцем, а употребление термина «иероглифы» — субъективным идеалистом. Буржуазные фальсификаторы противоречат сами себе, когда оказываются вынужденными защищать от плехановской критики бернштейнство и «экономизм». Эта критика велась с марксистских позиций.

Наряду с этим выдвигается дживный тезис, будто плехановский меньшевизм был новым и более зрелым этапом в развитии марксизма. Однако тогда остается непонятным, почему же революция 1905 г. стала тяжелым испытанием для Плеханова, а в 1917 г. он потерял всякое влияние и потерпел сокрушительное поражение? Не объясняется ли это тем, что плехановский меньшевизм был шагом назад от марксизма, забвением его основ, предательством пролетарской революции? История уже решила этот вопрос, и в пользу большевизма.

Теперь пускается в ход легенда, согласно которой Плеханов будто бы до конца своих дней оставался ортодоксальным марксистом и потому потерпел поражение.

² См. М. Т. Иовчук, Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. Соцгиз, М., 1960, стр. 310—313; В. А. Рузаев, Г. В. Плеханов как критик антимарксистских теорий. М., Изд-во «Высшая школа», 1963, стр. 5—6, 32.

Однако этому противоречит тот факт, что до перехода на позиции меньшевизма Плеханов оказывал большое влияние на русское и международное движение пролетариата. И как можно выдавать за марксизм идеализацию русской буржуазии, шовинизм, полукadetскую экономическую платформу 1917 г.? Буржуазные фальсификаторы потеряли всякое чувство меры, объявляют черное белым. Крушение плехановского меньшевизма не было поражением марксизма, званием которого взвилось над Россией.

Кривотолки буржуазных плехановедов сопровождаются инсинуациями по адресу В. И. Ленина. Повод для этого давал и сам Плеханов, в «пылу полемики» обвинявший большевиков в волюнтаризме, в переходе на позиции бакунизма и народовольчества. Но как теперь можно повторять эти нелепости, если Октябрьская революция победила, открыла новую эпоху в истории человечества, преобразовала Россию и вдохновила сотни миллионов людей во всем мире на борьбу с наемным рабством, колониализмом? Обычно большевикам инкриминируется ориентация на активную подготовку революционного переворота. Это квалифицируют как отступление от марксизма. Но разве выяснение исторической роли пролетариата и его партии как авангарда Маркс и Энгельс не считали своей первоочередной задачей? Достаточно прочесть их «Манифест Коммунистической партии», чтобы убедиться в этом.

Делаются попытки открыть два марксизма и объявить Энгельса основоположником реформизма. Однако на протяжении 12 лет Энгельс после смерти Маркса вел неустанную борьбу с реформизмом, разоблачая possibilities, фабианцев, лассальянцев, катедер-социалистов, оппортунизм «шюрингской группы» (включавшей Бернштейна и др.). Фактически Энгельс первый начал полемику с Бернштейном. Он до конца своих дней мечтал о мировой социалистической революции, ожидал революция в России, пророчил ей большую историческую роль. В предисловии к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» Энгельс отмечал лишь некоторое изменение форм классовой борьбы, увеличение роли массовых выступлений пролетариата и его политических акций, но вовсе не отказывался от марксистской теории социалистической революции. Политическое завещание

Энгельса, как показывает содержание его работ и переписка 1883—1895 гг., чуждо так называемому «реформистскому марксизму». Существует лишь один марксизм — революционный, развитый в дальнейшем в трудах В. И. Ленина, решениях Коминтерна, КПСС и других братских партий. Именно поэтому современная история стала триумфом марксизма. Бернштейн выступил с отрицанием марксизма, а не его развитием. Это общеизвестный факт. Позднее Каутский и Плеханов капитулировали перед бернштейнством, покинули позиции марксизма, который оказался несовместимым с реформизмом. Современные реформисты, как показывают их новые программы, вообще отказались от марксизма. История не знает реформистского марксизма, хотя ей известен переход некоторых марксистов (в том числе и Плеханова) на позиции реформизма.

Искусственное противопоставление «восточных марксистов» (Ленин) и «западных марксистов» (Плеханов) фальшиво от начала до конца. Именно Плеханов преувеличивал особенности социально-экономического развития феодальной России, искал в ней «восточный вариант», а Ленин подчеркивал единство закономерностей истории России и Запада, открыл феодализм как общеприродную стадию в развитии России. При трактовке истории капитализма Плеханов качнулся в другую крайность и стал отрицать все особенности исторического развития России, пророчить ей универсальную «европеизацию». Между тем В. И. Ленин отмечал своеобразие условий генезиса капитализма в России, особенности предстоящей революции в ней, разоблачал ошибки Плеханова. Но это не делало Ленина представителем «восточного марксизма», а Плеханова — олицетворением «западного марксизма», да еще единственно правомерного. Ошибки Плеханова были отступлением от марксизма, и в 1917 г. настал час расплаты. Разговоры о необходимости европеизации России прикрывали его переход на позиции реформизма, сползание в лагерь кадетов и не имели отношения к стародавней борьбе западничества со славянофильством. Сводить идейную борьбу Ленина и Плеханова в 1903—1917 гг. к альтернативе славянофильства и западничества, народничества и марксизма — значит злостным образом исказить историю. Как раз В. И. Ленин подчеркивал связь Октябрьской

революции с общенсторическими условиями эпохи империализма, считая социалистическую революцию в России примером для других стран (западных и восточных), призывал рабочие массы последовать ему, ожидал аналогичной революции на Западе, активно участвовал в создании Коминтерна, разработке его программных документов на базе ценного опыта Октябрьской революции и социалистического строительства в Советской России.

Идеологи буржуазной реакции проявляют сейчас большой интерес к истории марксизма в России, пытаются использовать свои фальсификации для антикоммунистических целей. Так, в 1963 г. Стэнфордский университет (Калифорния, США) опубликовал большую монографию Самуэля Бэрона «Плеханов — отец русского марксизма»³.

Книга написана на основе обширных материалов, с использованием мемуарной литературы, периодических изданий и сочинений самого Плеханова. Его идейная эволюция прослеживается весьма детально и на всех этапах, в связи с изменениями политической ситуации в России и развитием рабочего движения, формированием партий и разворачиванием событий трех революций. Но работа написана с позиций буржуазного либерализма, злобного антикоммунизма, дает тенденциозную интерпретацию истории марксизма в России, напичкана фальсификациями.

Так, уже в предисловии утверждается, что Плеханов «больше других лидеров ортодоксального марксизма боролся с двумя большими идеологическими уклонами от него — бернштейнским ревизионизмом и ленинским большевизмом», однако «ревизионизм восторжествовал на Западе, большевизм — в России, а ортодоксальный марксизм — нигде. Судьба Плеханова свидетельствует о том, что ортодоксальный марксизм не соответствует как изменившимся условиям Запада, так и отсталой России»⁴. В последующих главах этот лживый тезис оказывается основным и навязывается читателю с упорством, достойным изумления. Все время речь идет о «пророке русского марксизма». Бакунин (наряду с Зибером) объявляется первоисточником марксистских идей Пле-

ханова, который якобы «следовал по стопам Маркса» уже в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России». Эмиграция Плеханова изображается как результат разочарования в «русской ситуации» и поисков за рубежом правды, такого «пути жизни», который больше соответствовал склонностям и натуре этого деятеля русского революционного движения⁵.

Марксу бесцеремонно приписывается народническая концепция предстоящего развития России, поскольку в переписке с народниками основоположник марксизма признавал возможность социалистического развития русской экономики, если свержение царизма совпадет с победой социалистической революции на Западе. В связи с этим и Энгельсу приписывается «прохладное отношение» к группе «Освобождение труда», к плехановской книге «Наши разногласия»⁶. Большое значение при объяснении эволюции Плеханова от народничества к марксизму придается ознакомлению Плеханова с политической демократией Запада, в результате чего отпал бакунинский тезис о том, что характер политической системы безразличен для народных масс. В плехановских статьях периода «Черного передела» обнаруживается... троцкистская теория «перманентной революции». Симпатии Плеханова к народолюбцам в первые годы эмиграции объясняются тем, что он познал на Западе «цену политической свободы». Работы Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» объявляются основополагающими для меньшевизма, оказавшими огромное влияние на меньшевиков и после «рокового раскола» 1903 г. Этим работам приписывается «предвосхищение троцкистского закона неравномерного развития», раз в них указывалось, что отсталая Россия не обязана повторять все стадии индустриального развития Запада и может сразу осваивать новейшие методы фабричного производства⁷.

В антинароднических трудах Плеханова Бэрон находит характерный для народников тезис о возможности избежать капиталистическую стадию развития, поскольку Плеханов проектировал сужение ее рамок. Вывод

³ См. Samuel H. Baron, *Plekhanov, The Father of Russian Marxism*, Stanford University Press, Stanford, California, 1963.

⁴ *Ibid.*, p. 17.

⁵ См. Samuel H. Baron, *Op. cit.*, pp. 50—51, 56—57.

⁶ *Ibid.*, pp. 66—68.

⁷ *Ibid.*, pp. 70, 79, 89, 113.

гласит, что «плекхановский марксизм включал и элементы волюнтаризма и элементы детерминизма, оказавшись не в силах согласовать их». Для полноты картины добавляются еще «элементы якобинизма», выражающиеся в стремлении преобразовать исторический процесс... с помощью интеллигенции. Терминология Плеханова («революция», «захват власти», «диктатура пролетариата» и т. п.) противопоставляется мнимой ориентации нового последователя марксизма... на эволюционизм. Деятельность группы «Освобождение труда» в деле пропаганды марксизма трактуется как малоэффективная, а его широкое распространение с середины 90-х годов связывается с публикацией работ не только В. И. Ленина, но и Максима Горького, П. Струве, Н. Бердяева, С. Булгакова, М. Туган-Барановского, Л. Троцкого, Ю. Мартова⁸.

Выступления Э. Бернштейна автор толкует как «кризис веры в основы марксизма», а запоздалость критических выступлений Плеханова против бернштейнианства использует для домыслов о том, что Плеханов, возможно, сам сомневался в неизбежности торжества социализма. Делается попытка дискредитировать полемику Плеханова с ревизионизмом. Читателя уверяют, будто «Бернштейн стоял в таком же отношении к Марксу, в каком находились Маркс и Энгельс к утопическому социализму или сам Плеханов к народничеству. Приклеивая этому течению ярлык утопизма, Плеханов теперь сталкивался с исторически обоснованной аргументацией Бернштейна и искал вдохновение в утопии. Плеханов требовал научного обоснования русского социализма, но оказывалось, что взгляды самого Плеханова, которыми он так гордился, больше сродни религиозной вере»⁹. Плеханову инкриминируется преувеличение роли лидеров в ревизионистском отступничестве и «непонимание того, что ревизионизм был скорее следствием и отражением умонастроения пролетариата, чем причиной», что, подобно фабианству, он был «приспособлением социалистической интеллигенции к настроению и взглядам рабочего класса», а трактовка пролетариата как «носителя социализма» будто бы «не соответствует действительности».

сти». Как утверждается в книге, победа ревизионизма стала бы возможна и в России при наличии политической демократии, а «кризис марксистской ортодоксии возник на грани двух столетий вовсе не в результате предательства или незнания марксизма некоторыми идеологами. Этот кризис возник скорее из того, что марксизм становился все менее приемлемым в изменяющемся европейском обществе. Марксистская система теряла связь со временем. Подъем ревизионизма в социалистическом движении был симптомом, а триумф ревизионизма означал великое поражение марксизма и русского защитника марксистской веры».

Экономизм объявляется неизбежным следствием расширения социал-демократического движения в России, капитуляции интеллигенции перед массами рабочих, ее желания «учиться у жизни» и проявления того правила, что «чистота лучше всего сохраняется в пустоте». Глава о борьбе Плеханова с экономизмом завершается тезисом, будто Плеханов потерпел поражение, оказавшись не в состоянии различать политическое сознание от социалистического, избежать переоценки роли социал-демократических лидеров и подготовки пути для большевизма, поскольку преодоление односторонности экономизма неизбежно вело к новой крайности большевизма, именно одностороннему преувеличению роли вождей¹⁰.

В этом нагромождении фальсификаций и злобных домыслов отчетливо выступают антикоммунистические замыслы автора. Он хочет бросить тень на ленинизм, уверяя читателей, будто большевизм был отклонением от марксизма в такой же степени, как бернштейнианский ревизионизм. Трудно придумать более чудовищную ложь. Ленинские работы 90-х годов, созданные в борьбе с народничеством и легальным марксизмом, написаны для защиты марксизма, пропаганды его. Чтобы обосновать марксистскую точку зрения на ход экономического развития России, В. И. Ленину пришлось обработать огромный статистический материал, да еще в условиях сибирской ссылки. Между тем именно в эти годы Э. Бернштейн развернул борьбу против марксизма, не скрывая своих целей и открыто отрицая первоосновы марксистской теории. В последующие годы бернштейнианцы все больше капитулируют перед буржуазным

⁸ См. Samuel H. Baron. Op. cit., pp. 114—115, 139.

⁹ Ibid., pp. 168, 174—175.

¹⁰ См. Samuel H. Baron. Op. cit., pp. 184—185, 206—207.

либерализмом, деморализуют рабочие массы Германии, парализуют революционную активность социал-демократической партии и приводят ее в болото оппортунизма, шовинизма. Этот процесс завершается позорной капитуляцией в августе 1914 г. и предательством в ноябре 1918 г. В. И. Ленин в эти годы создает подлинно революционную партию большевиков, способную повести рабочие массы в бой. Маркс и Энгельс мечтали о такой партии уже во времена «Союза коммунистов» и вели за нее борьбу в рамках I Интернационала, разоблачая прудонизм, бакунизм. Они боролись с лассальянством, дюрингианством, катедер-социализмом, добивались создания подлинно пролетарской, боевой партии.

В 1905—1907 гг. Ленин, в отличие от Плеханова, ориентировался на углубление революции, призывал использовать пролетариат как главную силу и мобилизовать крестьянские резервы революции, выдвигал лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, разоблачал политическое пресмыкательство буржуазии. Конечно, был сделан новый шаг в развитии марксистской теории, но на основе этой теории. Разве Маркс и Энгельс не мечтали об углублении революции 1848 г., хотя условия того времени и были более архаичными? Кто же осмелится утверждать, что основоположники марксизма не разоблачали трусость и предательство немецкой буржуазии или не мечтали дополнить выступления пролетариата «новым изданием крестьянской войны»? В России начала XX в. сложились более благоприятные условия для этого, и В. И. Ленин пошел дальше в развитии идей, высказанных еще Марксом и Энгельсом, но сделал это как подлинный марксист. С каких же пор дальнейшее развитие идей основоположников той или иной теории стало трактоваться как ее отрицание? Между тем софистика Бэрона исходит как раз из той странной «мысли», что развитие марксизма исключено, возможно только его опровержение. На самом деле В. И. Ленин дал марксистский ответ на актуальные вопросы первой русской революции и указал единственно правильный путь народным массам России, мудро определил историческую роль пролетариата в условиях антифеодальной революции крестьянского типа, значительного развития рабочего движения, крайнего обострения аграрных противоречий.

В период революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин придавал огромное значение аграрному вопросу, решительно защищал лозунг национализации земли как наиболее радикальное решение аграрного вопроса, соответствующее интересам крестьянства, требованиям экономического развития и задачам углубления революции. Но в этом не было и намека на отклонение от марксизма. Энгельс подчеркивал, что в антифеодальных революциях Западной Европы крестьянство составляло главную силу, а Маркс придавал большое значение аграрным проблемам пореформенной России и начал готовить капитальное исследование их. Язву паразитизма основоположники марксизма считали подлежащей хирургическому устранению, многократно разоблачали социальный паразитизм землевладельческой знати. Их идеи и развивал В. И. Ленин, разрабатывая аграрную программу большевиков.

В. И. Ленин создал теорию империализма, раскрыл особенности новой эпохи и сделал ценнейший вклад в сокровищницу идей марксизма. Но только злостный фальсификатор усмотрит в этом отклонение от марксизма. Разве ленинская теория монополистического капитализма не опирается на учение Маркса и Энгельса о преимуществах крупного производства, неизбежности концентрации и централизации капитала, вырождении конкуренции и превращения ее в монополию? В. И. Ленин развил и углубил это учение на основе нового исторического опыта, путем анализа конкретных материалов о развитии капиталистических монополий. То же самое следует сказать и относительно ленинской трактовки финансового капитала, экспорта капитала, экспансии колониализма, его роли в развитии современного капитализма. Создавая теорию империализма, Ленин опирался на труды Маркса и Энгельса. Достаточно отметить, что Ф. Энгельс в своих последних работах уже отмечал новую роль биржи, появление трестов и т. д.

Буржуазные апологеты никак не могут простить В. И. Ленину того, что он выдвинул в 1917 г. лозунг социалистической революции и стал вдохновителем ее побед, хотя Россия была экономически отсталой, аграрной страной. В этом усматривается покушение на марксистскую ортодоксию, отклонение от нее. Но Маркс и Энгельс (в отличие от Плеханова) не превращали в дог-

му то положение, что предпосылки социалистической революции создаются мощным развитием промышленности капиталистических стран, ускоряющим формирование революционного пролетариата и обострение классовых противоречий. Это главное направление исторического развития в конкретной обстановке осложняется целым рядом моментов. Так, Энгельс отмечал, что торговая эксплуатация аграрных стран и грабеж колоний давали английской буржуазии значительные возможности для подкупа «рабочей аристократии». Пролетарская революция запаздывала, хотя именно Англия еще в XIX в. стала наиболее индустриальной страной. Во Франции такая революция тормозилась распыленностью пролетариата, в Германии — цеховыми традициями рабочего движения и шовинизмом, в США — расовыми предрассудками, национальной разрозненностью рабочего движения, давлением буржуазной идеологии и колонизацией «западных земель» (разновидностью внутреннего колониализма). Эмиграция в Англию и колонизация в США давали отдушину для противоречий капитализма, приводили к рассеянию пролетарских кадров, ослаблению позиций пролетариата. Наоборот, в России в 1917 г. революционные события привели в движение огромные массы людей, которые стали политическим резервом пролетариата. Буржуазная по содержанию и народная по движущим силам Февральская революция открыла широкие возможности для рабочего класса, резко увеличила его политическое влияние. В России 1917 г. политическая зрелость пролетариата достигла высокой степени, его возглавляла подлинно революционная партия большевиков.

Почему же В. И. Ленин не имел права при определении политической линии большевиков учитывать все эти моменты, благоприятные для победы социалистической революции, если Маркс и Энгельс неоднократно отмечали факторы, тормозящие революцию в отдельных странах? Господин Бэрн не сводит концы с концами, так как в силу своей странной логики он должен был бы и Энгельса осуждать за отклонение от марксизма, поскольку Энгельс предлагал всесторонне анализировать обстановку, учитывать тормозящие влияния и не ожидать автоматической победы пролетарской революции в итоге одного лишь процесса индустриализации. Гени-

альность В. И. Ленина и сказалась в том, что он диалектически подошел к оценке ситуации в России и пророчливо определил возможности социалистической революции. В этом его бессмертная заслуга перед человечеством, а не только народами России. Гениальный прогноз блестяще оправдался. Россия стала родиной социализма.

Кроме того, не следует преувеличивать и экономическую отсталость России 1917 г. Если исключить колониальную периферию, т. е. огромные территории Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, то окажется, что объем промышленного производства на душу населения и единицу территории был довольно значительным. Промышленность концентрировалась в пяти районах (Петроградский, Подмосковный, Прибалтийский, Уральский, Донецкий), и это усиливало позиции пролетариата. Много раз отмечалась высокая концентрация производства и рабочих на предприятиях русской промышленности дореволюционного периода. Ленинизм стал дальнейшим развитием марксизма, а не отклонением от него. Домыслы Бэрна фальшивы в своей основе. Он выдвигает нелепый тезис, будто ортодоксальный марксизм нигде не смог обрести родину, найти себе место в мировой истории. Но говорить о полной победе бернштейнианского реформизма в Западной Европе — значит беззастенчиво фальсифицировать историю. Достаточно отметить, что марксизм-ленинизм возторжествовал не только в России, но и в социалистических странах Европы. Разве Европа ограничивается лишь Атлантическим побережьем? Может быть, американский ученый не знает о победе марксизма-ленинизма в рабочем движении Италии, Франции? И разве в Испании не потребовалась кровавая диктатура Франко, чтобы на некоторое время отсрочить крушение капитализма? Германия 1918, 1923, 1932 и 1945 гг. была на грани пролетарской революции, а для спасения капитализма понадобилась предательская тактика правых социал-демократов и кровавая диктатура Гитлера. Заповедником реформизма оказалась Англия, но причины этого уже отмечались выше. Английские лейбористы тянулись к колониальному пирогу и парализовали революционную энергию пролетариата. На континенте Западной Европы реформизм держится в группе стран — Швейцарии, Бель-

гии, Голландии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, но и в них продолжается формирование все более сильных коммунистических партий. В Западной Германии труп реформизма гальванизируется шовинизмом и рваншизмом.

Марксизм-ленинизм восторжествовал не только в России. Он широко распространяется в Азии, Африке, Америке. Не случайно буржуазные апологеты вынуждены сейчас публиковать множество книг, брошюр и статей для «ниспровержения марксизма». Если он не нашел нигде опоры, то оказывалось бы непонятным усердие агентуры современной буржуазии.

В резерве буржуазных апологетов остается лишь клеветнический тезис, будто ленинизм означает отклонение от марксизма. Но несостоятельность подобных домыслов уже доказывалась выше. Великая Октябрьская социалистическая революция явилась триумфом марксизма, она открыла эру социализма, оправдала научные прогнозы Маркса и Энгельса. Ленинский план построения социализма предусматривал реализацию их идей, был их дальнейшим развитием. Подтвердилось решающее значение крупной промышленности как материальной базы социализма. Ликвидация буржуазной собственности на средства производства и их обобществление оказались непременным условием успеха строительства социализма, как и предсказывали основоположники марксизма. Стало неизбежным кооперирование мелких производителей (ремесленников, крестьян), о чем писал еще Энгельс. Социалистическое строительство в СССР практически доказало правильность марксистских идей об исторической роли рабочего класса, его руководящем значении и необходимости пролетарской диктатуры как политическом условии ликвидации капитализма, подавления эксплуататоров, организации народных масс на борьбу за социализм. После второй мировой войны советский опыт социалистического строительства нашел самое широкое признание и практическое применение за рубежом во многих странах.

Следовательно, тезис Бэрона об исторической бесплодности ортодоксального марксизма, его поражении на Западе и Востоке является обыкновенной клеветой, не может быть подкреплён конкретными фактами. Марксизм оказался соответствующим как изменяющимся ус-

ловиям индустриального Запада, так и бурным событиями индустриализирующегося Востока. В XX в. марксизм получил несравненно более широкое признание, чем в XIX столетии, марксистские идеи проникли во все уголки земного шара, повсюду возникли коммунистические партии, высоко поднявшие знамя марксизма-ленинизма.

Пытаясь дискредитировать марксистско-ленинское учение, американский апологет наемного рабства не брезгает никакими грязными средствами. На протяжении всей книги Бэрон обвиняет В. И. Ленина в пристрастии к бакунизму, народофильству, бланкизму, хотя именно Ленин вел непримиримую борьбу с народничеством, анархизмом и бланкизмом, ориентировался на пролетарский социализм и массовую партию. Достаточно прочесть ленинскую работу «Что делать?», и нелепость инсинуаций Бэрона станет очевидной. Но он не довольствуется ими и клеветает на Плеханова, Маркса. Сначала Плеханов объявляется представителем ортодоксального марксизма и чуть ли не единственно верным учеником Маркса на протяжении 40 лет, а затем выдвигается тезис, будто одним из первоисточников плехановского марксизма послужил... бакунизм, вызвавший интерес Плеханова к материалистическому пониманию истории. Но экономический материализм не был характерным для Бакунина и являлся плохой гарантией такого понимания. Легко доказать, что Бакунин идеалистически решал коренные проблемы мировой истории, считал капитализм (как и рабство, феодализм) порождением государства, ориентировался на политический волюнтаризм. Отдельные высказывания «апостола разрушения» в духе экономического материализма не имели отношения к марксизму, упрощали исторический процесс и не давали основы для его марксистского понимания.

Больше того, Бэрон приписывает даже Марксу народофильские взгляды, признание «общинного социализма», водворить который в России собирались революционные народники. Однако ответ Маркса на вопрос Веры Засулич не дает оснований для подобных домыслов. Решающее значение для строительства социализма Маркс придавал победе пролетарской революции на Западе и делал вывод, что, оказавшись в ее орбите, Россия смогла бы встать на путь социализма. Экономиче-

ская и политическая помощь социалистического Запада делала реальной такую перспективу. В этих условиях обширные связи русского крестьянства облегчили бы его кооперирование. В прогнозах Маркса не было ничего народнического, и они оправдались. Разве сейчас мировая социалистическая система не делает возможным построение социализма даже в экономически еще более отсталых, чем дореволюционная Россия, странах Азии или Африки?

Столь же нелепы и попытки приписать народничество Энгельсу, который якобы занял недоброжелательную позицию по отношению к плехановской группе «Освобождение труда». Критические замечания в адрес этой группы были естественны и ничего не доказывают. Ведь ее создали бывшие землевольцы, чернопередельцы, и в ее обеих программах сохранялись элементы народничества, лассальянства.

Идейная эволюция Плеханова искажается американским фальсификатором самым бесцеремонным образом. Роль Плеханова как пионера марксизма в России умалется. Об этом свидетельствует заявление о незначительной эффективности работы плехановской группы «Освобождение труда» по распространению марксизма в России и решающей роли в этом Струве, Бердяева, Булгакова, Туган-Барановского, Троцкого и Мартова. Но буржуазные апологеты (вроде Струве) лишь фальсифицировали марксизм и использовали отдельные его положения для грязных целей, идеализации капитализма, прославления прогрессивной роли буржуазии. Игнорировалось то обстоятельство, что начиналась эпоха империализма, сформировался революционный пролетариат и буржуазия уже становилась реакционным классом. Зачеркивать историческую роль группы «Освобождение труда» нет оснований. Она перевела на русский язык целый ряд работ Маркса и Энгельса, опубликовала блестящие произведения Плеханова, нанесла серьезный удар народничеству, активно распространяла марксистскую литературу в России. Позиции группы ослаблялись тем, что в 80-х годах в России еще не было массового рабочего движения. Оно появилось в 90-х годах, и марксизм получил широкую аудиторию. Однако в подготовке этих успехов важную роль сыграла и плехановская группа.

Сам переход Плеханова на позиции марксизма толкуется превратным образом и объявляется заслугой... Запада, его цивилизации. Бэррон уверяет, будто эмиграция Плеханова была вызвана его решительным «разочарованием в России». Но об этом нет никаких сведений. Зато хорошо известно, что Плеханов покинул Россию под угрозой репрессий, в результате преследований со стороны царской полиции. Он никогда не разочаровывался в России, был ее горячим патриотом, твердо верил в победу революции. Смятение наступило позднее, когда надо было готовить события пролетарской революции, идущей на смену буржуазно-демократической. Говорить же о плехановском разочаровании в России в 1880 г. — значит искажать историю его идейной эволюции. Как утверждает Бэррон, Плеханов отправился на Запад в поисках подходящего «пути жизни» и обрел его, уверовав в политическую демократию Запада. Она-то якобы и сделала героя демонстрации у Казанского собора марксистом. Однако попытка таким образом объяснить идейную эволюцию Плеханова не выдерживает критики. Глазам русского революционера на Западе предстала картина нищеты рабочих масс, их жестокой эксплуатации, крайнего обострения классовых противоречий, широкого размаха рабочего движения и быстрого распространения марксизма. Это сыграло важную роль в переходе Плеханова от народничества к марксизму. Парламентаризм мог посеять лишь парламентские иллюзии. Но в лучший период своей деятельности Плеханов был свободен от них. Чтобы понять важную роль политической борьбы, ему достаточно было познакомиться с новыми формами рабочего движения, учением и опытом марксизма. Крушение бакунистских планов землевольцев также было весьма убедительным. Бэррон навязывает читателю мысль, будто Плеханов «познал цену политической свободы» на Западе и потому стал марксистом. Но, как известно, такой свободы там было очень мало. В Германии действовали «исключительные законы» против социалистов, во Франции существование республики часто оказывалось под угрозой. Сам Плеханов иногда становился объектом репрессий. Политическую свободу и Западу надо было еще завоевывать. Хорти, Муссолини, Пилсудский, Гитлер, Франко, Антонеску показали, как непрочно были ее позиции и много позднее. Изобра-

жать Запад извечной обителью политической свободы, в которой первые русские марксисты черпали свое вдохновение, значит просто отдавать дань политической демагогии буржуазных апологетов.

Бэрон не только приписывает Марксу, Энгельсу и Ленину пристрастие к народничеству. Автор заявляет, что уже в статье «Закон экономического развития и задачи социализма» Плеханов будто бы рассуждает «по Марксу». Выходит, что Плеханову и не требовался переход на позиции марксизма, он стоял на них еще в народнический период своего развития. На самом деле в этой статье изолированно воспроизводились отдельные положения Маркса, но они получали народническую интерпретацию. Бэрон пытается снять грань между народничеством и марксизмом, приписать теоретические достижения Плеханова в марксистский период. Больше того, выдвигается тезис, что и после 1883 г. Плеханов якобы допускал возможность для России миновать стадию капитализма. Конечно, в этом не был повинен автор «Наших разногласий», хотя некоторые отголоски народничества и сказывались в программах группы «Освобождение труда» (признание террора и т. д.). Плеханов неизменно подчеркивал, что Россия уже вступила на путь капитализма и линия ее развития бесповоротно определялась.

Марксистские работы Плеханова, относящиеся к 1883—1903 гг., Бэрон всячески пытается дискредитировать, щедро приклеивая лучшим трудам выдающегося марксиста ярлыки троцкизма, меньшевизма, волюнтаризма и даже эволюционизма. На самом деле книги «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» пользовались широкой популярностью не только среди меньшевиков. Об этих произведениях Плеханова положительно отзывался и В. И. Ленин, они оказали благотворное влияние на революционное движение в России, формирование РСДРП, идейную консолидацию марксистского направления. Сближение взглядов Плеханова — чернопередельца и марксиста не выдерживает элементарной критики. Народническая концепция чернопередельцев не имела отношения к идее «перманентной революции», в том числе и в троцкистском истолковании. По Троцкому, в итоге такой революции появляется «правительство рабочих» (после свержения царизма). Но

чернопередельцы не проектировали правительство подобного рода. Нелепо приписывать Плеханову и антиципацию троцкистского «закона неравномерности экономического развития». Такого закона троцкизм не формулировал, он отрицал этот закон в условиях империализма, когда неравномерность развития особенно усиливается. Что же касается проявлений неравномерности на других стадиях исторического развития, то она общеизвестна и признание ее не является теоретической заслугой троцкизма. Еще Маркс и Энгельс показали, как в XVI в. вырвалась вперед Испания, в XVII в. — Голландия, в XVIII столетии — Англия, затем в XIX столетии ускоряют свое развитие США и Франция, наконец стали набирать темпы Германия, Россия, Япония. В полемике с народниками Плеханов опирался на труды основоположников марксизма и акцентировал на том, что отсталая Россия ускоряет свое развитие. Кроме того, Плеханов отмечал и нивелировку уровня развития отдельных стран, как только они становятся на путь капиталистической индустриализации. Он акцентировал на процессе европеизации России. Плехановская полемика с народничеством не имеет никакого отношения к троцкизму.

Совершенно вздорной оказывается попытка приписать Плеханову 1883—1903 гг. ориентацию на эволюционизм и зачеркнуть то, что он писал о революции, захвате власти, диктатуре пролетариата. В ту пору Плеханов был выдающимся революционером русской закалки, прошедшим школу подполья, и не мыслил себе будущего России без радикальной революции. Вся деятельность группы «Освобождение труда» была направлена на подготовку такой революции. Поиск мнимого противоречия между детерминизмом и волюнтаризмом в работах Плеханова того времени — бесплодное занятие. Именно он давал диалектическое решение вопроса о взаимоотношениях производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, экономики и политики. Плеханов убедительно разоблачал экономический материализм и исторический волюнтаризм. Якобинские тенденции были свойственны Плеханову этих лет, но не исключали правильного решения вопросов социологии. Ссылки на переоценку роли революционной интеллигенции неубедительны. Как раз Плеханов резко критиковал

народников за эту переоценку, хотя иногда он допускал неудачные формулировки.

Буржуазные апологеты никак не могут простить Плеханову решительной и принципиальной борьбы против Бернштейна. Старается оклеветать ее и Бэрн, уверяя, будто Бернштейн выразил кризис веры в марксизм, опираясь на исторические факты, развил более зрелые идеи, обнаружил несоответствие марксизма новым условиям общественного развития и сделал возможным триумф ревизионизма. Однако эта апология бернштейнства выглядит весьма жалко. Хорошо известно, что бернштейнство отразило влияние буржуазного либерализма на рабочее движение, мешанские интересы «рабочей аристократии», Политическое холопство социал-демократических лидеров было настоящим предательством коренных интересов пролетариата¹¹. Бернштейн беспомощно повторял фразеологию Шульце-Делича, Л. Brentано и других, выдавая домыслы буржуазных либералов за новое откровение. Как раз в тот период, когда в США, Германии и других странах устанавливалась диктатура монополий, Бернштейн начал болтать о демократизации капиталистической собственности. Он писал о смятении экономических кризисов, но в год его смерти (1932) Германия была парализована катастрофическим кризисом. Только 6 недель Бернштейн не дожидаясь прихода Гитлера к власти и превращения Германии в концентрационный лагерь. В одном из них мог оказаться и он после десятилетий прославления буржуазной системы парламентаризма. Между тем с конца XIX в., как уже отмечалось выше, началось еще более широкое распространение марксизма, а с 1917 г. — его настоящий триумф. Победа в мировом масштабе осталась за марксизмом. Если бернштейнские идеи сохранились в рабочем движении Западной Германии, то это объясняется реформистским перерождением правых социал-демократов, играющих на шовинистических настроениях и обывательских интересах «рабочей аристо-

¹¹ См. Ф. Я. Полянский, Ревизионистское содержание экономической концепции бернштейнства (в сб.: «Критика экономических теорий предшественников современного ревизионизма», Соцэкгиз, М., 1960, стр. 62—173); Ф. Я. Полянский, Социология бернштейнства и ее буржуазные истоки (в сб.: «Истоки современного ревизионизма и его буржуазная сущность», Изд-во МГУ, 1961, стр. 67—114).

кратии». Говорить о превращении марксизма в утопию со времени появления бернштейнства могут лишь злостные фальсификаторы. Основные «идеи» бернштейнства были раскрыты еще Марксом и Энгельсом, которые многократно разоблачали буржуазный либерализм и демократические иллюзии Лув-Блана, Лас-сала, самого Бернштейна, Brentано и т. д. Марксизм и в XX в. соответствует социальным условиям, так как природа капитализма осталась прежней, несмотря на изменение его форм. Только опираясь на методологию и экономическое учение марксизма, В. И. Ленин раскрыл особенности эпохи империализма.

Бэрн клеветает на Плеханова, когда приписывает ему сомнения в правильности идей научного социализма. Именно с его позицией Плеханов и критиковал Э. Бернштейна, К. Шмидта. В борьбу с ними он вступил сразу, и говорить о колебаниях нет оснований. Задержка получилась лишь с полемикой против Струве, но по другим мотивам. Чтобы еще раз обвинить Плеханова в переоценке роли интеллигенции, Бэрн инкриминирует ему преувеличение роли лидеров бернштейнства, которые, видите ли, не были повинны в распространении ревизионизма. Дело сводилось якобы к тому, что социал-демократические лидеры приспособлялись к ревизионистским настроениям рабочих. Но активная деятельность Бернштейна и его соратников по распространению буржуазной идеологии среди рабочих очевидна, и Плеханов правильно клеймил это как предательство. Разоблачить позорную роль глашатаев бернштейнства — вовсе не значит преувеличить роль интеллигенции. Рабочие массы предрасположены к борьбе за социализм, но живут в условиях буржуазного общества и испытывают его давление. За приобщение этих масс к социалистическому движению, как многократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма, нужно вести активную борьбу, а бернштейнцы срывали ее. Среди рабочих Западной Германии и сейчас много правоверных христо-демократов, а не только реформистов. Марксизм никогда не ставил знака равенства между социальным статусом рабочих масс и их политическим сознанием. Если бернштейнство находило поддержку реформистов даже пролетарского происхождения, то это не дает основания делать вывод, будто буржуазно-либеральная

фразеология Бернштейна выражала подлинные интересы пролетариата. Бернштейнцы приспособлялись к буржуазии, а не к пролетариату, плелись в хвосте буржуазных либералов, пытались идеологически разоружить и дезорганизовать рабочий класс. Рассуждения Бэрона сводятся лишь к спекуляции на политической отсталости части рабочих. Его домыслы о неизбежности победы ревизионизма в России после демократизации ее государственного строя покоятся на песке. В 1917 г. демократизация произошла, но ревизионизм потерпел сокрушительное поражение, восторжествовал большевизм.

Борьба Плеханова с экономизмом получает столь же фальшивую оценку, как и полемика с бернштейнством. Бэрон вновь твердит о поражении Плеханова, хотя экономизм быстро сошел со сцены, был ассимилирован меньшевизмом, который в 1917 г. проиграл битву за рабочий класс, Россию, был выброшен на свалку истории. Лидеры экономизма вовсе не были представителями интеллигенции, приспособляющейся к политическому уровню рабочих или берущей «уроки жизни». Эти домыслы опровергаются последующей эволюцией Прокоповича, Кусковой и других пророков экономизма. Они оказались позднее среди кадетов, в лагере контрреволюции. Плеханову опять приписывается переоценка роли интеллигенции и лидеров, теперь уже социал-демократических. Это якобы и пошло на пользу большевизму. Но от подобной переоценки плехановская критика экономизма была свободна. Зато эта критика, несомненно, сыграла положительную роль в истории рабочего движения России, содействовала укреплению РСДРП.

Период тесного сотрудничества Плеханова с В. И. Лениным в годы издания «Искры» презрительно третируется Бэроном как время, когда Плеханов шел «в упряжке с Лениным», а успехи марксистской пропаганды в России объясняются деятельностью «талантливой группы молодых марксистов», включающей не только Ленина, но и Мартова, Потресова, Струве. Разногласия между Лениным и Плехановым при подготовке Программы РСДРП наивно «объясняются» всего лишь «различием стиля двух людей», а ленинские замечания о плехановском проекте ставятся под сомнение потому, что по затронутым вопросам и сам Плеханов исписал немало чернил. Ленин обвиняется в недооценке роли либе-

ральной буржуазии, в признании детерминизма исторических событий, в покушении на плехановскую идею «двух стадий революции» (буржуазной и социалистической). Зато утверждается, что и в период революции 1905 г. Плеханов считал «*Salus revolutionis suprema lex*», склонялся к признанию высшей роли партии, противореча идеем, развитым в книге «Наши разногласия», и давал «безупречно марксистский анализ революционного процесса, но марксистское учение не так легко было согласовать с действительностью». Вновь повторяя тезис, что Бернштейн скорее индуктивно, чем дедуктивно пришел к выводам, поколебавшим будто бы марксистскую теорию социалистической революции, Бэрон уверяет, что и Ленин принимал (в книге «Что делать?») бернштейнские тезисы о склонности рабочих к реформизму, хотя и осуждал ее. Плеханов занял центристскую позицию ортодоксального марксизма, не считаясь с фактами, а потому победа осталась за Бернштейном (на Западе) и Лениным (в России), которые, удаляясь от марксизма, учитывали все же политическую обстановку¹².

Идейную эволюцию Плеханова в период революции 1905 г. автор связывает с тем, что за границей Плеханов познал «европейскую жизнь», обуржуазился, уверовал в «политические и культурные достижения» Запада и стал желать России приобщения к этим достижениям. Если Ленин больше склонен был разоблачать, чем поддерживать буржуазию, то Плеханов занял такую позицию по отношению к крестьянству. Трагедию плехановской тактики Бэрон усматривает в попытке сочетать призывы к повышению сознательности пролетариата и активизации революционной деятельности буржуазии. Находясь в изгнании, Плеханов не понимал ситуации в России, стал доктринером и, оставаясь на позициях «экономического детерминизма», не мог встать на путь «революционного авантюризма», характерного якобы не только для Троцкого, но и Ленина. Плеханову инкриминируется непонимание и того, что в условиях революции 1905 г. «начался кризис русского ортодоксального марксизма», и старость помешала Плеханову проявить гибкость ума. Большевикам приписывается организация «финансовых экспроприаций», повлекшая дискредитацию партии, а Ле-

¹² См. Samuel H. Baron. Op. cit. pp. 208, 224, 230, 252—253.

ницу — разрыв с «плекхановской схемой двух стадий революции»¹³.

Касаясь научных исследований Плеханова после революции 1905 г., Бэрн утверждает, что лишь Плеханов был наиболее преданным последователем философии марксизма, так как Каутский допускал примирение ее с кантианством, а Ленин будто бы терпеливо относился к «богостроительству», считая этот вопрос не относящимся к проблеме социальной революции. Бэрн полемизирует с рассуждениями Плеханова о неизбежности революции, подчеркивая, что «эволюция не всегда подготавливает революцию», исход событий зависит от «склонностей людей», и в XIX в. правящие классы предпочитали социальные реформы, которые лишали пролетариат революционной страсти (в Англии и Германии). В России правящие классы не проявили нужной гибкости, и социальная эволюция подготовила революцию. В таких условиях Ленин, используя революционные порывы масс, решил низвергнуть все (государство, аристократию, буржуазию) и «перескочить все исторические стадии». Что же касается Плеханова, то он якобы не смог преодолеть антитезу свободы и детерминизма, эволюции и революции, а плехановский ортодоксальный марксизм отвергался ходом исторического развития, так как в Западной Европе «баланс устанавливался в пользу эволюции». Поэтому даже в талантливом истолковании Плеханова марксизм оказывался далеким от того, чтобы быть «последним словом социальной науки».

Бэрн акцентирует на том, что в годы первой мировой войны Плеханов покинул позиции интернационализма и классовой борьбы, стал призывать рабочий класс к сотрудничеству с буржуазией и защите существующего государства, а не к его ниспровержению, начал подчинять дело социализма задачам национальной обороны и развивать взгляды ревизионистского толка, апеллировать к этике кантианства, допускать синтез его с марксизмом. Причина усматривается в том, что история открывает людям «больше путей для исторического развития, чем допускает марксистский детерминизм»¹⁴. Идею крушение Плеханова в 1917 г. подается под

¹³ Samuel H. Baron. Op. cit., pp. 258, 266, 273, 275—276, 280, 285.

¹⁴ Ibid., pp. 294—295, 329—330, 335.

броским заголовком «Отвергнутый пророк». При этом подчеркивается, что будто бы «пролетарский социализм» не интересовал народные массы, Временное правительство могло удовлетворить солдат и крестьян (выходом из войны, проведением аграрной реформы), в большевистском лозунге «Мир, земля и хлеб» не было ничего социалистического. Большевистская победа скорее объясняется «искусным использованием общего недовольства масс, чем их борьбой за пролетарский социализм», а также особенностями партийной системы (централизм, вождизм), свободой от доктринерства (раз для захвата власти складывались благоприятные условия). Ленину приписывается восприятие троцкистской «схемы непрерывной революции», отказ от лозунга диктатуры пролетариата и крестьянства. Бэрн отрицает буржуазность Временного правительства, поскольку оно не имело опоры в массах и лишь с соизволения социалистических лидеров Советов могло пользоваться реальной властью. Честь защиты «марксистской ортодоксии» Бэрн оставляет за Плехановым и обыгрывает тот факт, что Плеханов в 1917 г. обвинял Ленина в анархизме, бакунизме, именовал «алхимиком революции». Не отрицая перехода Плеханова на кадетские позиции, автор акцентирует на том, что за годы своего пребывания в Западной Европе Плеханов «научился ценить политический либерализм», а призывая Временное правительство к борьбе с большевиками и «стабилизации демократического строя», фактически становился ревизионистом. Дело дошло, наконец, до приглашения Плеханова в правительство, проектируемое генералом Корниловым¹⁵.

Октябрьская революция рассматривается в книге как событие, нанесшее сокрушительный удар Плеханову и его теории, которая страдала схематизмом, свойственным марксизму, уподобляла Россию Западу, возводила исторический путь Франции в общеобязательную норму, хотя даже Германия избежала буржуазной революции, и Россия 1900 г. была ближе к Германии 1848 г., чем к Франции перед 1789 г. Крушение Плеханова объясняется тем, что он слишком далеко отошел от народнических идей и вообразил, будто капитализм превратит Россию в «копию западного общества», хотя в России

¹⁵ Samuel H. Baron. Op. cit., pp. 333—334, 348, 350—351.

не возникло сильной и влиятельной буржуазии, она не созрела для управления и не могла стать лидером революции, существовали аграрные противоречия и крестьянство шло за «боевым индустриальным пролетариатом». Русская буржуазия была напугана и рабочим движением на Западе. Поэтому Плеханов, призывая рабочих к повышению политического сознания, сам подрыл основы «революционных деяний» буржуазии, на которую возлагал большие надежды¹⁶. Не только Ленин, но и Плеханов обвиняется в «историческом волюнтаризме», поскольку Плеханов проектировал использовать буржуазную революцию для подготовки социалистической. В свою очередь Ленину Бэрон приписывает плехановскую точку зрения на развитие революции в Индии и Китае («схема двух стадий»). Фигурирует и вопрос, который будто бы Плеханов задавал Дейчу после Октябрьской революции: «Не слишком ли рано мы начали пропаганду марксизма в отсталой, полуазиатской России?»

Особое внимание автор уделяет тому, что победу большевиков Плеханов объяснял недостаточной «европеизацией России», низким уровнем сознания пролетарских масс, переходом Ленина и Троцкого после февраля на позиции народничества, бакунизма. Переход в 1921 г. к излу трактуется как капитуляция большевиков перед традиционными «формами русской жизни» и признание правильности плехановских предупреждений об опасности «крестьянского варваризма»¹⁷. Поднимаются на шит и плехановские изречения 1885 г. об опасности «патриархального или авторитарного коммунизма», образец которого дает якобы «сталинский режим». Корень дела Бэрон усматривает в том, что «государственный контроль над средствами производства приводит к крайней степени зависимости народных масс». Клевета на советское общество, автор уверяет, что оно лишено «политических прав», а без них и материальное благополучие оказывается лишенным значения.

В заключение Бэрон еще раз повторяет, что «поражение Плеханова символизировало поражение ортодоксального марксизма, идеи которого Плеханов развивал

на протяжении всей своей жизни. Неудачи в борьбе с ревизионизмом и большевизмом — двумя большими уклонами — объяснялись не личными недостатками Плеханова, а несоответствием марксизма изменившимся общественным условиям в Европе начала XX в.». Реформизм уничтожил шансы социалистической революции на Западе, а в отсталой России формулы ортодоксального марксизма были неприменимы. Попытки Плеханова провести корабль «между Харибдой реформизма и Сциллой большевизма закончились плачевно». Будучи противником утопизма, Плеханов сам оказался во власти утопии, не смог определить взаимоотношения между «детерминизмом и волей, эволюцией и революцией», а ход событий в России опровергал веру в то, что история есть объективный процесс, подчиняющийся познанным законам и независимый от человеческой воли. Несмотря на столь сомнительное понимание истории, Плеханов правильно указывал путь, так как «на Западе реформизм модифицировал капитализм, но не добился его социалистического преобразования», а в России плехановские предупреждения об опасности преждевременного захвата власти обернулись беззаконием 1917 г.¹⁸

В этом хаосе противоречивых утверждений и зловещих домыслов слышны все же знакомые мелодии. При рассмотрении меньшевистского периода идейной эволюции Плеханова новый американский фальсификатор истории вновь и вновь повторяет совершенно несостоятельный тезис, будто идейно-политическое крушение Плеханова в 1905 и 1917 гг. было поражением ортодоксального марксизма, предотвратить которое не могло и плехановское красноречие. Взорность этого тезиса уже разоблачалась выше, и к нему можно не возвращаться. Но следует отметить, что Бэрон разоблачает себя, часто признавая фактический отход Плеханова от марксизма.

Так, Плеханову приписывается «безупречно марксистский анализ» революции 1905 г., и доказательство этого усматривается в стремлении больше разоблачать, чем поддерживать крестьянство, больше поддерживать, чем разоблачать буржуазию. Но что же в этом марксистского? Разве крестьянство, боровшееся за землю, не было естественным союзником пролетариата? Почему

¹⁶ Samuel H. Baron, Op. cit., pp. 354—355.

¹⁷ Ibid., pp. 357—368, 360.

¹⁸ Samuel H. Baron, Op. cit., pp. 360—361.

же главная задача марксиста должна была состоять в разоблачении крестьянского консерватизма, а не в мобилизации революционно-демократических сил деревни под знаменем пролетариата, как это делали большевики? Слишком превратно толкует Бэрн интересы ортодоксального марксизма в условиях революции 1905 г. О крестьянском консерватизме достаточно много в России писали славянофилы, народники, монархисты. Демонстрация его не была главной задачей для марксиста. Надо было поднять крестьянские массы на борьбу и увлечь их в поток революции, за пролетариатом. Наоборот, когда речь заходила о буржуазии, то главной становилась задача разоблачения грабительских интересов российских толстосумов, их политического пресмыкательства перед царизмом, противоположности классовых интересов пролетариата и буржуазии. Именно так поступали сами основоположники марксизма еще в XIX в., разоблачая неприглядную роль буржуазии даже в антифеодальных революциях. Плеханов нарушил эту традицию, отошел от марксизма в вопросах большого исторического значения. Он апеллировал к либерально-народническим концепциям истории России, искал в ней вариант «восточного деспотизма», выдвигал меньшевистскую программу «муниципализации земли», призывал не братья за оружие, чтобы затормозить ход революционных событий. Все это было чуждо марксизму. Именно отклонение от него и подорвало авторитет Плеханова уже в период революции 1905 г.

Явной клеветой оказывается утверждение Бэрона, будто марксизм не давал основы для правильного решения проблем революции, начался кризис марксизма, и Плеханов стал жертвой этого процесса в силу старческой атрофии мозга. Только опираясь на основные положения марксизма, В. И. Ленин смог правильно решить проблемы русской революции, открыть возможность ее перерастания в социалистическую. История оправдала в 1917 г. этот прогноз. Общеизвестно, что в меньшевистский период Плеханов создал целый ряд крупных и оригинальных исследований философского, исторического, литературоведческого характера. Поэтому разговоры о недостаточной гибкости ума ничего не объясняют. Сам Бэрн акцентирует на том, что Плеханов обуржуазился, занял центристскую позицию, в 1914—1917 гг. встал на

путь ревизионизма и национализма, уверовал в «политический либерализм» буржуазного типа, обрел доверие генерала Корнилова. Но как же тогда можно говорить о том, что Плеханов всегда оставался на позициях марксизма и даже в 1917 г. «защищал честь» марксистской ортодоксии? Одно не вяжется с другим, и автор не в состоянии преодолеть путаницу, противоречивость самих домыслов.

Он делает жалкие попытки зачеркнуть и те марксистские положения, которые еще сохранялись в работах Плеханова, пускается в поиски противоречий в этих работах, чтобы доказать, что Плеханов остался во власти «марксистской утопии». Так, в упрек Плеханову ставится стремление к повышению политического сознания рабочих, поскольку их революционные выступления вызывали страх буржуазии, толкали ее в сторону реакции. Конечно, в этом сказывалось противоречие плехановского меньшевизма, пытавшегося примирить неприемлемое и навязать пролетариату политику соглашения с буржуазией. Но для марксиста борьба за политическое просвещение пролетарских масс совершенно естественна и обязательна, она логически вытекает из основ марксизма. Более важное противоречие заключалось в том, что Плеханов, претендуя на роль пролетарского лидера, считал возможным просвещать буржуазию относительно ее интересов и исторического призвания (особенно в 1917 г.). Наглядное представление об этом дает позорная речь Плеханова в августе 1917 г. на государственном совещании в Москве.

Бэрн акцентирует на пристрастии Плеханова к «экономическому детерминизму», чтобы бросить тень на методологию марксизма. Действительно, в меньшевистский период Плеханов покидает почву материалистической диалектики и важнейший вопрос о движущих силах русской революции, ее перерастании в социалистическую решает с позиций экономического материализма, его вульгарной концепции исторического развития. Но это было следствием отказа от марксизма, эволюции вправо, капитуляции перед реформизмом и перехода на позиции меньшевизма. Именно этим объясняются методологические провалы позднего Плеханова, но они не имеют отношения к марксизму. Нелепо отождествлять марксизм с его извращением, меньшевизмом.

Бэрон вновь повторяет тезис о том, что Плеханов не решил и в меньшевистский период проблему взаимоотношений детерминизма и человеческой воли, эволюции и революции, стал жертвой «марксистского схематизма». Но опять дело сводится к тому, что пороки, свойственные меньшевизму, приписываются марксизму. В. И. Ленин показал, что марксизму чужд схематизм и именно на базе марксистской методологии может быть найдено адекватное историческим условиям решение сложной проблемы сочетания творческой деятельности передового класса с учетом объективных условий, законов истории, использования эволюции для подготовки революции, проведения реформ на основе революционного переворота. Ошибки Плеханова не затрагивают чести марксизма. Бэрон делает ударение на том, что эволюция не всегда подготавливает революцию, если господствующие классы проявляют достаточное благоразумие, и приводит пример Англии и Германии. Но Германия все-таки не избежала двух революций (в 1848 и 1918 гг.), победы пролетариата в Баварии (в 1920 г.), революционных ситуаций 1923, 1932 и 1945 гг., образования ГДР и успешного строительства социализма на ее территории. Нелепо ссылаться и на Англию, пережившую антифеодальную революцию еще в XVII в. и наиболее ранний подъем политического движения пролетариата (чартизм). Однако эмиграция ослабила силы пролетариата, а колониализм помог буржуазии деморализовать его с помощью «рабочей аристократии».

Увлеченный всякого рода инсинуациями, Бэрон приписывает исторический волюнтаризм даже Плеханову, поскольку он не исключал в отдаленном будущем правомерности революции и интересами ее подготовки оправдывал свою поддержку буржуазии, предательство 1917 г. Между тем это была всего лишь дань политической демагогии, попытка реабилитировать капитуляцию перед буржуазией казустикой всякого рода, запоздалым повторением фразеологии «легальных марксистов».

Зато автор поднимает на шпиг все изречения Плеханова, отражающие его грехи 1917—1918 гг., — малодушие, реформизм, кадетские тенденции, предательство. В частности, обыгрывается заявление Плеханова о том, что победа Октябрьской революции объяснялась политической несознательностью пролетарских масс России,

где пропаганда марксизма начата была, возможно, слишком рано. Но пропаганда марксизма в России была начата своевременно и дала в 1917 г. замечательные плоды. Именно рабочий класс России показал тогда наивысшую степень политической сознательности, совершив под руководством большевиков величайшую в мировой истории революцию.

Этот раздел книги Бэрона содержит множество клеветнических заявлений в адрес В. И. Ленина. Сама книга написана ради них. Так, сотрудничество Плеханова с Лениным толкуется превратным образом, как использование Плеханова в «ленинской упряжке». На самом деле в конце XIX — начале XX в. В. И. Ленин относился к Плеханову с величайшим уважением и очень болезненно переживал перепития возникавших разногласий. Об этом имеются прямые показания самого Ленина, мемуарной литературы. О каком-то использовании Плеханова для узкогрупповых или личных целей не могло быть и речи. Ленинскую критику плехановского проекта Программы РСДРП Бэрон объявляет беспредметной. Но легко установить, что в проекте Плеханова имелось много ошибок, неправильно трактовался капитализм, неточно определялись взаимоотношения и роль отдельных классов. Эти ошибки и были вскрыты В. И. Лениным. Ему приписывается недооценка «исторического детерминизма», хотя именно Ленин блестяще и всесторонне исследовал объективные предпосылки как буржуазной революции, так и ее перерастания в социалистическую. Ленин вовсе не покушался на идею двух стадий революционного развития и прекрасно выяснил отличие социалистической революции от антифеодальной. Он предлагал лишь не возводить между ними «китайской стены». Обвинять его в недооценке революционных порывов буржуазии явно нелепо. Их не последовало, она сама разоблачила себя как сила контрреволюции в ходе грозных событий 1905 и 1917 гг.

Бэрон уверяет, будто В. И. Ленин принимал (как показывает книга «Что делать?») берштейннианский тезис о склонности рабочих... к реформизму. Трудно придумать более бесцеремонную фальсификацию. Само собой разумеется, что рабочие не рождаются революционерами и зрелыми марксистами. Поэтому, борясь с экономизмом, Ленин правильно акцентировал на задачах

РСДРП по организации и политическому просвещению российского пролетариата. Усматривать в этом солидаризацию с бернштейнманской трактовкой — значит заниматься софистикой. Ее разновидностью являются и рассуждения о том, что в период революции 1905 г. «революционный авантюризм» Троцкого был свойствен и Ленину. Но Ленин отвергал троцкистский лозунг «без царя, а правительство рабочее», предлагал учитывать необходимость определенных этапов революции, важность использования ее крестьянских резервов, актуальность создания революционной диктатуры пролетариата и крестьянства. Ленинская позиция была единственно правильной. Большевикам Бэрон приписывает «экспроприации», хотя ими занимались для пополнения финансовых ресурсов анархисты и эсеры, противники большевизма. Рассуждения о том, что Ленин собирался перескочить все стадии исторического развития, используя лишь революционные страсти народных масс, не имеют под собой даже малейшего основания. Наоборот. В. И. Ленин выдвигал лозунг лишь революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, учитывая буржуазно-демократический характер революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин развернул острую борьбу с «богостроительством», активно защищал философские позиции марксизма, а Бэрон уверяет, будто только Плеханов был последовательным сторонником марксистской философии, в то время как Ленин примиренчески относился к «богостроительству». Касаясь проблем 1917 г., Бэрон повторяет злостные измышления Троцкого об «идейном перевооружении» большевиков и принятии ими троцкистской концепции «перманентной революции». Однако в 1917 г. уже сложилась новая ситуация, буржуазно-демократическая революция победила, и Апрельские тезисы В. И. Ленина поставили задачу борьбы за социалистическую революцию. При этом четко разграничивались две революции, которые смешивались Троцким (вслед за анархистами). Ставилась задача использования для дела пролетарской революции революционных возможностей крестьянства, которые игнорировались Троцким. Поэтому не было противоречия между ленинской трактовкой революционных событий в Китае, Индии и России. Во всех случаях Ленин четко различал буржуазно-демократическую и социалистическую революцию. Что-

бы убедиться в этом, достаточно почитать его работы, посвященные критике анархизма и эсеровских иллюзий о «социализации земли». Признание этого различия не было специфически плехановским, его строго проводили еще Маркс и Энгельс. Спор шел о другом. Плеханов возводил «китайскую стену» между двумя революциями, а В. И. Ленин допускал перерастание одной в другую, поскольку в России XX в. антифеодалная революция развертывалась в несравненно более зрелых условиях (при наличии крупной промышленности, сильного рабочего движения, боевой пролетарской партии и т. д.). Не довольствуясь обличением ленинизма с троцкизмом, американский фальсификатор объявляет Ленина еще и бакунистом, повторяя домыслы Плеханова. Но Бакунин проектировал в свое время крестьянский бунт и «социальную ликвидацию», а не пролетарскую революцию, ориентировался на «вольную общину» и устранение государства, отвергал безоговорочно идею пролетарской диктатуры. Все это было чуждо Ленину.

Генеральная задача фальсификаций Бэрона состоит в доказательстве исторической беспочвенности Великой Октябрьской социалистической революции. Но аргументация новоявленного плехановеда выглядит весьма жалко. России открывалось, по его утверждению, много путей исторического развития, не предусмотренных марксистами, и только неповоротливость господствующих классов довела дело до революции. История опровергает эти домыслы. Еще Петр I пытался предвосхитить буржуазное развитие России, а позднее, в XIX в., российские самодержцы даже насаждали «казенный капитализм», чтобы нейтрализовать противоречия феодального режима. Разве реформа 1861 г., политика Витте и столыпинская реформа 1906—1910 гг. не были попыткой предотвратить революцию? И все-таки она грянула и победила. По мнению Бэрона, правительство Керенского могло предотвратить пролетарскую революцию, дав мир, землю и хлеб народным массам. Но оно не в состоянии было сделать это, оставаясь буржуазным, антинародным, империалистическим. Утверждать, будто пролетарские массы России в 1917 г. не интересовались социализмом и думали только о куске хлеба, значит беспардонно клеветать на них. Меньшевики, эсеры и кадеты как раз грозили рабочим хозяйственной разрухой, если

они пойдут за большевиками. Но пролетариат России встал под ленинское знамя и во имя социализма стойко перенес все трудности революции, гражданской войны, хозяйственных бедствий. Объяснять победу Октябрьской революции всего лишь организационными комбинациями большевиков по меньшей мере наивно. Эта победа была неизбежна, так как России оставалось идти лишь по пути, указанному гениальным Лениным. Сам Бэрн вынужден признать, что октябрьские события нанесли сокрушающий удар плехановской концепции.

Современный апологет капитализма не может обойтись без антисоветских инсинуаций. Ими напичкана и книга Бэрна. По его мнению, Советская Россия опровергла якобы марксистский тезис о том, что история делается без участия людей. Но никто из марксистов не выдвигал такого тезиса, а Октябрьская революция немислима без героизма народных масс. Их организацию большевики всегда считали одной из самых важных задач. Трагикомедия как капитуляции большевиков перед «крестьянским варваризмом» и запоздалое признание правомерности плехановских предупреждений явно нелепы. Не было капитуляции ни перед крестьянской стихией, ни перед капитализмом. Это наглядно показала эпопея успешного строительства социализма в последующие годы. При переходе к нэпу в 1921 г. речь шла об укреплении союза рабочего класса с крестьянством, о приобщении крестьянских масс к социалистическому строительству. История оправдала мудрые прогнозы В. И. Ленина. Социализм победил в СССР. Утверждать, будто Плеханов, критикуя народников, бакунистов, предвидел появление «культы личности» Сталина и оказался пророком, можно только в итоге фальсификаций, когда бездоказательно нагромождается одна нелепость на другую. Или Бэрн склонен и Сталина зачислить в разряд бакунистов, отрицавших всякую государственность? Приписывая Советскому Союзу «авторитарный коммунизм», Бэрн игнорирует развитие советской демократии, ее новые формы, самое широкое участие народных масс в деятельности хозяйственных органов и политического аппарата Советского государства. Он просто бесцеремонно клеветает на социалистический строй, хотя и не в состоянии отрицать его материальные успехи. Вновь и вновь повторяется набивший оскомину дживный

тезис буржуазных апологетов, утверждающих, что государственный контроль над средствами производства порождает социальную зависимость народных масс от государства. В Советском Союзе власть принадлежит народу и работа на государственном предприятии не порождает социальной зависимости, свойственной капитализму. Каждый новый работник становится членом трудового коллектива и получает долю продукта пропорционально затратам своего труда. Права и обязанности трудящегося фиксированы законодательством, от произвола администраторов работающего ограждает коллектив. Государственный контроль над средствами производства избавил народы социалистических стран от безработицы, анархии производства, экономических кризисов. Неужели и в этом Бэрн будет усматривать признаки опасности такого контроля, увеличения «социальной зависимости» народных масс от государства?

Американский плехановед явно не сводит концы с концами. Он десятки раз признает, что в 1905 и 1917 гг. Плеханов потерпел сокрушительное поражение, события получили развитие, не предусмотренное плехановскими прогнозами. Тем не менее книга заканчивается вздорными рассуждениями о том, что эти прогнозы оправдались, так как на Западе реформизм не смог устранить капитализма, а в России пролетарская революция породила лишь беззаконие. Подобная интерпретация новейшей истории произвольна и фальшива. Во многих странах Западной Европы рухнул капитализм, а на территории России социализм победил. Больше того, под мудрым руководством КПСС народы Советского Союза успешно строят коммунизм. Знамя социализма реет и над огромными территориями ряда стран Востока.